

ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

№ 5 ЯНВАРЬ 1982

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 5 (2846)

30 ЯНВАРЯ 1982

ВЕТЕРАН

К. ЮРЬЕВ,
фото А. ГОСТЕВА

Они приехали в Свердловский райком КПСС столицы, чтобы получить удостоверения и нагрудные знаки «Пятьдесят лет пребывания в КПСС»,— старые большевики, члены партии с 1917—1921 годов. Маленькие, скромные по оформлению, с цифрой «50» в центре знаки — это прежде всего признание заслуг тех, благодаря кому в первую очередь мы считаем историю своей страны героической. Некоторые из собравшихся в этот день в райкоме начинали революционную деятельность еще в подполье. Все были участниками гражданской войны, вынесли на своих плечах тяготы первых пятилеток, Великую Отечественную войну, а после войны восстанавливали разрушенное хозяйство. Многие и сейчас в строю, по мере здоровья и сил помогают Родине и партии. Об этом говорил, открывая торжественную встречу, первый секретарь Свердловского райкома КПСС Анатолий Александрович Прохаев.

— Трудящиеся Москвы хорошо поработали в минувшем году. План по реализации продукции в целом выполнен. Внес в это свой вклад и Свердловский район, занявший в соревновании среди районов столицы по итогам последнего квартала третье место. Однако вправе ли мы забывать,— продолжал секретарь райкома,— что сегодняшние наши достижения — это лишь ступеньки той лестницы, основание которой закладывали вы, старые большевики. И сегодняшняя наша борьба за счастье людей — это продолжение вашей борьбы...

Каждый из сидящих в зале — живая история страны.

На торжественную встречу со старыми большевиками пришли комсомольцы, молодые коммунисты Свердловского района, и разговор, конечно, не мог не зайти о том, какой быть молодежи наших дней, какие качества неплохо бы ей позаимствовать у коммунистов двадцатых годов.

— Вызвал меня как-то партийный секретарь нашего завода,— вспоминал член КПСС с 1919 года Гавриил Григорьевич Пилипенко,— говорит, хотим выдвинуть тебя цеховым секретарем... Я отвечаю, мол, боюсь, получится ли, не слишком ли молод? Он спрашивает: «А сколько тебе лет?» Говорю, двадцать два. Он: «А мне столько же! И ничего, работаю!» Это я к тому, что смелее надо молодым доверять ответственность. Опыт только так и приобретается.

Они и сейчас обращают свой многолетний опыт партийной работы на пользу дела. Одни — члены различных комиссий райкома. Другие активно работают в партийных организациях по месту жительства, контролируя работу магазинов, предприятий бытового обслуживания.

Заведующая сектором учета Антонина Сергеевна Буцыкина рассказала, что это уже второе вручение старым большевикам удостоверений и нагрудных знаков «Пятьдесят лет пребывания в КПСС». Первое состоялось тридцать первого декабря прошлого года. Всего в Свердловском районе коммунистов более чем с пятидесятилетним стажем — тысяча восемьдесят один человек. Они в райкоме на особом учете, и здесь стараются сделать все возможное, чтобы поставить бесценный опыт ветеранов на службу сегодняшнему дню.

Среди многих ветеранов, получивших нагрудные знаки, были также товарищи К. П. Балакина, Ф. В. Башев, Ф. А. Голиков, А. С. Григорьева, В. С. Красулин, И. П. Лопухов, М. С. Луппа, А. П. Максимов, К. Г. Ребриков, И. А. Шварцман, которых вы видите на снимке.

После вручения знаков в райкоме партии.

Ы ПАРТИИ

От Центрального Комитета КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР

Центральный Комитет Коммунистической партии Советского Союза, Президиум Верховного Совета СССР и Совет Министров СССР с глубоким прискорбием извещают, что 25 января 1982 г. на 80-м году жизни, после непродолжительной тяжелой болезни скончался видный деятель Коммунистической партии, Советского государства и международного коммунистического движения, член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС, депутат Верховного Совета СССР, дважды Герой Социалистического Труда Суслов Михаил Андреевич.

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ КПСС | **ПРЕЗИДИУМ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР** | **СОВЕТ МИНИСТРОВ СССР**

МИХАИЛ АНДРЕЕВИЧ СУСЛОВ

25 января 1982 г. на восьмидесятом году жизни после непродолжительной тяжелой болезни скончался член Политбюро, секретарь ЦК КПСС, депутат Верховного Совета СССР, дважды Герой Социалистического Труда Михаил Андреевич Суслов. Ушел из жизни видный деятель Коммунистической партии, Советского государства и международного коммунистического движения. Вся его жизнь, все его силы и знания, весь его талант были отданы партии и народу.

Михаил Андреевич Суслов родился 21 ноября 1902 г. в селе Шаховском Павловского района Ульяновской области в семье крестьянина-бедняка. С юношеских лет идеи и дело Октябрьской революции определили его жизненный путь. В 1918—1920 годах, работая в комитете бедноты, в уездной комсомольской организации, он активно включился в борьбу за создание нового общества, за лучшую жизнь для трудящихся.

В 1921 году М. А. Суслов был принят в ряды Коммунистической партии. Командированный на учебу в Москву, он в 1924 году окончил Пречистенский рабфак, а в 1928 году — Московский институт народного хозяйства имени Г. В. Плеханова. Затем учился в Экономическом институте красной профессуры и вел преподавательскую работу в Московском государственном университете и Промышленной академии.

В 1931 году Суслов М. А. был направлен партией на работу в Центральную контрольную комиссию ВКП(б) и народный комиссариат рабоче-крестьянской инспекции и с тех пор постоянно трудился на ответственных участках партийной и государственной деятельности. В 1937—1939 годах М. А. Суслов — заведующий отделом, секретарь Ростовского обкома партии. В 1939—1944 годах — первый секретарь Ставропольского крайкома КПСС.

В годы Великой Отечественной войны Михаил Андреевич Суслов отдавал все свои силы делу победы над врагом. Будучи начальником Ставропольского краевого штаба партизанских отрядов, членом Военного совета Северной группы войск Закавказского фронта, он активно участвовал в борьбе против фашистских оккупантов.

В 1944—1946 годах М. А. Суслов — председатель бюро ЦК партии по Литовской ССР, которое оказывало помощь партийной организации республики в деле ликвидации последствий войны, упрочения советского строя в Литве.

С 1946 года М. А. Суслов работал в Центральном Комитете КПСС. На XVIII съезде партии он был избран в состав Центральной ревизионной комиссии. На XVIII Всесоюзной партийной конференции (1941 г.) и всех последующих съездах партии избирался членом Центрального Комитета. С 1947 года М. А. Суслов бессменно работал секретарем ЦК партии. В 1949—1950 годах одновременно был главным редактором газеты «Правда».

В 1952—1953 и в 1955—1966 годах М. А. Суслов — член Президиума ЦК КПСС, с 1966 года — член Политбюро Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза.

В 1941 году М. А. Суслов был избран в Верховный Совет СССР и являлся депутатом всех его созывов. В 1950—1954 годах он был членом Президиума Верховного Совета СССР, а с 1954 года — председателем Комиссии по иностранным делам Совета Союза.

На всех постах, которые ему доверяли Коммунистическая партия и народ, Михаил Андреевич Суслов проявил себя выдающимся организатором, несгибаемым борцом за великое дело Ленина, за успешное решение задач коммунистического строительства. Являясь крупным теоретиком партии, он многое сделал для творческого развития марксистско-ленинской теории, твердо отстаивал ее чистоту. Он внес большой вклад в дело расширения и укрепления интернациональных связей нашей партии со всеми отрядами мирового революционного и национально-освободительного движения. Важное место в его деятельности занимали вопросы укрепления братской солидарности со странами социалистического содружества, борьбы нашей страны за дело мира.

Михаила Андреевича Суслова отличали большевистская принципиальность, требовательность к себе и другим, исключительное трудолюбие, умение творчески подходить к острым и сложным вопросам современности. Человек большой души, кристальной нравственной чистоты, исключительной скромности, он снискал себе глубокое уважение в партии и народе.

За большие заслуги перед Коммунистической партией и Советским государством М. А. Суслов дважды удостоен звания Героя Социалистического Труда, награжден пятью орденами Ленина, орденами Октябрьской Революции и Отечественной войны I-й степени, многими медалями СССР. Он отмечен также наградами ряда братских социалистических государств.

Светлая память о Михаиле Андреевиче Суслове, верном сыне партии, большевике-ленинце, отдавшем всю свою жизнь великому делу коммунистического строительства, навсегда сохранится в сердцах советских людей.

Л. И. Брежнев, Ю. В. Андропов, М. С. Горбачев, В. В. Гришин, А. А. Громыко, А. П. Кириленко, Д. А. Кунаев, А. Я. Пельше, Г. В. Романов, Н. А. Тихонов, Д. Ф. Устинов, К. У. Черненко, В. В. Щербицкий, Г. А. Алиев, П. Н. Демичев, Т. Я. Киселев, В. В. Кузнецов, Б. Н. Пономарев, Ш. Р. Рашидов, М. С. Соломенцев, Э. А. Шеварднадзе, И. В. Капитонов, В. И. Долгих, М. В. Зимянин, К. В. Русаков, Г. Ф. Сизов, И. В. Архипов, Н. К. Байбаков, Г. И. Марчук, И. Т. Новиков, Н. В. Мартынов, А. К. Антонов, И. И. Бодюл, В. Э. Дымшиц, К. Ф. Катушев, Л. А. Костандов, В. Н. Макеев, З. Н. Нуриев, Л. В. Смирнов, Н. В. Талызин, М. А. Яснов, М. П. Георгадзе, А. П. Шитиков, В. П. Рубен, А. П. Александров, А. И. Шибаев, Б. Н. Пастухов, Г. С. Павлов, К. М. Боголюбов, Е. М. Тяжельников, С. П. Трапезников, Н. М. Пегов, Н. А. Петровичев, Г. М. Марков, Т. Н. Хренников, Л. А. Кулиджанов, Н. А. Пономарев, И. М. Кузнецов, В. А. Зимнев, В. С. Мураховский, В. К. Гусев, Е. Ф. Муравьев, Е. И. Чазов, Ю. Ф. Соловьев, И. Я. Прокофьев, А. М. Школьников, С. В. Клейменов, И. А. Бондаренко, П. П. Гришкявичус.

При подписании документа. Фото В. Будана (ТАСС)

В ИНТЕРЕСАХ ОБЕИХ СТРАН

По приглашению ЦК КПСС и Советского правительства с 18 по 24 января 1982 года в СССР с официальным дружественным визитом находилась партийно-правительственная делегация Народной Республики Ангола во главе с членом Политбюро, секретарем ЦК МПЛА — Партии труда, членом Постоянной комиссии Народной ассамблеи НРА Лусио Ларой.

Высокие гости посетили, кроме Москвы, Азербайджанскую ССР, где ознакомились с жизнью и трудом советского народа, его достижениями в социально-экономическом и культурном строительстве. Повсюду им был оказан радушный прием, отражающий чувства дружбы советского народа к ангольскому народу.

Во время визита между членом Политбюро ЦК КПСС, Председателем Совета Министров СССР Н. А. Тихоновым, кандидатом в члены Политбюро, секретарем ЦК КПСС Б. Н. Пономаревым и членом Политбюро, секретарем ЦК МПЛА — ПТ, членом Постоянной комиссии Народной ассамблеи НРА Лусио Ларой состоялись переговоры, прошедшие в обстановке дружбы и взаимопонимания.

В ходе переговоров делегации обменялись информацией о деятельности КПСС и МПЛА — Партии труда, о ходе социально-экономического развития своих стран и обсудили вопросы дальнейшего укрепления дружбы и разностороннего сотрудничества между СССР и НРА. Состоялся также обмен мнениями по актуальным международным проблемам, в том числе о положении в Африке.

Обе стороны приветствовали укрепление сотрудничества между КПСС и МПЛА — ПТ, рассматривая его как важнейший фактор развития отношений между двумя странами.

Участники переговоров с удовлетворением отметили успешное и динамичное развитие двусторонних отношений в широком круге областей. Они подтвердили желание крепить узы дружбы и содействовать прогрессу разносторонних связей между СССР и НРА на основе Договора о дружбе и сотрудничестве между СССР и НРА, пятилетие которого было недавно отмечено.

Обе стороны заявили об обоюдном стремлении повышать уровень советско-ангольского экономического, научно-технического сотрудничества и торговли, а также принимать меры по их дальнейшему совершенствованию на долговременной плановой основе. Стороны подписали программу экономического и технического сотрудничества между СССР и НРА на 1981—1985 годы и на перспективу до 1990 года.

С советской стороны документ подписал Н. А. Тихонов.

С ангольской стороны — Л. Лара.

Обе стороны отметили, что состоявшиеся переговоры и подписанные советско-ангольские документы явились новым важным вкладом в дальнейшее развитие и укрепление дружбы и всестороннего сотрудничества между двумя странами.

ПЯТИЛЕТКА, ГОД ПЕРВЫЙ

В печати опубликовано сообщение ЦСУ СССР об итогах выполнения Государственного плана экономического и социального развития СССР в 1981 году.

Трудящиеся Советского Союза, говорится в нем, развернув социалистическое соревнование по претворению в жизнь решений XXVI съезда КПСС, обеспечили в истекшем году дальнейший рост общественного производства и его эффективности. Последовательно реализуется программа повышения народного благосостояния.

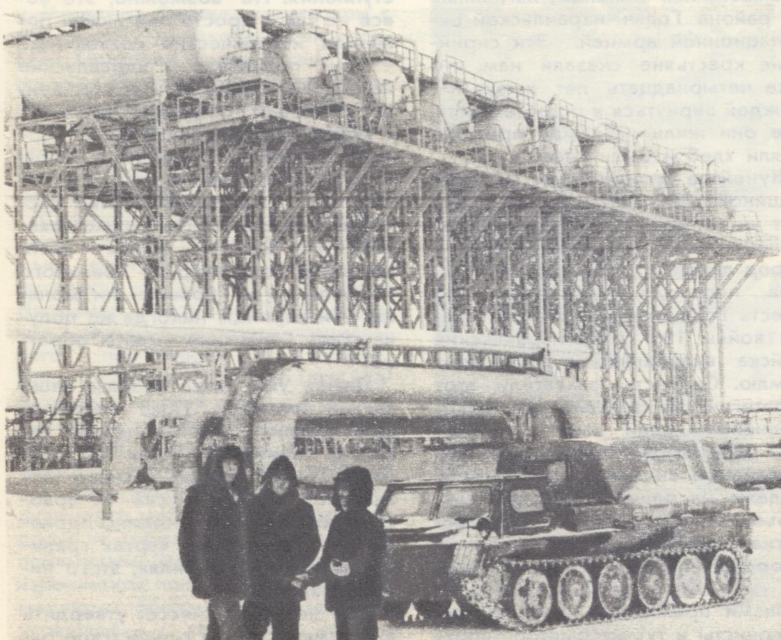
Национальный доход, использованный на потребление и накопление, возрос на 3,2 процента. Продукция промышленности увеличилась за этот срок в среднем на 3,4 процента. Производительность труда в промышленности возросла на 2,7 процента; за счет этого получено более четырех пятых прироста производства. Перевыполнены годовые планы по объему продукции целым рядом важнейших министерств, в том числе энергетики и электрификации, нефтяной, газовой промышленности, химического и нефтяного машиностроения и т. д.

Как и в предыдущие годы, была обеспечена полная занятость трудоспособного населения. Реальные доходы в расчете на душу населения возросли за год на 3,3 процента.

Проводились мероприятия по улучшению структуры управления народным хозяйством и совершенствованию хозяйственного механизма.

Осуществляется дальнейшее развитие сельскохозяйственного производства на базе межхозяйственной кооперации и агропромышленной интеграции.

Численность населения Советского Союза на 1 января 1982 года составила 268,8 миллиона человек.

Самого высокого уровня добычи нефти в сутки достиг в эти дни коллектив ордена Ленина Главтюменьнефтегаза за все годы разработки северных месторождений. Сибирские нефтяники активно участвуют в социалистическом соревновании за достойную встречу 60-летия СССР. На снимке: на промыслах нефтегазодобывающего управления Федоровскнефть.

Фото И. Сапожкова (ТАСС)

УКАЗ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

О награждении Генерального секретаря Центрального Комитета Коммунистической партии Вьетнама товарища Ле Зуана орденом Ленина

За большие заслуги в революционном движении, в укреплении мира и социализма, за активный вклад в развитие и упрочение братской дружбы и всестороннего сотрудничества между народами Союза Советских Социалистических Республик и Социалистической Республики Вьетнам наградить Генерального секретаря Центрального Комитета Коммунистической партии Вьетнама товарища **Ле Зуана** орденом **Ленина.**

**Председатель Президиума Верховного Совета СССР
Л. БРЕЖНЕВ.
Секретарь Президиума Верховного Совета СССР
М. ГЕОРГАДЗЕ.**

Москва, Кремль. 22 января 1982 г.

УКАЗ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

О награждении члена Политбюро ЦК КПВ, Председателя Государственного совета Социалистической Республики Вьетнам товарища Чыонг Тиня орденом Ленина

За активное участие в революционном движении, большой вклад в развитие и укрепление братской дружбы и всестороннего сотрудничества между народами Союза Советских Социалистических Республик и Социалистической Республики Вьетнам наградить члена Политбюро ЦК КПВ, Председателя Государственного совета Социалистической Республики Вьетнам товарища **Чыонг Тиня** орденом **Ленина.**

**Председатель Президиума Верховного Совета СССР
Л. БРЕЖНЕВ.
Секретарь Президиума Верховного Совета СССР
М. ГЕОРГАДЗЕ.**

Москва, Кремль. 22 января 1982 г.

ГОЛАНСКИЕ ВЫ ВЗРЫВООПАСНЫЙ

Владимир КОВНАТ, корреспондент-кинооператор Советского телевидения

Фото автора

Когда ездишь по дорогам Ближнего Востока, в машине всегда должно быть включено радио: нельзя пропускать ни один выпуск новостей. Обстановка в регионе уже давно накалена и очень изменчива. Так, в середине декабря на пути между Бейрутом и Дамаском мы узнали из радиосообщений, что Израиль принял закон о фактической аннексии большого района Сирии, называемого Голанскими высотами. Каким образом государство Израиль принимает закон о суверенной территории государства Сирия? Что это за Голанские высоты, о которых постоянно пишет мировая пресса? Почему город Кунейтра теперь не является даже населенным пунктом?

Миновав ливано-сирийскую границу и проехав Дамаск, мы вскоре оказались перед придорожным плакатом «Добро пожаловать в Кунейтру!». Но это был еще не город. Здесь, во временном поселке, разместились беженцы, изгнанные из района Голан израильской оккупационной армией. Эти сирийские крестьяне сказали нам, что уже четырнадцать лет живут надеждой вернуться в родные места, где они жили на земле предков, сеяли хлеб и были счастливы...

Кунейтра встретила нас мертвой тишиной. Дело в том, что здесь нет ни жителей, ни домов. Только руины, руины и руины... Мертвый город лежит в долине среди холмов, переходящих в горы, — это и есть Голанские высоты. Во время войны 1967 года израильские войска вклинились в сирийскую землю. Сионисты захватили этот стратегически важный и плодороднейший край вместе с городом Кунейтрой. Не обращая ни малейшего внимания на протесты и даже на решения Организации Объединенных Наций, захватническая так называемая «Армия обороны Израиля» стала поспешно «врастать в землю». Вслед за танками примчались израильские колонисты и тут же быстро «вросли» в чужие плодородные поля. Единственное, в чем воинствующие сионисты согласились уступить Организации Объединенных Наций (на седьмой год оккупации), это вернуть сирийцам их город Кунейтру... но без окружающих его земель! Накрутив ряды колючей проволоки и выставив противотанковые ежи с трех сторон городской черты, израильтяне вышли из Кунейтры. Но и такая уступка мировому общественному мнению показалась израильскому правительству явно чрезмерной, даже, пожалуй, оскорбительной для бело-синего флага с шестиконечной звездой. Поэтому, чтобы никто в мире не посмел обвинить «армию обороны» в излишней гуманности или в чем-либо подобном, израильские саперы просто уничтожили город. Они взорвали каждый дом, причем так основательно, что бетонные крыши рухнули на землю, а от стен остались лишь обломки. Так через много лет после разгрома гитлеризма к Гернике, Ковентри, Лидице и Хатыни прибавилось еще одно название — Кунейтра. Колокола Хатыни звучали у нас в ушах, когда мы шли по улицам Кунейтры, среди развалин, поросших бурьяном...

Израильтяне убили город и ушли. Впрочем, ушли недалеко — в сотне метров от руин расположился израильский пост. По сохранившейся «окружной» дороге ездят «джипы» с вооруженными до зубов вояками. Казалось, этих бравых молодцов так и тянет к месту преступления. Но возможно, это вовсе не так, а просто они любят посещать исторические развалины...

Чуть подальше — израильские поселенцы деловито и хозяйственно собирают обильный урожай... с чужой земли. Идиллическая картина, ничего не скажешь. А чтобы ни у кого не было никаких сомнений, его превосходительство господин Менахем Бегин прямо заявляет, что вся эта земля — часть исконной территории «Великого Израиля» — ни больше ни меньше — и сирийцы никогда не получат свои Голанские высоты обратно!

Давно уже пора назвать вещи своими именами. Пока населяющие Ближний Восток арабы не смогут прийти к единству, Израиль будет снова и снова отхватывать лучшие куски от арабских земель. А где именно проведены на секретных картах границы «Великого Израиля», этого никто не знает...

Еще не успел кнессет утвердить аннексию Голан, а сионистское ра-

СОТЫ – РАЙОН

дио уже передавало «научные» программы об археологических находках на Голанских высотах, якобы подтверждающих право Израиля на захват сирийских земель. Зловещий характер носит израильская археология! Несчастные северные соседи Израиля — ливанцы — невольно вздрогнули, услышав по тому же радио на арабском языке, что в южноливанском городе Тире был когда-то иудейский храм. По этому поводу один старый тирский рыбак горько пошутил, что израильские военные корабли подходят к Тиру и крушат его ракетами, видимо, в «археологических» целях. Нет, пожалуй, теперешнее правительство Бегина слишком уж страстно любит руины, вернее, любит их «создавать» на земле соседних государств.

Почему же Организация Объединенных Наций не может унять агрессора? Да потому, что любая резолюция, задевающая Израиль, тут же встречает решительный отпор — вплоть до вето — со стороны представителей США. Сионизм пользуется прямой и откровенной поддержкой Вашингтона.

Все же долготерпение народов небезгранично, и это теперь понимают многие граждане государства Израиль. Кому, как не им, следует знать, что сомнительная слава захватнического расистского государства не приведет к добру? На каждую военную силу может найтись еще большая сила, и что тогда? Ведь население арабских стран значительно превышает сто миллионов человек, а подданных у Менахема Бегина — всего три с половиной миллиона. Гитлеровская Германия имела в свое время куда больший военно-промышленный потенциал, а все-таки потерпела полный крах. Авторам проекта «Великий Израиль» стоило бы немножко проштудировать военную историю.

Сионисты очень активно используют в своих целях так называемые «американские жизненные интересы на Ближнем Востоке». Например, президент США направил в этот регион своего специального посланника Ф. Хабиба. Пока господин Хабиб пытался уладить израильские дела в Сирии и Ливане, новейший и лучший американский ударный авианосец «Нимиц» полным ходом распахивал своим форштевнем воды Средиземного моря. Манера брать народы за горло уже давно стала привычным методом американо-израильской политики. Но времена меняются. Миссия Хабиба не была успешной — и авианосец не помог. Израильское правительство было разочаровано... на некоторое время.

...Но вернемся на Голаны. Из Кунейтры невооруженным глазом хорошо видна израильская станция радиослежения, стоящая на горе, господствующей над прилегающим районом Сирии — вплоть до Дамаска. Над мертвым городом пролетают сверхзвуковые бомбардировщики, а радио в это время сообщает, что израильское командование концентрирует в районе Голанских высот танки, боевые вертолеты, артиллерию и ракеты. Здесь всегда была напряженная обстановка. Теперь она стала по-настоящему взрывоопасной. От ближайшего израильского поста до столицы Сирии — меньше часа езды на автомобиле. Голаны стали новым потенциальным очагом войны.

В Дамаске министр информации Сирии Ахмед Искандер Ахмед заявил группе иностранных журналистов, в том числе американских, что Сирия не хочет войны, но если это случится, прольются слезы не только арабских матерей... Двадцатого декабря международные информационные агентства сообщили, что из-за отсутствия в Соединенных Штатах должного восторга по поводу аннексии Израилем Голанских высот господин Менахем Бегин основательно рассердился и крепко отчитал американское правительство.

Но милые бранятся — только тешатся... Месяц спустя в Совете Безопасности ООН состоялось голосование по проекту резолюции, осуждающей аннексию Израилем Голанских высот. В соответствии с ним Совет, определяя эти действия как акт агрессии, потребовал от всех государств — членов ООН рассмотреть вопрос о «применении конкретных и эффективных мер с тем, чтобы аннулировать аннексию Израилем сирийских Голанских высот и воздерживаться от оказания любой помощи или поддержки Израилю и сотрудничества с ним во всех областях». За резолюцию было подано девять голосов (пять членов Совета воздержались). Однако, воспользовавшись правом вето, США сорвали ее утверждение. Как только дело дошло до практических мер в отношении агрессора, Вашингтон прекратил лицемерную игру и полностью встал на сторону израильских «ястребов».

Бейрут, январь 1982 года.

СПЕЦИАЛЬНО ДЛЯ «ОГОНЬКА».

Пост оккупационной израильской армии.

Здесь прошли сионисты.

ДОМ ВРАТАРЯ

В. ВИКТОРОВ

Что необходимо хоккейному вратарю, чтобы быть счастливым? Вера в свою неуязвимость? Способность безошибочно гасить шайбы, летящие на него со скоростью полтораста километров в час? Убежденность в том, что он нужен команде? Да, конечно, все это необходимо вратарю, чтобы верить, если говорить хоккейным языком, в свою «непробиваемость». Но достаточно ли этого для полновесного ощущения счастья? Нет, кроме рук, покоряющих шайбы, вратарю надо еще и сердце любящее. Любящее не только хоккей, но и тех близких ему людей, которые волнуются за него, присутствие которых он всегда ощущает рядом в самые трудные и даже опасные для себя мгновения. Пусть их нет в ледовом дворце, когда идет игра, пусть у него даже нет уверенности, что следят они за ним по телевизору,— они все равно рядом, и ему очень важно верить в это. И веру эту Владислав Третьяк начал укреплять в себе с тех самых пор, когда семнадцатилетним юношей занял место в воротах команды ЦСКА. И хоть он не очень часто стал появляться в родительском доме, а в своей однокомнатной квартире и того реже, сама мысль, что у него есть место не только в хоккейных воротах, грела сердце.

Но наступает время, когда хочется ощущать не только родительскую заботу, иметь не только родительский кров. И сознание, что, сколько ты ни будешь звонить в дверь своей холостяцкой квартиры, тебе все равно никто не откроет, угнетало его все больше.

Грустные эти мысли все чаще тревожили его в круговороте тренировок и матчей, поездок в ближние и дальние края, в часы институтских занятий (Владислав учился тогда в Малаховском институте физкультуры, который в свое время окончила и его мать) и в редкие дни отдыха, которые он проводил с родителями. А тут еще подруга матери как-то бросила мимоходом, что знает одну милую девушку, которая Владику наверняка понравится, и семья у нее хорошая, и отец, между прочим, военный летчик. И эта-то последняя деталь очень заинтересовала отца Владислава Третьяка — Александра Дмитриевича, тоже военного летчика, так, что он несколько раз спрашивал сына, когда же тот познакомится с девушкой по имени Таня. Но у молодого вратаря все не оказывалось для этого времени, а когда знакомство наконец-то состоялось, не сразу удалось ему найти время для новой встречи.

Но вот наконец назначено новое свидание, у Ярославского вокзала. Место людное, мимо валит народ, многие его узнают, улыбаются, оборачиваются, а тут еще какой-то таксист подходит и прямо спрашивает: «Кого ждешь, Третьяк? Что, опаздывает?» А Третьяку не до вопросов, и общественный интерес к его персоне сейчас совершенно ни к чему, это же не матч с московским «Динамо». И после нескольких встреч с девушкой Третьяк прямо сказал, что хотел бы познакомиться с ее родителями, и если нет с ее стороны возражений, посетит их дом вместе с отцом...

К Тане отец и сын отправились, купив два обручальных кольца, и вот свадьба назначена на самое ближайшее время, поскольку Третьяк в составе сборной команды страны должен был вылететь в Канаду на первую в истории нашего хоккея встречу с профессионалами.

Но и в этот радостный, сугубо личный момент в жизни Третьяка хоккей не выпустил его из своих железных объятий. В Спорткомитете, узнав о предстоящем событии в жизни вратаря ЦСКА, попросили его сыграть свадьбу несколько позже, после возвращения из Канады. Нетрудно себе представить огорчение жениха и невесты. Даже сквозь вратарскую маску можно было разглядеть печальное лицо молодого вратаря. Каково-то было товарищам по команде удивляться непривычной понурости его фигуры, которую не могли скрыть даже богатырские доспехи. И в конце концов старший тренер команды Анатолий Владимирович Тарасов, известный своей фанатической приверженностью к суровому спортивному режиму, не выдержал и на свой страх и риск разрешил свадьбу.

Эта почти тайная свадьба собрала за праздничным столом всех друзей молодых, всех соратников Владислава по армейской команде, а спустя несколько дней после свадебного застолья молодой супруг улетел за океан навстречу самому трудному матчу в его жизни, и сейчас, вспоминая в разговоре со мной об этом эпизоде, он заметил: «Так я и провел свой медовый месяц с хоккейными профессионалами...»

Одиннадцать раз после той первой поездки за океан приходилось Третьяку играть против канадских и американских хоккеистов, и ни одна эта встреча не показалась ему такой трудной, как та, первая,— прямо со свадьбы на заморский лед. А для Тани Третьяк все игры Владика одинаково трудны. Такова уж доля жены хоккеиста. Конечно, за девять лет Таня как-то примирилась с тем, что ее неугомонный супруг все время уезжает, а если и выступает в Москве, то все равно дома бывает урывками, на бегу, на лету. Примирилась, но не привыкла. И как же она завидовала своим подругам, которые могли вечерком спокойно включить свой телевизор, усесться перед ним в мягком кресле и с удовольствием наблюдать, как шайбы покорно гаснут в ловушке знакомого им Владика Третьяка. Но для Тани этот вратарь был еще и близким, любимым человеком, и поэтому сенсационный хоккейный матч был для нее не столь приятным зрелищем, сколь тяжелым испытанием. И с каждым годом становилось все тяжелее. Ведь Владиславу уже под тридцать, за его плечами двенадцать лет вратарского стажа, на лице уже немало боевых отметин.

Да, Третьяку уже под тридцать, но представить себе, каким он был девять лет назад, совсем несложно. Он и сейчас по-юношески улыбчив, и шрамы на щеках и на лбу совсем незаметны, так что легко вообразить и сегодня, как чернобровый, улыбчивый юноша с двумя обручальными кольцами в кармане ехал к своей избраннице, а она в то время и не представляла себе, как опасно увлечение, с которым Владислав связал свою жизнь.

— Ну почему ты хоккеист, и притом еще вратарь, а не бегун, теннисист, пловец?— как-то вскоре после свадьбы спросила Таня своего мужа. И тот, весело улыбаясь, рассказал ей, что к хоккею его подтолкнула родная мать, поскольку она еще задолго до рождения сына играла в хоккейной женской команде.

— В женской? — удивилась Таня.—Разве у нас женщины играли в хоккей?

— Представь себе, играли,— сказал Владислав.— В самый настоящий, с мячом. И когда мне было лет пять, я нашел где-то в углу две тростниковые клюшки, оставшиеся с тех времен, и мы с братом устраивали во дворе азартные состязания...

Вот почему, когда Владиславу Третьяку исполнилось одиннадцать, он стал просить, чтобы его научили играть в хоккей по-настоящему. Конечно же, он хотел быть нападающим, но так как в детской школе ЦСКА, куда его приняли, оказалась свободной только форма вратаря, а Владику не терпелось надеть спортивные доспехи, то его и поставили в ворота.

Все сложилось очень просто, и через шесть лет Виталий Георгиевич Ерфилов — его первый тренер — передал Владика самому Тарасову, а еще через три года у него за плечами был уже солидный хоккейный стаж.

Да, быстро летит время, и вот Владислав Третьяк уже не солдат-новобранец, а майор Советской Армии, слушатель второго курса Военно-политической академии имени В. И. Ленина, отец двух детей, и он бесконечно благодарен жене, которая создала ему дом, где можно перевести дыхание, отдохнуть от хоккея.

Обо всем этом он рассказывает охотно, так же как и о том, что скрывается под двумя словами «хоккейный сезон». Тренировки два раза в день. Свист шайб над головой. Забота о молодежи парторга команды Третьяка, который теперь старейший игрок в своей команде. Учебники на столике у изголовья постели в тихом загородном доме. Частые игры, иногда по три-четыре в неделю. И перед каждой игрой — надежда, что на этот раз шайбы окажутся помягче,— они ведь бывают разными, шайбы. Выступления в Горьком, Челябинске, Ижевске, Ленинграде, Риге, Киеве, Воскресенске и самолетные маршруты, протянувшиеся далеко за пределы страны. Димочка родился, когда он собирался в Горький, а Ирочка — когда он снова выступал на американском льду. Вот что такое «хоккейный сезон».

Обо всем этом Третьяк рассказывает просто и легко, только о двух обстоятельствах он не любит ничего говорить: о своих травмах и о том, как настраивает себя на каждую игру, совершенно отключаясь от всего окружающего.

Впрочем, для одной травмы он делает исключение и говорит о ней улыбаясь — наверное, потому, что уж очень она оказалась необычной. Третьяк сломал ногу не на льду, не в игре, а выходя из автобуса. Что может быть нелепее? Он даже рассмеялся, несмотря на боль, а когда ногу уложили в гипс и привезли его домой, жена, узнав, что перелом несерьезен, обрадовалась: «Ну, наконец-то поживешь дома!»

Но Третьяк не очень-то зажился дома. Надо было как можно скорее входить в строй, предстояли игры на чемпионате мира в Швеции. И вскоре он, выполняя указание тренера Виктора Васильевича Тихонова, сидел в воротах на скамеечке и ловил теннисные мячи и работал в гимнастическом зале, а через полтора месяца, еще прихрамывая, снова занял свое место в воротах...

Уже стало тривиальным утверждение, что трудно писать о человеке, лица которого невозможно разглядеть под маской. Но Владислав Третьяк охотно снимает свою маску. Он не скрывает того, что жизнь не очень легка и в прошлом и в настоящем. В своем первом матче он пропустил за полтора периода одиннадцать шайб и не смог сдержать слез. Он и сейчас с благодарностью вспоминает вратарей, у которых учился,— Виктора Коноваленко, Александра Пашкова. Долгие годы прошли, пока он сравнялся с ними, а потом и превзошел их, но разве те двенадцать бросков, которые он отразил в финальном матче на «Кубок Канады», так уж легко дались ему? Нет предела мастерству, и Третьяк сегодня без устали изучает повадки самых опасных нападающих, не только «своих», но и заморских, и старается играть так, чтобы скользящие шайбы — самые трудные — удавалось бы отбивать так же легко, как и верховые. И в команде своей ищет взаимопонимания не только со своими ближайшими помощниками — защитниками, но и с нападающими.

Да, у него трудная жизнь, но он любит ее. Эта жизнь приносит ему радость, и он горд тем, что и сегодня по-прежнему успевает посмотреть сквозь забрало маски в глаза нападающему, прежде чем тот успеет метнуть шайбу в створ его ворот. И он гордится тем, что приносит радость миллионам людей, помогает им поверить в то, что и они такие же ловкие, бесстрашные, что каждый из них мог бы так же уверенно подставлять шайбе свою грудь...

Вернувшись из очередного полета, Владислав Третьяк устремляется к телефону-автомату, быстро набирает номер своего домашнего телефона и, услышав взволнованный голос жены, говорит:

— Еду домой!

Александр ЗАХАРОВ

РЕЦЕНЗИЯ-ФЕЛЬЕТОН

РОССИЯ ПО ГОСПОДИНУ ЛИППИНКОТТУ

Дорогой читатель, у меня есть для тебя ошеломляющая новость! Если хочешь пройти туристом в Кремль — будь любезен зарегистрироваться в московской префектуре полиции, предъявить удостоверение личности и получить пропуск. Что? Префектур в Советском Союзе нет? А в Кремль вход свободный для всех желающих? Но, помилуйте, я же из самых авторитетных источников! И автор солидный человек — Дэвид Липпинкотт, американский писатель. Не слышали? Я, признаться, тоже до сих пор не слышал. Пока не попал мне в руки его роман «Соляная шахта»—о жизни в СССР, в частности в Москве.

Об этом романе американский журнал «Паблишез уикли» писал так: «Автор, хорошо знающий Россию и Москву, оркеструет повествование гладко и достоверно». Однако не все в опусе г-на Липпинкотта так гладко, как показалось его рецензентам. Вот, например, перед нами проходит вереница персонажей наших с вами, читатели «Огонька», соотечественников с «типично» русскими именами: Дово, Токо, Тбор, Димми, Клемент... Причем имена это или фамилии, г-н Липпинкотт не указывает. Наверное, не разобрался сам. Другой группе советских граждан, описанных Липпинкоттом, повезло больше. Их он снабдил именами, уже более менее приближенными к действительности. Вот, например, Василий Дмитрович Клин — министр государственной безопасности Советского Союза, распекающий своего подчиненного, директора КГБ Чорниева. Здесь, правда, г-н Липпинкотт снова дал маху. В СССР таких должностей нет. Есть председатель КГБ. А структуру, описанную в «Соляной шахте», Липпинкотт просто-напросто «содрал» с американской действительности: это в США в министерство юстиции входит ФБР, директор которого — хотя бы формально — подчинен министру. Судя по тому, как «чекисты», нарисованные бойким пером г-на Липпинкотта, браво хватают людей, раскрывая кожаные футлярчики и тыча арестованным в нос лежащие там служебные жетоны и удостоверения с фотографией и отпечатком пальца, эту «советскую» процедуру г-н Липпинкотт тоже содрал с более ему знакомой американской действительности. Поэтому, логически продолжив мысль, нетрудно догадаться, кто служил ему прототипом «чекистов».

Сделав несуществующему министру госбезопасности фамилию из названия русского города, Липпинкотт решил идти по протоптанному им пути и дальше. Так, в повествовании появляется генерал-полковник Советской Армии Псков и его начальник, министр обороны СССР маршал Бородинский. Хорошо еще, что не Бородинский Панорамович...

Где-то чего-то нахватавшись по русской истории, Липпинкотт, видимо, запомнил несколько известных в ней имен. И вот в его опусе появляется руководитель еще одного несуществующего советского министерства «производства и промышленности» Герцен и его штатная любовница Мария Свердлова. А вот еще фигура с известным именем — заместитель Клина Писарев. Вообще г-н Липпинкотт просто страдает манией создавать в СССР несуществующие министерства и ведомства. Откуда, интересно знать, взял он министерство общественной информации или «сеть безопасности вооруженных сил»?

А вот и главный «герой» произведения г-на Липпинкотта — «типичный» золотоволосый азербайджанец с «типично» азербайджанским именем Алексей Андреевич Грегарин, в просторечии Альоша, бывший старший лейтенант также не существующих в Советской Армии Специальных Тактических Войск, которого на титульном листе рекламирующие книгу издатели объявили почему-то евреем.

Вы заметили, читатель, что я уже рассказал о книге довольно много, а до ее сюжета все никак не дойду? Вы уж меня извините: говоря о произведении г-на Липпинкотта, невольно впадаешь в его стиль. Ведь в этом романе, пока дойдешь до сути, приходится пробираться через все эти несуществующие персонажи с их трудно произносимыми «русскими» именами. Вот, например, еще один запоминающийся образ—«квартальный надзиратель товарищ Года». Согласно г-ну Липпинкотту, «квартальный надзиратель» есть человек, следящий за настроениями во вверенном ему квартале и доносящий каждое слово жильцов властям. Был до революции в России такой полицейский чин, это верно, хотя и с несколько другими функциями.

А сюжетец? Сюжетец-то довольно немудреный: группа отчаянных отщепенцев, руководимых бравым Альошей, захватывает Оружейную палату в Кремле и Мавзолей Ленина, берет заложниками находившихся там иностранных туристов и требует как максимум отмены Советской власти в России, а как минимум — самолета за границу и побольше водки. Коварный Клин пытается взять их измором, прямолинейный маршал Бородинский думает штурмовать Оружейную палату танками... В конце концов авантюристы, выдуманные Липпинкоттом, получают свою водку, и их выдворяют из Советского Союза.

К водке автор, вообще неравнодушен. Вот он описывает «кафе для рабочего люда» «Машину голодную». В его «прокуренных комнатах с низкими потолками шум стоял от крика и смеха, туда приходили рабочие люди выпить после тяжелого рабочего дня». Согласно Липпинкотту, русские «простолюдины» пьют водку следующим образом: «насыпав немного соли на тыльную сторону ладони». Что они делают с этой солью потом, он не говорит. А ведь интересно... То ли нюхают вместо кокаина, то ли лижут вместо закуски... А вот русская «аристократия», опять же согласно Липпинкотту, пьет водку по-другому: «ритуально сцепляя руки и восклицая: «На здоровье!». Общее веселье «аристократов» и «простолюдинов» — это, разумеется, балалайка. «Аристократы» под балалайку пляшут изысканные бальные танцы. В «Машине голодной» чья-то нетрезвая загадочная русская душа исполняет под балалайку «Зимний вечер» Пушкина. Исполняет «не очень умело, но так проникновенно, что рабочие одобрительно стучат кулаками по столам». Потом рабочие, наверное, поотбивали себе кулаки, потому что «один из них заорал на балалаечника, и тот быстро переключился на резвый цыганский мотив. Все начали нестройно хлопать в ладоши, а один пьяный выскочил на середину зала и пытался исполнить «крестьянский танец». Кто-то пристроил танцору на лоб стакан вина, и ему пришлось резко закинуть голову назад, чтобы оно не лилось по лицу. Перебив с полдюжины стаканов, под смех и свист всей компании танцор наконец сдался и растянулся на полу, раскинув руки. Кто-то схватил бутылку вина и вылил ему ее на лицо в знак его поражения. Все смеялись и хлопали от восторга в ладоши».

Вот так, читатель, «гуляют» русские рабочие. А мы с тобой и не знали! Век живи — век учись. Спасибо г-ну Липпинкотту. Просветил. Это, так сказать, этнографическая «достоверность» романа. Стоит ли говорить о «достоверности» политической?

А не забыл ли я кого из основных персонажей, увлекшись животрепещущим описанием? И действительно, забыл! Вот любовь «героя», золотоволосого азербайджанца. Звали ее Лизенка (!), и красоту Лизенки не портила даже сине-зеленая униформа «Интуриста», в котором она служила гидом. Как, скажет читатель, но ведь сотрудники «Интуриста» не носят униформы, а одеваются каждый в соответствии со своим вкусом? А Липпинкотту-то до этого что? Он же Россию знает! В СССР все в форме, потому что—сплошная, поголовная милитаризация!

Или вот еще одна из деталей. По Липпинкотту, «Крещатик — небольшое еврейское местечко под Киевом».

Все это не только смешно, но и печально. Ведь «эксперты» типа господина Липпинкотта не только, увы, строчат романы, но и составляют «серьезные» доклады для государственных мужей, пользуясь примерно того же уровня «достоверностью». В рейгановском Совете национальной безопасности, например, заседает сейчас некто Ричард Пайпс, тот самый «советолог», который все грозится, что если СССР не откажется от коммунизма, то США войной на него пойдут... В 1976 году Пайпс возглавлял работу так называемой «группы Б», составившей доклад о «военном превосходстве» СССР. Аргументация и «достоверность» доклада недалеко ушли от аргументации и «достоверности» сочинений Липпинкотта. Однако доклад возымел действие и лег в основу милитаристской программы нынешней американской администрации. А это уже не смешно.

Вот так. Политиков обрабатывают пайпсы, общественное мнение — липпинкотты. Согласно мнению влиятельного журнала «Тайм», творение Липпинкотта «заслуживает овации!». Ни больше ни меньше. А чей это еще модный голос раздается в хоре оваций? Не чей иной, как самого Уильяма Ф. Бакли, редактора одного из крайне правых американских журналов. Бакли — зоологический антикоммунист и «первая скрипка» в оркестре создателей и проповедников самой модной на сегодняшний день в Вашингтоне политической концепции, согласно которой все беды в мире от СССР и коммунизма. Тоже, кстати, «романист». «Герой» его романов — бравый цэрэушник, который в промежутках между любовными интригами со многими дамами борется с происками международного коммунизма не менее активно, чем Альоша Грегарин. И так же «достоверно».

Замечу попутно, что брат Уильяма Бакли, Джеймс, в недавнем прошлом сенатор, всецело разделяющий политические взгляды «писателя», занимает ныне высокий пост заместителя государственного секретаря США. Так что влияние «творчества» липпинкоттов на формирование политического курса США вполне возможно.

Барктабас **АБАКИРОВ**

ЗВЕЗДА ЛЮБВИ МОЕЙ

СТЕПЬ

Нет у степи ни края, ни границы.
Сливаясь с синью неба вдалеке,
Она вскипает волнами пшеницы
И тает в сизом призрачном дымке.

И кажется, что не под силу взору,
Каким бы ни был зорким человек,
Вобрать в себя
Всю ширь ее простора,
Всю даль ее
И весь ее разбег.

Но я ее еще мальчонкой малым
Прошел через густые ковыли,
Когда с отцом и дедом поднимал здесь
Пласты никем не паханной земли.

И как бы скоро ни летели годы,
Как ни было б их много позади,
Я помню день,
Когда впервые всходы
Зазеленели на ее груди.

И как колосья поднимались в звоне.
Мне позабыть вовеки не дано,
Как у отца в натруженных ладонях
Светилось золотистое зерно.

Я помню, степь, все, что с тобою было,
Все, что любила ты и чем жила,
И то, как безутешно ты скорбела
О тех, кого на битву проводила
И до сих пор дождаться не смогла,

Как ты кормила фронт военным хлебом,
Ни зернышка в земле не утая.
Пусть над тобою мирным будет небо,
Родная степь — кормилица моя!

•

Эту землю, где нас в колыбелях качали,
Где встречали мы первую в жизни весну,
Больше жизни беречь нам отцы завещали,
Уходя в сорок первом году на войну.

Их носили далекие дымные версты,
Жгла пурга. Но от гор Ала-Тоо вдали
Согревала сердца им заветная горстка
Взятой в час расставанья родимой земли.

Нам на отчей земле жить, не зная покоя,
Сеять хлеб и для счастья растить сыновей,
И любить ее вечной любовью святою,
И что с нами ни сталось бы, помнить о ней.

ЛИШЬ ТОГДА

Лишь тогда храбрецом назовут тебя люди,
Если ветер метельный встречаешь ты грудью,
Если к цели идешь сквозь любые невзгоды,
Если жертвуешь жизнью для счастья народа.
Лишь тогда храбрецом назовут тебя люди,
И Отчизна вовеки тебя не забудет.
Лишь тогда уваженья ты будешь достоин,
Если в битву с неправдой вступаешь, как воин,
Если, сердце наполнив горячей тревогой,
К светлой цели крутую шагаешь дорогой.
Лишь тогда уваженья достоин ты будешь,
Если верного друга в беде не забудешь.

Лишь тогда твоя честность чего-нибудь стоит,
Если в час испытаний ты крепок и стоек,
Если зависти подлой и лести в угоду
Справедливостью ты не поступишься сроду.
Лишь тогда твоя честность чего-нибудь стоит,
Если в споре со злом ты не ищешь покоя.

Лишь тогда человеком считаться ты вправе,
Если помыслы злые тобою не правят,
Если, встав наравне со своею эпохой,
Отдаешь ей себя до последнего вздоха.
Отдаешь, не мечтая о деньгах и славе.
Лишь тогда человеком считаться ты вправе.

УТРЕННЯЯ ЗВЕЗДА

Опять в ночной тиши, встречая утро,
Брожу, забыв про отдых и про сон.
Средь тысяч звезд сверкает перламутром
Звезда любви моей,
Моя Чолпон.

Она на зорьке в небе засветилась,
Повисла у вселенной на виду.
А может, это ты вдруг превратилась
В далекую манящую звезду?

Быть может, это ты, чтоб не вернуться,
Взлетела ввысь,
Нарушив мой покой.
Туда, куда лишь можно дотянуться
Крылатою, стремительной мечтой.

И в час, когда над спящею планетой
Прорежет мглу рассвета полоса,
Лучатся теплым синеватым светом
Твои чуть-чуть раскосые глаза.

Вернешься ли на землю ты—не знаю.
Но, красотой твоею взят в полон,
Молю тебя: свети, не угасая,
Звезда любви моей,
Моя Чолпон!

ЗИМА НА АК-САЕ

Вьюгою дышит холодное зимнее утро.
Крепнет мороз, по-аксайски суров и жесток.
В горном ущелье над теплой чабанскою юртой
Сизою струйкою вьется кизячный дымок.

Вот и туман из-за дальних хребтов наползает,
Стелет над речкой густую, как ночь, пелену.
Щиплет мороз, будто тыщи иголок вонзает
В руки и щеки бредущему ввысь чабану.

Жмется отара от хлесткого ветра под скалы.
Теплится солнышко в тучах неяркой свечой.
Гонит отару аксайский чабан по увалам,
Словно ему этот крепкий мороз нипочем.

Кончится день — и отара сползет постепенно
Снова к реке, где колхозный раскинулся стан.
Время на отдых... Но должен душистого сена
С вечера овцам в кормушки насыпать чабан.

Крепнет мороз. Хоть пляши для согрева чечетку.
Вот из-за туч покатилась луна колесом.
Крепнет мороз, и колючей поземкой, как щеткой,
Иней сметает с чабанских усов.

ИССЫК-КУЛЬ

Бушуй, Иссык-Куль, не жалей своих сил.
Не сдерживай грозный и яростный пыл,
Чтоб каждого,
Кто побывал здесь однажды,
Ты буйством мятежной стихии пленил.
Бушуй, Иссык-Куль,
И, как лев разъяренный,
Бросайся бесстрашно на выступы скал.
Таким и воспел
Алыкул тебя в песнях,
Которого ты, Иссык-Куль, целовал.

ЧАТЫР-КУЛЬ

Солнцем над горами полыхая,
Разнотравьем плещется июль.
Родинкою на щеке Ак-Сая
Вдалеке синеет Чатыр-Куль.

Ширь его привольна и раздольна.
И куда бы ни держал ты путь,
Не заметишь, как тебе невольно
К озеру захочется свернуть.

Здесь нередко в ясную погоду,
Если нет тумана и дождя,
Можно видеть издали, как воду
Пьют архары, к берегу сойдя.

Здесь, в краю любимом и желанном,
Где колышет ветер ковыли,
Можно жажду утолить нарзаном,
Что фонтаном бьет из-под земли.

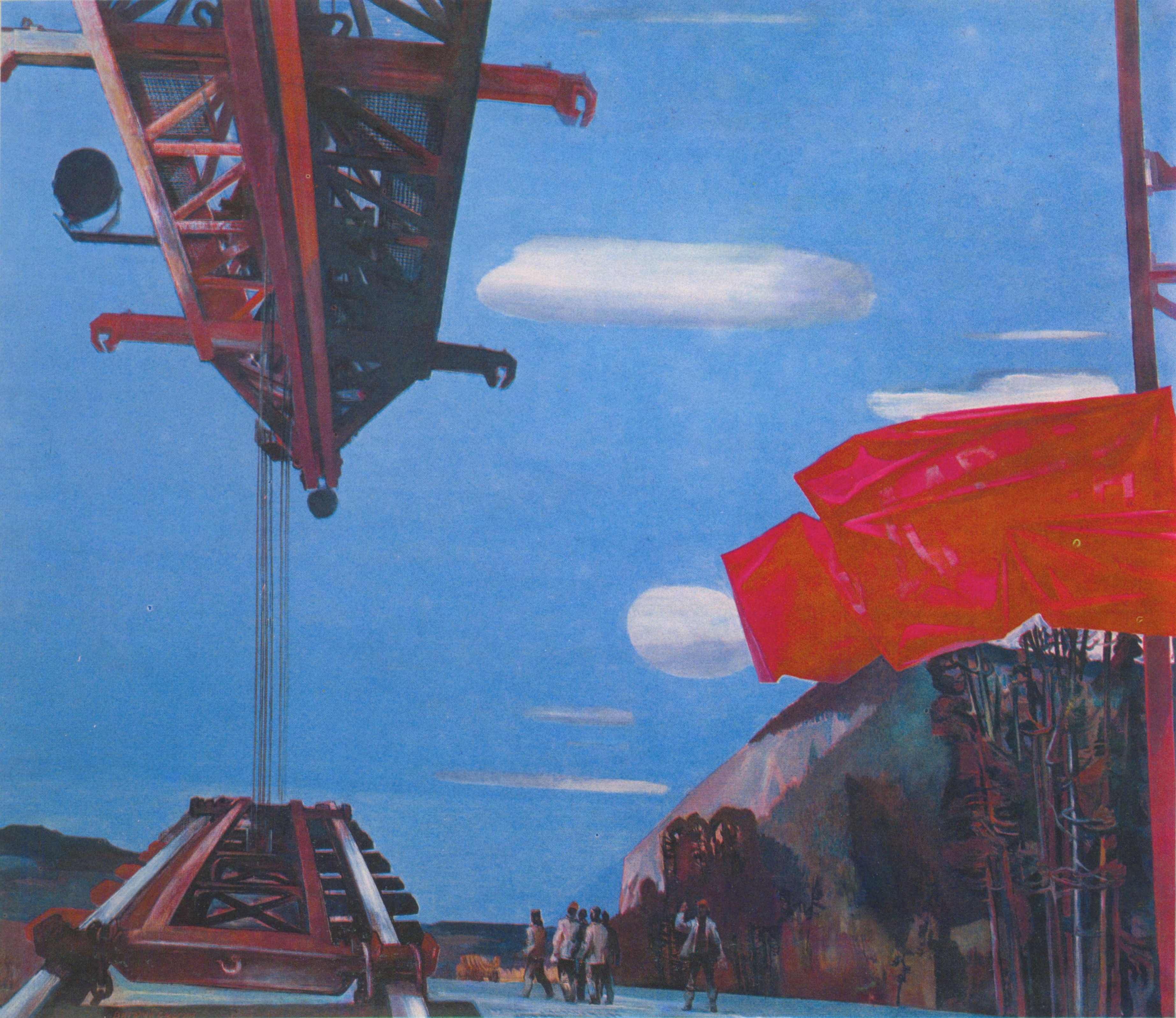
Хорошо здесь и зверью, и птицам.
И тому, кто тут однажды был,
Еще долго-долго будет сниться
Этот край, что сердце мне пленил.

Горный край, где, солнцем полыхая,
Разнотравьем плещется июль,
Где, волною звонкою вскипая,
Родинкою на щеке Ак-Сая
Вдалеке синеет Чатыр-Куль.

Перевел с киргизского **М. РОНКИН.**

В. Монастырский. Род. 1946. АГИТПОЕЗДА РЕВОЛЮЦИИ. 1981.

В. Самгин. Род. 1937. К ДАВАНУ. 1978—1980

К 70-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
В. А. КОЧЕТОВА

ТАЛАНТ СОВРЕМЕННОСТИ

Талант современности... Наверное, это в первую очередь талант не только видеть жизнь в ее непрерывном движении со всеми ее радостями и горестями, но еще и уметь различать направление, саму основу развития. А значит, объяснять эту жизнь. Да и не только объяснять, но — по мере сил своих — еще и изменять, улучшать ее...

Вся жизнь Всеволода Анисимовича Кочетова, вся его писательская биография есть живой пример самоотверженного служения своей эпохе, пример понимания главных задач, выдвигаемых жизнью народа, пример бесстрашия и принципиальности в борьбе за коммунистический идеал.

Этому Кочетов отдавал себя безраздельно с самой юности, задумываясь об окружающем уже в ту давнюю пору, в двадцатые годы, когда мальчишкой приехал он в Ленинград — город тогда для него чужой, голодный, очень еще сложный и смутный в человеческих отношениях после едва-едва отшумевшей революции и гражданской войны... Но очень скоро парень стал «своим»; стал «ходить в ударниках» на одном из судостроительных заводов — вот, кстати сказать, откуда, пусть много позже, взялись замечательные кочетовские герои, семья Журбиных... И уж если они тут пришлись, что называется, лишь к слову, то скажу о них и главное. Ведь если бы Кочетов ничего больше не написал, не оставил нам многие другие произведения, такие, например, острые и яркие, как «Братья Ершовы», «Секретарь обкома», «Молнии бьют по вершинам», то все равно мы, читатели, любили бы и помнили его. Помнила бы его история советской классической литературы, как помнит Ф. Гладкова за «Цемент», Ю. Крымова за «Танкер «Дербент», Н. Островского за «Как закалялась сталь»...

Конечно, каждый художник еще и сам создает себя. Известно от дедов и прадедов: под лежачий камень вода не течет... Всю жизнь Кочетов упорно оттачивал, утверждал свою творческую индивидуальность, выковывал свой характер. Писатель никогда не отличался крепким здоровьем, а когда началась Великая Отечественная, получил полную отставку: «белый билет». Это не помешало ему стать воином. Работая в военном отделе «Ленинградской правды», Кочетов фактически был самым настоящим фронтовиком, прочнейше связанным еще и с героическим блокадным ленинградским «тылом», день и ночь работавшим на оборону. На победу...

Очевидец и участник борьбы за Ленинград, Кочетов, однако, лишь в 1964 году обнародовал свои «Записи военных лет». Драгоценнейшие строки из журналистского блокнота. Многое здесь читаешь так же взволнованно, как, скажем, стихи Ольги Берггольц, написанные там же и в ту же неповторимую, трагическую пору...

Еще до конца войны Кочетов становится литератором профессиональным. «Предместье», «Профессор Майбородов», «Гром в апреле», «Маки во ржи», «Бисерный крест»... Эти повести и рассказы, как и первый роман писателя «Товарищ агроном», во многом идейно и художественно перекликающийся с замечательной прозой Овечкина, были с интересом встречены читателями и критикой.

Герои романа «Товарищ агроном», люди, вынесшие все, люди, тяжко работающие «в лесной, болотной дыре», но сохранившие главное: веру, душу, дружбу,— становятся близки нам именно своей несгибаемостью. Внутренней силой... Близки тем, что они несут в себе.

Но, конечно, этот роман все-таки для самого-то Кочетова оказался как бы лишь пробой романного жанра, подступом к «Журбиным». Они были и остаются, на мой взгляд, вершинной точкой, которая непременно есть в творчестве каждого большого, настоящего писателя; точкой, которая, как бы фокусирует в себе его духовные лучи, а значит, выражает наиболее четко самую суть его художественного мироздания.

Каждый из Журбиных, взятый по отдельности, пожалуй, не смог бы оказать на нас столь могучего воздействия; не смог бы и сам существовать в литературе так мощно и так выразительно, как существуют они все вместе,— крупно, сообща. Самый мир Журбиных есть некая,— и кстати, не такая уж «миниатюрная»,— ячейка, отображающая подлинно советский трудовой макромир с его далеко не простыми, но всегда честными, открытыми отношениями, увлеченностью жизнью и делом.

Собственно, мы вправе сказать, что самое Дело и есть жизнь Журбиных, хотя они при этом не только не деляги (и не дельцы) — они умеют делу своему придать смысл огромный, найдя в нем призвание, открыв в нем его главную — творческую — сущность.

Наверное, многие смотрели великолепный фильм, сделанный по роману «Журбины»; и все наверняка помнят заключительные его кадры, где мы видим старого Матвея Журбина с крошечным правнуком на руках; оба сосредоточенно и важно наблюдают, как с невских стапелей сходит на реку огромный теплоход «Матвей Журбин»... Это гимн потомственной рабочей династии, гимн человеку труда, гимн ведущей силе Советской страны — людям, строящим не только корабли, но крепящим самое духовное богатство наше.

Нравственное здоровье, чистота и сила рабочего класса — такова атмосфера «Журбиных»... И это произведение (как и последующие книги Всеволода Кочетова) вовсе не есть «производственный» роман, отнюдь нет! Это сама жизнь, где есть юмор и печаль, улыбка и размышление, а главное — есть пафос роста, развития и, более того, **восхождения** рабочего класса на те самые вершины, где образ трудящегося человека становится для нас без малейшей натяжки, непринужденно и свободно, образом Героя. Свойственный Кочетову талант современности, талант постижения ее свершений и ее болевых точек — талант, присущий художнику, свято хранящему верность методу социалистического реализма,— постоянно продолжал наращивать глубину и зрелость. А главное — остроту. Эта черта, пожалуй, основная для всех книг Кочетова, написанных вслед за «Журбиными». Писатель видит новое в рабочей семье Ершовых: это присущая трудовым советским людям подлинная их интеллигентность, настоящая духовность. Зато режиссер Томашук, который «вбирает в себя» все, что попадается на глаза,— «все течения и направления», представлен автором не только как тупое, но и весьма вредоносное существо.

Выступая на XXII съезде партии, Кочетов, будучи делегатом съезда, сказал недвусмысленно, что «скверная продукция кино и литературы возникает не просто от незнания жизни нашего народа, а чаще всего в том случае, когда иные из нас пытаются изображать ее на манер, каким изображается жизнь на буржуазном Западе, когда на первый план в театре, в кино, в литературе, в живописи ставят формалистическое трюкачество».

Публицистика с самой юности и до конца жизни была для Кочетова органической потребностью; возглавляя журнал «Октябрь» после смерти Ф. И. Панферова, писатель вел всю работу редакции в том же направлении, сохраняя присущий этому журналу боевой наступательный дух... Все мы видели, что Всеволод Анисимович, подобно Панферову, не позволял себе хворать — старался отгонять недуг работой и снова работой... Покорить его волю, его характер — наступательный, собранный, твердый, но всегда открытый навстречу людям, в которых он видел соратников,— было невозможно...

Н. ТОЛЧЕНОВА,
заслуженный деятель искусств РСФСР

1923 год. Авиалиния Москва — Тифлис открыта!

ЭСТАФЕТА БРАТСТВА И ПОДВИГА

1923—1932

ФОТОЛЕТОПИСЬ «ОГОНЬКА»

1924 год. Декрет Москвы в далеком кишлаке.

Мы приглашаем читателей совершить путешествие в своеобразной «машине времени»: в течение 1982 года «Огонек» опубликует ретроспективные фототетради о шести десятилетиях в жизни СССР. Некоторые из фотографий — подлинные реликвии, а все вместе взятые — свидетели героической эстафеты братства и подвига народов нашей страны.

Журналы, собранные по годам, одеты в тяжелые переплеты, образуют многотомное собрание сочинений, коллективным автором которого являются несколько поколений журналистов «Огонька», писатели, ученые, а чаще всего сами события незабываемых лет. Эти комплекты старых журналов можно сравнить с летописью. СССР — главный ее герой. Счастливое совпадение: первый год жизни СССР — 1923-й — стал и первым годом жизни журнала. «Минувшее проходит предо мною», — так может сказать всякий, кто перелистает старые номера «Огонька».

Первое десятилетие — годы 1923—1932. Можно только поражаться энтузиазму и самоотверженности фотомастеров того времени, добиравшихся по бездорожью в самые дальние уголки Родины, быть благодарным им за то, что донесли они в своих снимках горячее дыхание трудовых будней молодого Союза — запечатлели путь его народов к новой жизни.

Ныне в СССР — 53 национальных государства и национально-государственных образования, а именно: 15 союзных республик, 20 автономных республик, 8 автономных областей и 10 автономных округов. Год от году множилась, мужала наша семья.

Дорога к нам, сегодняшним, началась тогда, шестьдесят лет назад. Дорога к нам... Какая она!

ДОРОГА

Итак, первое десятилетие...

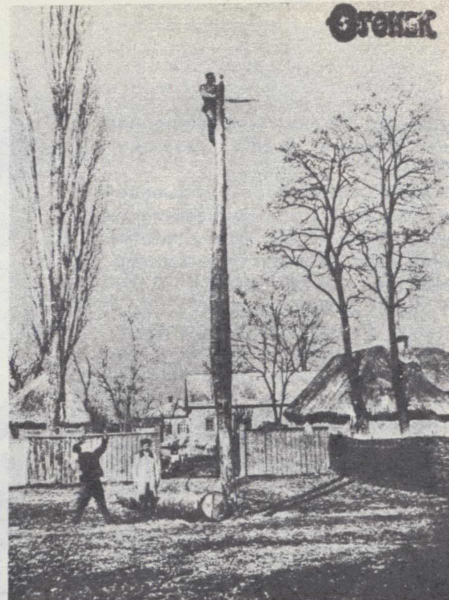
1923 год. «Огонек» опубликовал схему Союза Советских Социалистических Республик. На карте мира появилось новое государство — единая граница, единая воля масс, одно небо на всех. Гордо и мощно звучит «Декларация об образовании Союза Советских Социалистических Республик»: «Только в лагере Советов, только в условиях диктатуры пролетариата, сплотившей вокруг себя большинство населения, оказалось возможным уничтожить в корне национальный гнет, создать обстановку взаимного доверия и заложить основы братского сотрудничества народов».

«Мы» — так все чаще и чаще стали говорить в селах, станицах, кишлаках, аулах, в больших и малых городах, на западе и востоке, на севере и юге нового государства. Защита общих границ и великое противостояние общим разрухе и голоду — это было так понятно. «Довольно детской беспризорности», «Долой неграмотность» — лозунги общие, звучавшие в двадцатые годы на всех языках народов СССР. И вот уже в столице СССР Москве образована специальная комиссия ВЦИК для борь-

Ходоки у Всесоюзного старосты М. И. Калинина.

1924 год. Загудели, заиграли провода...

1924 год. Свободные женщины Туркестана.

Впервые в Москве — 1924 год...

К НАМ

1925 год. Миллионы обучались грамоте.

бы с последствиями голода («Последгол»). Натуральный фонд этой комиссии составляли 1350 тысяч пудов ржи для безработных и голодных, а вскоре ею были перечислены ссуды Воткинскому (Удмуртия) и Казанскому (Татария) заводам для пуска там цехов сельскохозяйственных орудий. И в те же дни лета 1923 года началось «прорытие канала» в Дагестане... В 1927 году вся Москва встречала 43 узников, выпущенных по требованию СССР из тюрем Латвии.

Вот что писал репортер в начале 1923 года: «Военных фронтов нет — это верно, но есть фронты промышленный, художественный, алкогольный, вшивый, пуговичный, авиационный, морской, церковный...».

Отныне на всех фронтах социалистических преобразований плечом к плечу сражались русские, белорусы, казахи, украинцы, татары, евреи, узбеки, азербайджанцы. Такова была воля масс! «Огонек» писал: «Союз республик увенчивает гражданскую войну, объединяет разноплеменные трудящиеся массы бывшей империи, кладет начало согласованному, планомерному хозяйственному строительству на основе взаимного использования экономических сил каждой из республик и мощной военной самообороне от международного империализма». И далее: содействуя «...изживанию национальной замкнутости национальных меньшинств, союз оставляет в неприкосновенности их язык, школу, культуру, т. е. — подлинную независимость».

На втором году своего существования СССР остался без Владимира Ильича Ленина... Гроб под пальмами в Колонном зале Дома союзов, как невиданной силы магнит, собрал и еще теснее сплотил многонациональную семью народов. Жизнь-борьба шла своим чередом. Строить — не разрушать; строить было трудно, потому что строили заново на новом фундаменте социалистических отношений по ленинским чертежам...

«Мы», «наше», «общее» вытесняли из умов собственнические «я», «мое», «твое»... Сколько страсти в лозунге дня: «Нарпит — вот идея, плоть от плоти исходящая от социализма». Открытие первой рабочей столовой было праздником: торжествовала идея о б щ е г о.

Но главным о б щ и м стал труд. Труд на стройках социализма, прежде всего там, где претворялся в жизнь ленинский план ГОЭЛРО. В 1924 году на «Волховстрой» прибыли турбины из Швеции. Люди с лопатами и кирками спешили до заморозков осени 1924 года уложить бетон под здание силовой станции. А в 1926 году Волховская ГЭС дала ток. И это был новый праздник всех. «Волховстрой» — первый урок для тех, кто тогда же начинал строить электростанции в ущельях Кавказа, а позже будет их строить на Волге, Енисее, Ангаре, Вахше.

Первые трудовые победы!.. На Украине пущена седьмая домна; выдал первое литье Брянский завод в Екатеринославе, как тогда писали, «один из важнейших в СССР»... В Ленинграде одержана техническая победа — построен первый отечественный «дизель-моторный тепловоз с электрической передачей», и он был в четыре раза экономичнее паровоза!..

Сравнение с прошлым, уходящим, отставшим — характерная

черта тех лет: первое радио в рабочей семье порождало всеобщее ликование. Тем более вся страна отмечала каждое «прибавление» в семье народов СССР. В октябре 1924 года посланцы Советской Бухары передали председателю ЦИК СССР М. И. Калинину грамоту о вхождении в СССР. И в том же году была провозглашена Узбекская Советская Социалистическая Республика.

Многие союзные республики медленно, но верно превращались из бывшей окраины Российской империи в оазисы подлинного развития национальной культуры и социалистических преображений. Проще было наладить и развивать промышленность Азербайджанской ССР, где Баку давно был центром развитой нефтяной индустрии. Но и в отдаленных районах Закавказья и Средней Азии моторы, электричество постепенно заменяли ишаков, верблюдов; на смену древним ирригационным сооружениям приходили более современные, отвечавшие крылатым мечтам пионеров советского хлопководства и животноводства. Пустыня начинала отступать перед кетменем молодых энтузиастов, раньше прочих порвавших с баями, муллами и басмачами. Сердца миллионов отозвались на радостный крик строителей: «Шатурка» пущена!» Так приветствовала печать 1925 года пуск районной электростанции — на торфе. Еще так недавно, в 1919—1920 годах, Москва была рада торфу. Потом столица топилась углем Украины и нефтью Азербайджана. И вот теперь — электричество. Турбины куплены в кредит в Чехословакии, генератор — из Германии, электрооборудование — из Англии. Менее пятидесяти тысяч киловатт в час, а какое ликование: «Впервые в России!.. Энергия, вдвое дешевле прежней...» Хотя потребности Москвы того времени были больше — семьдесят пять тысяч киловатт...

Шаг за шагом молодой исполин СССР уходил все дальше и дальше, придерживаясь генеральной линии. И уже в 1926 году темпы развития жизни были столь велики, что Михаил Кольцов писал озабоченно: «Я не видел, стоит ли в музее Революции примус? Если нет — это досадное и крупное упущение...» Вещи для музея: примус, салазки («транспорт тылового советского жителя»), буржуйка («печечка с жестяными трубами, капавшими черными слезами копоти»)... Нет, сейчас мы понимаем, что не все и не сразу исчезли вещи старого быта. Они еще послужили строителям первых автозаводов, первых тракторных и металлургических заводов, электростанций на Днепре и Волхове, в Сибири. Но важно то, что уже в 1926 году все эти спутники быта просились в музей! Люди того времени знали, что барачный неуют, неустроенность в быту, голод и темнота исчезнут как приметы трудного, но преходящего времени! Что наступят дни, когда потомки первостроителей СССР действительно будут спрашивать: а что такое примус, буржуйка, лапти? А ведь минувшие десятилетия — время в жизни государства ничтожно малое. Зато с какой гордостью тогда же, под рев примусов, звучали слова «аэроплан», «автопробег», «лампочка Ильича», «долой неграмотность», «канал». Почти так же, как сегодня — «космос», «атомоход», «луник»... Четыре буквы — единое ощущение Родины — объединяют столь разные этапы развития: СССР.

И вот наступил черед небывалого по размаху этапа социалистического развития: XIV съезд партии принял курс на индустриализацию. Планы на годы и годы... В 1925—1926 годах добыча нефти в СССР достигла 90 процентов довоенного (1913 г.) уровня; почти к довоенному уровню приблизились добыча леса, угля. Такова была увертюра... Окрыляла и вера в неизбывную, почти чудотворную силу электричества! Статья 1927 года: «Пущенная в кровеносную систему народнохозяйственного организма новая электрическая энергия даст мощный толчок нашему росту, вызовет к жизни новые промышленные районы...» Имелись в виду Урал, Сибирь, Казахстан... Настойчивое и очевидное претворение в жизнь плана ГОЭЛРО побуждало наметить еще более обширный план — план промышленного строительства одновременно с развитием старых шахт, доменных печей, сложного железнодорожного хозяйства. В стране была нужда в грамотных рабочих, и вот в 1927 году новые пять с половиной миллионов грамотных граждан вышли из школ Всесоюзного общества «Долой неграмотность!». В деревнях зазвучало новое слово — «трактор». Молодой газетчик Николай Погодин писал восторженно из южной станицы: «Трактор — это знамя грядущего социализма. Привет вам, дорогие железные гости!» В 1927 году на полях работали тридцать тысяч тракторов зарубежных марок. До ста тысяч, о которых мечтал Владимир Ильич, было далеко: тракторных и комбайновых заводов на Украине и на берегу Волги еще не было... «Сивка в силе, этого декретом не отменишь». Но уже десятки тысяч новых пахарей робко и с надеждой потянулись к дышащему керосином железному коню на колесах. Они ждали помощи от города, богатого энергией и разными машинами, инвентарем.

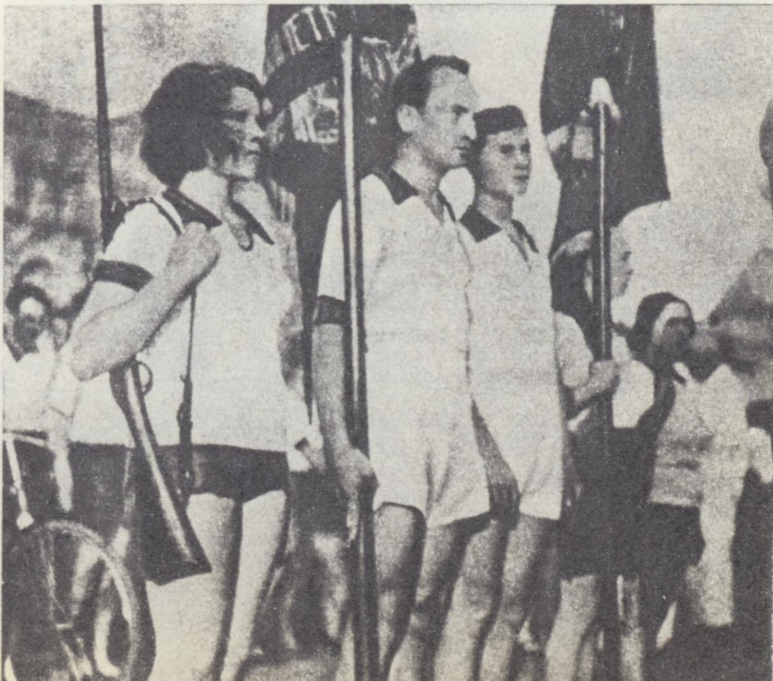
Предстояла нелегкая работа по переустройству деревни на гигантских пространствах от Молдавии и Карелии до Кушки и Тихого океана. Но без технически перевооруженного города о победе в деревне нечего было и думать. Родилось крылатое и крепкое, как стальной узел, слово «смычка». Двадцатые годы — это решающие годы смычки! Деревня сдвинулась с насиженных мест и заполонила сотни строительных площадок и котлованов будущих гигантов индустрии, а город слал в деревню энтузиастов просвещения, агитколлективы, тракторы, локомотивы, жнейки и прочую технику, новые семена и книги.

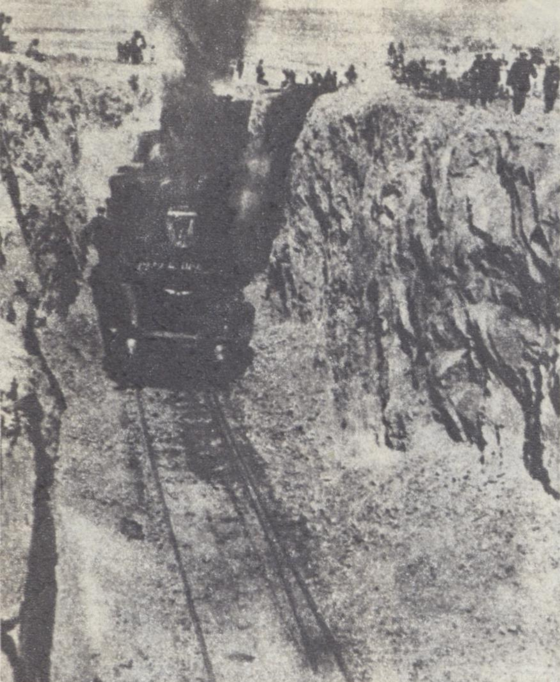
1928 год — год рождения пятилеток. «Ваше отношение к деятельности Госплана?», — допытывались газетчики в 1928 году у крупных специалистов и ученых. В Москве тогда же открылась конференция Всесоюзной ассоциации работников науки и техники для содействия социалистическому строительству. Все большее число ученых, инженеров, специалистов всех профилей и рабочих постепенно осознавали непривычную тогда, а ныне простую истину: никакое хозяйственное начинание невозможно без плана. Лозунгом нового дня было: общий план на ряд лет вперед! На волне энтузиазма трудящиеся страны собирали

1928 год. Праздник в Абхазии.

Комсомольцы двадцатых — легендарное поколение.

Спартакиада народов СССР.

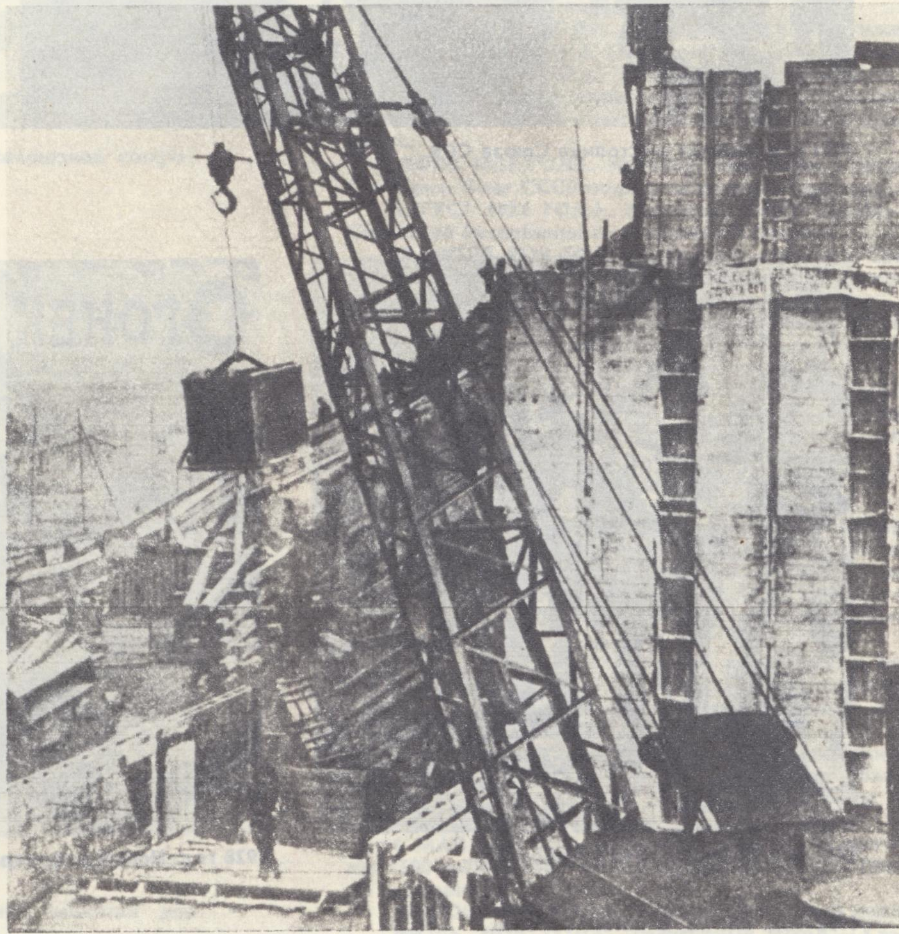

1930 год. Первый поезд на Турксибе.

1930 год. Самарканд: девушки сняли паранджу, стали к станкам.

Лозунг дня: индустриализация!

1931 год. «Все в колхоз, для новой жизни, для юных борцов».

средства на эскадрилью «Наш ответ Чемберлену». Первый пятилетний план был тоже **ответом** капиталистическому окружению.

Прочность границ, авторитет в Европе, планируемый прогресс. Укрепление действующих на родном языке местных органов власти и судов, развитие газетного дела, национальных театров и школ, повсеместное распространение букварей на языках народов, населяющих разные республики. Все это было необходимо упрочить, сделать составной частью советского образа жизни. И сделать прежде, чем приступить к решению новых задач социалистического строительства в СССР, поставленных XV съездом партии.

Интересно, что еще в 1925 году Президиум Совета Национальностей заслушал отчет Госплана СССР о подъеме национальной промышленности. А в 1928 году Всесоюзный совнархоз рассмотрел вопросы промышленного развития в республиках Закавказья и в республиках Средней Азии. Так постепенно идея планового создания промышленных предприятий на окраинах бывшей империи овладевала массами, становилась программой на каждый день — и надолго...

Праздновали первые победы нефтяники Азербайджана, несмотря на ярую пропаганду Запада против «советской нефтяной экспансии». И как следствие—сооружение нового нефтепорта в Батуми. Примерно в те же дни началось строительство легендарного Турксиба — железнодорожной магистрали через пески. И вот подробный репортаж с Турксиба повествует о том, как механик-туркмен, на месте изучивший американский экскаватор, передвинул гору в пустыне — шестьсот тысяч кубов грунта. Один! Одиночку на экскаваторе, как муравьи, окружали молодые энтузиасты с Украины, из Казахстана, Туркмении, еще вооруженные кетменями, лопатами, кирками, ломами и всепобеждающим кличем: «Даешь!».

Автомобиль — о, это была голубая мечта! Новая Россия бредила автомобилем. До 1914 года в стране силами «чудаков» были собраны всего 360 автомобилей. Не за один год, а вообще — за все первые годы автомобилизации человечества... За один 1924 год кустарная мастерская в Москве выпустила десяток автомобилей по заграничным чертежам. И вот есть план АМО! С его конвейера в 1932 году ожидались десятки тысяч автомобилей; это уже не только мечта. В 1930 году в Нижнем Новгороде начали строить советский «форд» с производительностью до ста сорока тысяч автомобилей в год. Конечно, автомобилестроение—лишь один пример поступательного движения от мечты к реальному социализму.

Старт потребовал колоссальных усилий, напряжения всего СССР, участия миллионов. Пожелтевшие страницы летописи за 1928—1932 годы напомнили: первая пятилетка требовала, по расчетам, мобилизовать 3700 тысяч рабочих, а также знания и оптимизм не менее 35 тысяч инженеров, тысяч агрономов, техников, учителей... Таков был расклад. Но если свои рабочие руки отдала деревня, то технической интеллигенции было далеко не достаточно. И даже к концу первой пятилетки, в 1932 году, начатым стройкам страны все еще не хватало... пятнадца-

ти тысяч инженеров. А где было взять еще столько же техников? К 1932 году неграмотными все еще оставались тринадцать процентов горожан, о деревне и говорить не приходилось. Но план уже был принят.

В дни работы XVI партконференции журналист писал: «...Тресты, синдикаты, директораты будут взяты в шоры этих постановлений...». История творилась массами. Шло строительство Рион-ГЭС в Грузии; узбечки снимали черные мешки-паранджи и становились к станкам. На станцию Айна-Булак в Казахстане пришел поезд. В Ростове начали строить знаменитый ныне завод «Ростсельмаш». А первый комбайн «Коммунар» привезли для парада в Москву из Украинской ССР. Третий год жизни отметил зерносовхоз «Гигант» в Сальской степи...

Гремел очередной лозунг: «Все на борьбу с прорывами!» Отставали темпы прироста промышленной продукции, тогда как ленинградский завод имени К. Маркса первым в стране выполнил план второго года первой пятилетки. И тогда в прорыв были брошены тридцать тысяч комсомольцев—на угольный фронт Украины; двадцать тысяч строителей—на леса и в котлован будущей Днепрогэс. Энтузиасты Днепростроя в ответ на планы своего управления выдвинули встречный план: 500 тысяч кубов бетона до конца сезона (вместо запланированных 427 тысяч). В порыве социалистического соревнования сошлись два берега Днепра—правый и левый. Ежедневные сводки подгоняли!..

И вот первые победные донесения: на три месяца раньше срока вступил в строй крекинг-завод вблизи Баку... На Днепрострое каждый берег укладывал по две тысячи кубов бетона за день—рекорды стали нормой. За два года выполнены наметки сплошной коллективизации — курс на нее утвердил XV съезд партии! И хотя план второго года пятилетки был недовыполнен, страна из прорыва вышла. Все главные точки индустриализации все равно зажглись на карте первой пятилетки. СССР жил под лозунгом «Все своими руками, своими машинами, из своих материалов...». В воздух поднимались аэропланы. Исследователи двинулись в Ледовитый океан; советские автомобили одолевали пески Каракумов. Гордость вызывали первые с в о и: блюминги, паровозы, микроскопы и телескопы, турбины и комбайны, радиопередатчики, электролампы, подшипники, станки, вязальные машины, арифмометры.

Капитальное строительство в 1932 году достигло объемов для тех лет небывалых — более двадцати миллиардов рублей! Шла борьба за пуск двадцати четырех доменных печей в 1932 году, за добычу в том же году девяноста миллионов тонн угля, за выплавку девяти с половиной миллионов тонн стали, за выпуск девяти миллионов тонн чугуна, восьмидесяти двух тысяч тракторов, тысячи трехсот паровозов, семидесяти трех тысяч автомобилей... Великие цифры! Но не сравнивайте их с цифрами-внуками, с цифрами наших сегодняшних достижений. Все равно, и те малые цифры рождения 1932 года — великие. Они свидетели побед первого десятилетия СССР.

Н. БЫКОВ

1931 год. Москва — столица Союза ССР.

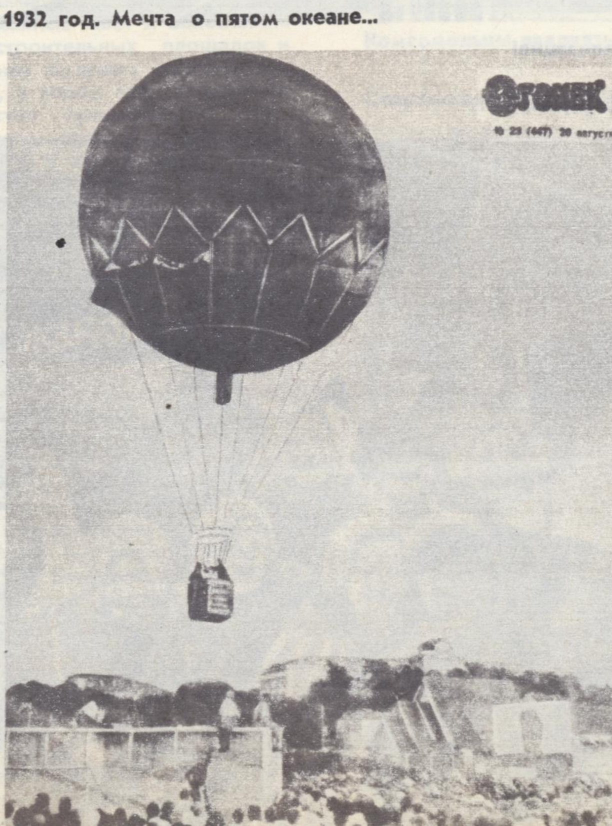

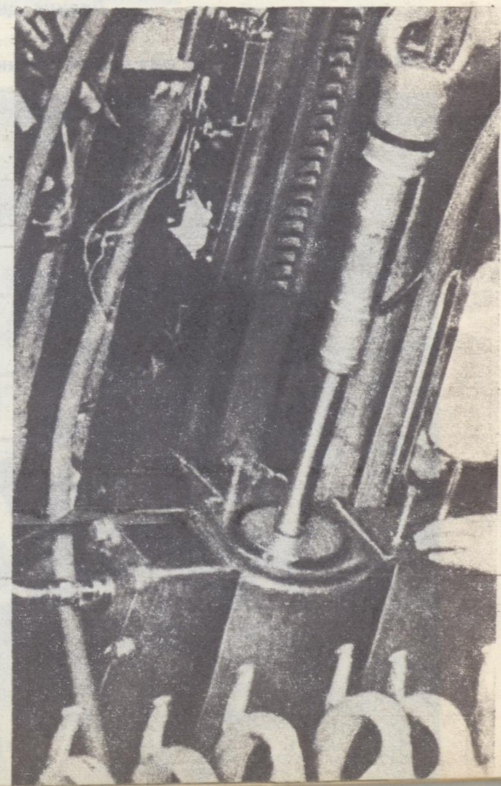

1931 год. Готовы к труду и обороне...

1928 год. Новый нефтепровод на Кавказе.

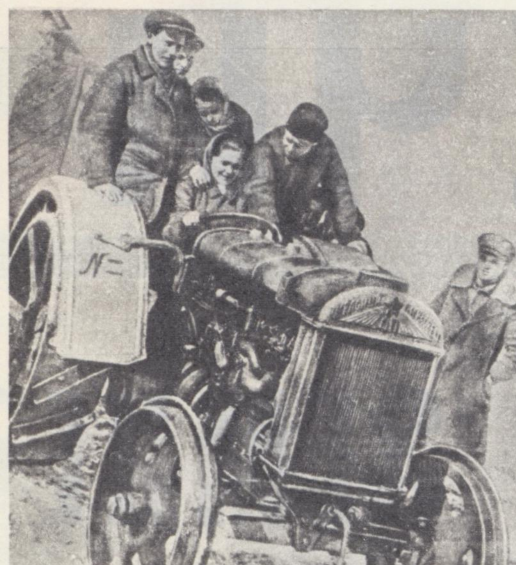
1932 год. Мечта о пятом океане...

1932 год. Делегаты VII Всесоюзной конференции ВЛКСМ.

1931 год. В одном из первых колхозов...

1932 год. Новые отбойные молотки для шахтеров.

ПАМЯТНЫЕ ВЕХИ

ПО СТРАНИЦАМ ЖУРНАЛА

ДЕКАБРЬ 1922 ГОДА. В Москве открылся I Всесоюзный съезд Советов. 30 декабря делегаты съезда приняли Декларацию и Договор об образовании Союза Советских Социалистических Республик.

17 АПРЕЛЯ 1923 ГОДА. Открылся XII съезд партии.

1 МАЯ 1923 ГОДА. По всей Москве установлены «громко говорящие радиотелефонные приемники». Чудо: на расстоянии ста шагов от рупора можно прямо на столичной улице слушать музыку, пение.

ИЮНЬ 1923 ГОДА. С Ходынского поля поднялся аэроплан и взял курс на юг. Открылась авиалиния Москва — Тифлис.

ЯНВАРЬ 1924 ГОДА. Траурные дни в Москве, столицах союзных республик, во многих городах и селах.

ЯНВАРЬ 1924 ГОДА. Состоялся IV Всекиргизский съезд Советов.

23 МАЯ 1924 ГОДА. Открылся XIII съезд партии.

ИЮЛЬ 1924 ГОДА. Четыре года исполнилось организации «Кошчи» (Самаркандская область, Узбекистан), союзу бедняков-дехкан, объединившему в общем труде более ста пятидесяти тысяч членов первой в Средней Азии земледельческой кооперации.

ИЮЛЬ 1924 ГОДА. Научная экспедиция в Ледовитый океан на корабле «Красный Октябрь». Флаг СССР поднят на острове Врангеля.

АВГУСТ 1924 ГОДА. В столицу СССР Москву прибыл слон — подарок Бухарской Советской Республики от трудящихся Востока.

20 ИЮЛЯ 1925 ГОДА. В Кремле собрался Совет Всесоюзного института прикладной ботаники и новых культур, обсудивший программу сотрудничества сельскохозяйственной науки с земледельцами Страны Советов.

18 ДЕКАБРЯ 1925 ГОДА. Открылся XIV съезд партии.

МАЙ 1926 ГОДА. Крыша мира — Памир в руках Советов! Новая жизнь началась в самых отдаленных таджикских кишлаках.

ЯНВАРЬ 1927 ГОДА. «Ленинский посев взошел!» В присутствии членов правительства в Волхове торжественно открыта гидроэлектростанция имени Ленина.

2 ДЕКАБРЯ 1927 ГОДА. Открылся XV съезд партии.

АПРЕЛЬ 1927 ГОДА. В Филадельфии (США) на съезде по содействию научному прогрессу прочитали доклад профессора А. Л. Чижевского о связи деятельности Солнца с процессами жизни на Земле.

АВГУСТ 1928 ГОДА. Страна следит за работой Комитета по оказанию помощи экипажу дирижабля «Италия». Ледокол «Красин» вышел в океан...

ЯНВАРЬ 1929 ГОДА. Академия наук СССР на новом пути. По новому уставу к избранию в члены академии привлекаются ученые всех республик.

10 МАРТА 1929 ГОДА. На будущий Магнитострой прибыла первая партия строителей.

15 МАЯ 1929 ГОДА. Начались планировка и вскрышные работы на Магнитострое...

МАЙ 1929 ГОДА. Закончилась XVI Всесоюзная партийная конференция, она рассмотрела и утвердила первый пятилетний план социалистического строительства: полную перестройку промышленности и сельского хозяйства на социалистической базе, выдвижение новых форм смычки с крестьянскими массами.

6 АВГУСТА 1929 ГОДА. Этот день был объявлен Днем индустриализации.

АПРЕЛЬ 1930 ГОДА. В деревню направлены 25 000 рабочих-коммунистов для проведения коллективизации.

1 МАЯ 1930 ГОДА. Турксиб открыт! За три года через горячие пески проложены 1500 километров железнодорожного пути. Паровоз ОВ 6697 первым провел поезд из Туркмении в Сибирь...

26 ИЮНЯ 1930 ГОДА. Открылся XVI съезд партии.

ИЮЛЬ 1930 ГОДА. Тракторный завод — Сталинградский — вступил в строй; это подарок XVI съезду партии.

АПРЕЛЬ 1931 ГОДА. Действует первая в Украинской ССР машинно-тракторная станция, новые трактористы сели в стальные седла... По всему СССР началась организация зерносовхозов. В стране будет 1200 МТС, они охватят 35 000 колхозов...

МАЙ 1931 ГОДА. Идет второй большевистский сев! Коммуна «Пламя революции» в алтайском селе Сростки досрочно закончила сев...

20 АВГУСТА 1931 ГОДА. На стадионе «Динамо» в Москве состоялся матч между командами СССР и Турции, закончившийся со счетом 3 : 2 в пользу футболистов СССР.

ЯНВАРЬ 1932 ГОДА. Вся страна живет под лозунгом «Добиться экономической независимости СССР!». Лозунг дня — ДИП (догнать и перегнать передовые страны капитала).

1 АПРЕЛЯ 1932 ГОДА. Начал работу крупнейший в мире шарикоподшипниковый завод.

16 АПРЕЛЯ 1932 ГОДА. Пуск первой турбины Днепрогэс. Есть ток!

1 МАЯ 1932 ГОДА. Домна № 1 Кузнецкстроя выдала чугун. Вступила в строй и вторая коксовая батарея — величайшая в мире. Вступила в строй первая домна Днепропетровского завода (Украинская ССР). Шестьдесят тысяч строителей Магнитостроя выполнили задание XVI партсъезда: восемь доменных печей дают 60 процентов чугуна, который получала Россия в 1913 году... В Казахской ССР началось строительство гигантского медного комбината (Джезказган).

ВСТРЕЧИ НА АВСТРИЙСКОЙ ЗЕМЛЕ

Юрий ПОПОВ,
специальный корреспондент «Огонька»

Фото автора

В Европе много красивых городов. Величественны архитектурные ансамбли Парижа. Незабываемы фонтаны Мадрида, просторные парки Лондона. Рим, Брюссель, Гаага — у каждого города свое лицо. Это давно и хорошо известно. Вена не исключение. Она сохранила в своем облике наследие пышного великолепия тех давно прошедших времен, когда была центром могущественной империи Габсбургов и играла одну из главных ролей в определении судеб Европы.

...Было воскресенье. Едва разместившись в небольшом отеле «Вендль», расположенном в Вене на площади, центральную часть которой занимал почти целиком храм святого Петра, сразу же отправился бродить по городу. Портье снабдил небольшой картой центральной части города, где карандашом пометил местоположение нашего отеля. «Чтобы не заблудиться»,— сказал он, дружелюбно улыбаясь. Но заблудиться в Вене трудно. Верный ориентир — огромный собор святого Стефана, стодвадцативосьмиметровые башни которого видны почти из любой точки города. А неподалеку от него и расположен мой отель.

Вышел на широкую, но короткую улицу с зеркальными витринами закрытых в воскресенье магазинов, послушал немного стоящего на углу живописного шарманщика, подивился на «Колонну чумы», воздвигнутую еще в самом конце XVII века по случаю избавления города от этой страшной напасти. И в конце концов решил посидеть немного в уличном ресторанчике, поглядеть по сторонам — что за люди вокруг? Выбрал столик под пестрым зонтиком и на своем изрядно забытом немецком языке заказал кружку пива. Красивая блондинка улыбнулась, сказала «зер гут» и принесла кружку пенящегося холодного и удивительно вкусного пива.

По этой улице транспорт не ходит. Она целиком отдана пешеходам, как, впрочем, и целый ряд других торговых улиц в центре города. Людей великое множество. Самых разных и из самых разных стран. Степенно прошло семейство сикхов. Он в чалме, она в сари. Может быть, из Индии, а может быть, еще откуда-нибудь. Можно видеть темнокожих жителей Африки. Но большинство — европейцы. Почти все с фотоаппаратами. Одеты элегантно — Вена всегда славилась хорошим вкусом. Голубые джинсы на женщинах редко увидишь — большею частью носят свободные суживающиеся книзу брюки светлых тонов. А вот эта молоденькая парочка с рюкзаками за спиной, где умещается и походная легкая складная кровать и другое имущество, тугим кошельком, вероятно, не обременена. Такие путешествующие как придется и на чем придется тоже часто встречаются и группами и в одиночку. Живописная компания студентов из Италии в бархатных костюмах, коротких плащах начала под аккомпанемент гитар и мандолин петь неаполитанские песни. Вокруг них сразу собралась толпа. Поют, конечно, надеясь на гонорар.

Сосед рядом тоже не спеша потягивает пиво. Худощавый, усатый, с крючковатым носом, он изредка поглядывает в мою сторону. Мне кажется, что ему хочется заговорить со мной, и я его спрашиваю, как называется эта улица, где мы сидим.

— Так это знаменитая Грабен, то есть ров. Когда-то здесь была римская крепость и около нее был вырыт ров. Рва сейчас, конечно, нет, его давно, еще после римлян, засыпали, а название осталось. Так, значит, вы здесь в первый раз?

— Только что приехал. Первый день в Вене и первый раз в Австрии.

— Ну, тогда у вас впереди много удовольствия. Здесь есть что посмотреть.

И он начал рассказывать про этот замечательный город, про великолепные театры, музеи, историю Австрии. Я давно допил свое пиво и, воспользовавшись паузой, попросил его порекомендовать маршрут пешей прогулки по центральной части Вены.

— А вы идите по Рингу, вот отсюда,— он показал на карте, которую дал мне портье,— и так все время вокруг. Здесь все самое главное. Четыре километра, а внутри кольца и находится этот «Внутренний город», где мы сейчас находимся.

И я пошел и вернулся в гостиницу уже поздно вечером, едва волоча ноги. «Внутренний город» — это целое переплетение старинных узких улочек, кривых и большей частью коротких, площадей и тупиков. Здесь и монументальные дворцы, и правительственные учреждения, и музеи, и древние соборы. Около собора святого Стефана — стоянка извозчиков. По воскресеньям у них хватает работы. Прокатиться по улицам Вены в этой экзотической карете, запряженной парой сытых лошадей, да еще с кучером в котелке — в этом есть нечто романтичное. Центральную часть опоясывает широкая магистраль, где находятся парламент, городская ратуша, музеи, оперный театр, университет, академия наук, национальная библиотека — одна из крупнейших в мире. Это и есть Ринг. Здесь расположены также конторы крупных торговых фирм, биржа, здания банков. От Ринга расходятся радиусами магистрали. Они ведут к другому полукольцу Вены, которое называется Гюртель. Есть в Вене и свой «Латинский квартал» — обиталище студентов, и рабочие кварталы, и множество парков, и, естественно, «голубой» Дунай, который в общем-то совсем и не голубой, а серый, хотя старые венцы говорят, что при каких-то особых условиях он может показаться и голубым.

Во время войны Вена изрядно пострадала. Но с тех пор разрушения были ликвидированы, здания реставрированы, появилось много новых зданий и сооружений. Сейчас Вена одновременно и федеральная столица Австрии и федеральная земля, самостоятельная единица в составе девяти территориально-административных земель, составляющих Австрию. Здесь находятся федеральное правительство, центральные ведомства и верховный суд, а также ряд международных организаций. На берегу Дуная в парке возвышаются сейчас высокие здания Венского международного центра, где находятся различные агентства и организации ООН. Велико значение Вены как научного и культурного центра страны. Здесь проходят известные музыкальные фестивали, международные ярмарки, здесь расположены важные металлообрабатывающие предприятия, заводы точного машиностроения и электротехнические. Вена — центр производства потребительских товаров, художественного ремесла и моды. Короче говоря, жизнь в австрийской столице идет деятельная, разнообразная, напряженная.

Маршрут моей поездки по Австрии был разработан еще в Москве, и помог мне в этом сотрудник австрийского посольства Мартин Сайдик, за что я ему бесконечно благодарен.

Первым в нем значится город Инсбрук, столица Тироля, находящийся в центре Австрийских Альп. Еду туда поездом. В поезде всегда встретишь интересных людей. Встретил и на этот раз. Фрау Штольц — музыкальный критик. В Инсбруке событие — фестиваль старинной музыки. И вообще столица Тироля — один из центров культурной жизни Австрии.

— Обязательно приходите вечером на концерт, не пожалеете. Я вам пришлю билет. Скажите только, в какой отель.

Она действительно прислала. И я ничуть не пожалел. В старинном замке, в одном из приспособленных для музыкальных выступлений залов состоялся этот удивительный концерт. Древнее помещение было переполнено. И старики и молодежь. Затаив дыхание все внимали мелодиям времен Джордано Бруно, Коперника, Леонардо да Винчи и Тициана, исполняемым на старинных инструментах сборным ансамблем, куда входили и австриец, и американец, и кто-то еще из европейцев. Англичанин пел на латинском языке мелодичные цер-

Ее зовут Валери. Она живет в Вене * Эхо прошедшей войны * Это экипаж для туристов * В пригороде Вены * Какие сегодня новости!

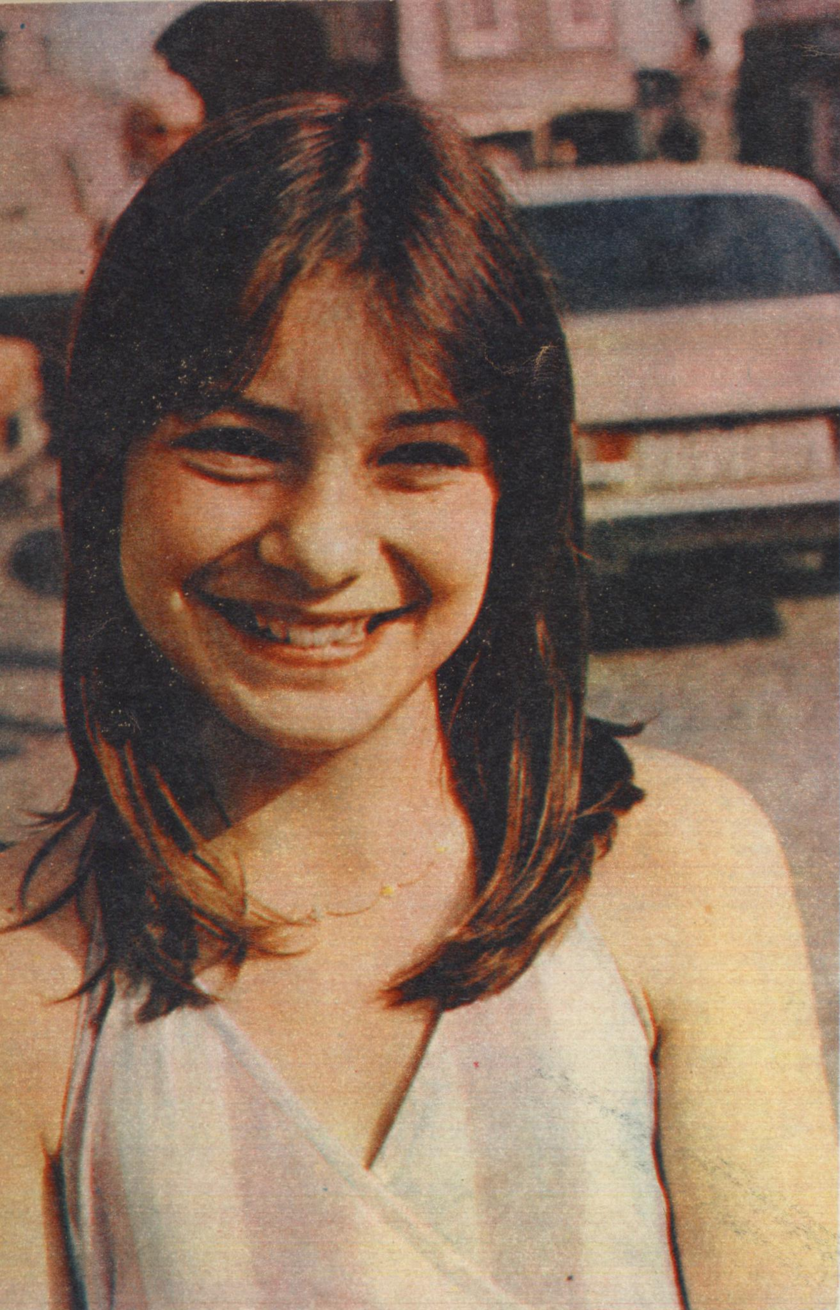
НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ: Австрийская Наташа * Итальянское каприччио на улицах Вены * Здание парламента * Жители Австрийских Альп в национальных костюмах * Зелень альпийских гор * В ожидании пассажиров.

ПРОВЕРЕН

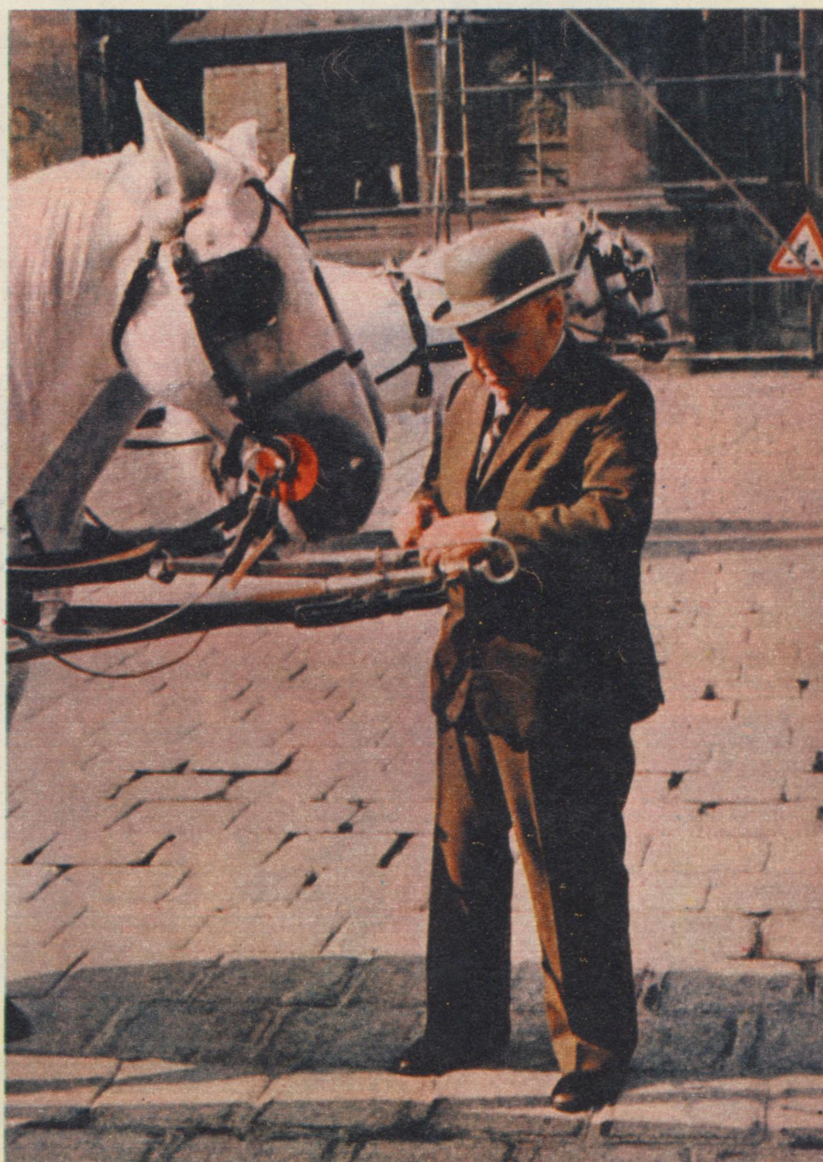

E.BRAUN

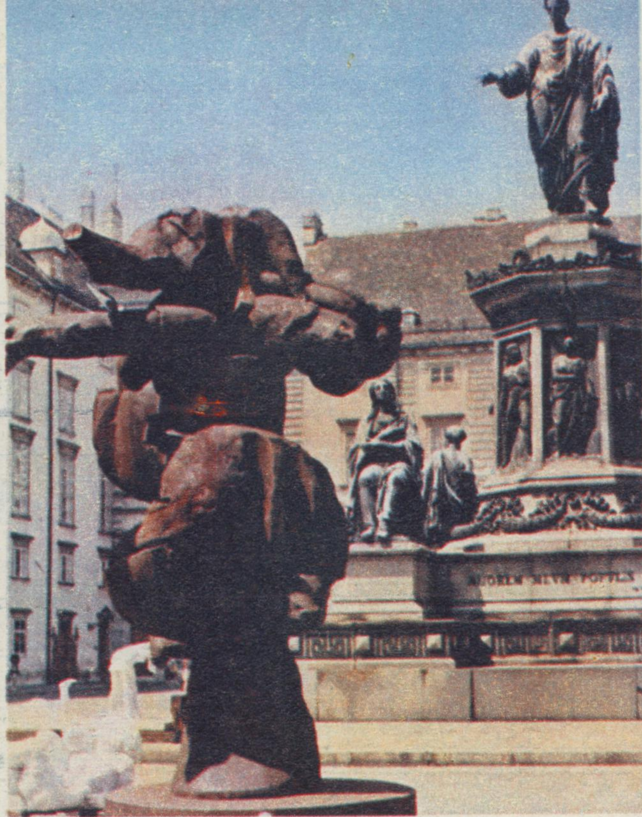

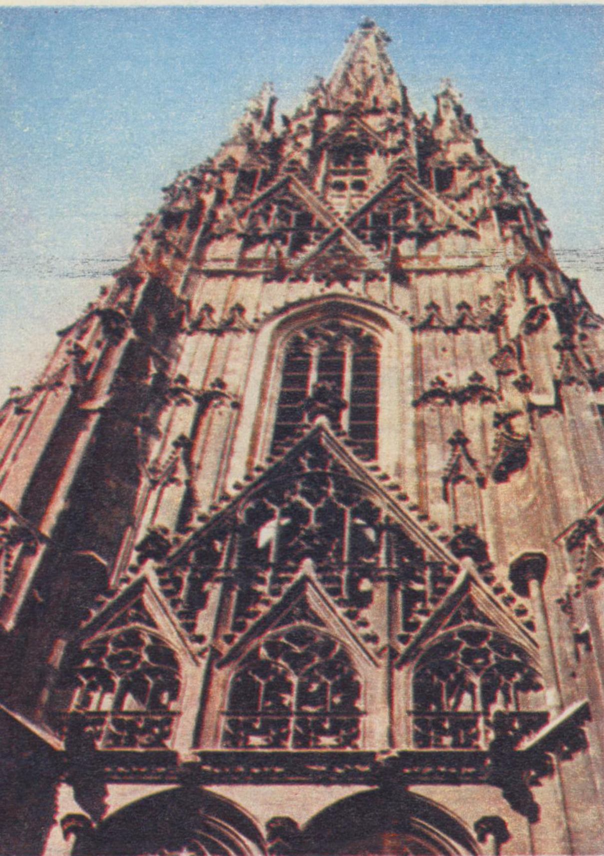

E.BRAUN&C°
E.BRAUN

NORDSEE

ковные хоралы, и его пение сопровождал рожок, звучавший не хуже флейты, некое подобие цимбал и другие невиданные мной раньше инструменты.

А утром я встречался с главой правительства Тироля, или ландгауптманом, г-ном Вальнефером, с которым имел интересную и полезную беседу. Подвижный, несмотря на возраст, с проницательными черными глазами, не вынимающий сигарету изо рта, он известен как большой патриот своей провинции.

— Вы знаете, тирольцы с самых древних времен привержены демократическим традициям. Еще в 1272 году у нас существовал ландтаг, в котором были представлены и крестьяне, и дворяне, и купцы, и церковь. Это уж потом у нас наступили трудные дни. 600 лет мы находимся в составе Австрии, да и то не все. Южный Тироль — итальянский.

Г-н Вальнефер подробно рассказывает об истории Тироля, о том, что тирольцы хотят большей автономии, хотя они считают себя австрийцами и не требуют выхода из Австрии. Рассказывает о трудностях экономики, особенно в связи с мировым энергетическим кризисом, о проблеме с сельским населением в горах, которое покидает свои старые места и переселяется поближе к современной цивилизации.

— Австрия, как вы знаете, нейтральная страна, и я доволен, что это так,— говорит он в заключение беседы.— Наш нейтралитет дает нам большие преимущества. Мы живем в неспокойном мире. Но мы хотим хороших отношений со всеми. Конечно, мы маленькая страна, но мы много испытали. Я хотел бы забыть вторую мировую войну. Но ее нельзя забывать. Молодежь не знает, какая ужасная это была война. Время от времени о ней надо напоминать. Инсбрук был сильно разрушен. Около двух третей города лежало в руинах.

В Инсбруке я жил в гостинице «Вайсес крейц» — «Белый крест», существующей с 1465 года. В ней в свое время останавливался Моцарт. Мое окно выходило на старинную площадь, куда не допускается общественный транспорт. Площадь всегда забита народом. Это ведь тоже центр мирового туризма. Как сказал ландгауптман, если привести длительность пребывания туристов к какому-то одному знаменателю, то получится, что в Инсбруке происходит ежегодно 40 миллионов ночевок. Знаменитые горы и леса Тироля привлекают сюда альпинистов и мастеров зимнего спорта из самых различных стран, но больше всего из соседней ФРГ. Здесь проводились зимние Олимпийские игры 1964 и 1976 годов.

В ботаническом институте состоялась встреча с профессором Чернушкой. Профессор оказался очень молодым энергичным и симпатичным человеком. Тема его исследований — экология горных районов Австрии.

— Над этой темой мы работаем уже давно и упорно. По программе ЮНЕСКО она определена так: «Человек и биосфера». Мы хотим выяснить, какое влияние оказывают на окружающую среду строительство дорог в высокогорных районах, а также туризм, альпинизм, спортивные комплексы. Вы знаете, у нас ведь очень много туристов, и любители горнолыжного спорта приезжают из различных стран. Для них строятся подъемники, прокладываются лыжные трассы, возводятся трамплины. И в связи с этим возникают сложные проблемы. Минувшее лето было здесь очень дождливым, и вдоль всех этих сооружений происходила особенно сильная эрозия почвы, нарушался покров горных склонов. Наши жители горных районов не могут не видеть этого ущерба, наносимого природе.

Но дело даже не только в этом. В силу многих социальных причин люди уходят с гор. Земли перестают обрабатываться, зарастают кустарниками, пастбища забрасываются. Мы должны иметь четкое представление, что делать с этой землей. Мы все-таки хотим сохранить здесь, в Альпах, овцеводство и даже развивать его. Но как и с кем? Мы наладили связи с исследовательскими организациями Грузии и хотим использовать ваш опыт в этом отношении. Мы даже проводим совместные исследования: и грузинские ученые приезжают к нам, и мы бываем в Грузии для решения комплекса экологических проблем.

Мы посмотрели несколько фильмов о защите окружающей среды в Альпах, осмотрели лаборатории института ботаники. К сожалению, поговорить со студентами не удалось — были каникулы. А затем доктор Кристиан Кернер, сотрудник института, показал мне Инсбрук сверху, с какой-то особой точки, о которой далеко не все знают.

— Вот посмотрите, вон там, слева, пролегала олимпийская трасса. Видите, где снег еще лежит.

Я смотрел в этом направлении, видел снежные вершины, прозрачную синеву гор, изумительную панораму этой столицы Тироля с ее островерхими кирхами, с рекой Инн, извивающейся среди нагромождения черепичных крыш, и никак не мог понять, где же пролегала эта олимпийская трасса. Чтобы разобраться в горном, изумительно красивом хаосе, нужно постоянно быть тирольцем.

Путь от Инсбрука до Зальцбурга занимает несколько часов. Перед самым Зальцбургом почти отвесные стены гор расступаются, и поезд из тесного ущелья вырывается на холмистую равнину. Мимо проносятся чистенькие поселочки с домами под черепичными крышами с непременными весело раскрашенными церквушками, все зелено, светло и чисто. Зальцбург — это микрокосм всей Австрии, говорится в одном из туристических справочников, это — воплощение всей австрийской истории и искусства. Это совершеннейший гармонический синтез работы, которую проделало провидение, и человеческой деятельности. Город действительно очень красив. Старинная крепость, возвышающаяся над городом, и старинные здания на фоне заснеженных гор придают городу особый колорит и живописность.

В те дни Зальцбург настолько заполонили туристы, что даже место в отеле найти было просто невозможно. Все дело заключалось в знаменитом международном музыкальном фестивале. Толпы туристов бродили по городу, щелкая затворами фотоаппаратов, покупая сувениры. Мы тоже походили по старой части города, побывали у дома, где родился великий Моцарт. Попасть ни на один концерт невозможно — все билеты проданы за несколько месяцев до начала фестиваля. Местные жители готовятся к этому событию целый год. Для участия в фестивале приезжают талантливые исполнители и музыкальные ансамбли не только из самой Австрии, но и из других стран мира. В их распоряжение предоставляется несколько городских сцен, и в течение многих дней в городе звучат мелодии классических опер, симфоний, квартетов. Участие в фестивале для музыкантов-профессионалов — дело очень престижное, и многие получили в Зальцбурге признание и начали большую музыкальную карьеру.

Видел Зальцбург неоднократно и советских исполнителей. Здесь гастролировал симфонический оркестр Ленинградской филармонии под управлением Мравинского, выступали Елена Образцова, Владимир Атлантов и многие другие артисты, а также национальные ансамбли из Советской страны.

Конечно, на фестивале царит Моцарт. Впрочем, не только во время фестивалей. Нередко здесь проходят международные конкурсы его имени. Общество «Моцартеум» проводит большую работу по сбору и изданию наследия композитора. В кафедральном соборе идут концерты органной музыки, написанной Моцартом.

В Зальцбурге мы встретились с Рихардом Хеглем, главой фирмы «Хегль», которая имеет постоянные деловые связи с нашей страной. Его обувная фабрика, находящаяся неподалеку от Зальцбурга, 80 процентов своей продукции поставляет в Советский Союз. Мы побывали на этой фабрике. Глава фирмы подробно рассказал о работе предприятия, о его оснащении, о том, как создаются новые модели. К сожалению, в те дни фабрика не работала, так как все рабочие были в отпуске. На складе готовой продукции г-н Хегль показал нам добротные, красивые изделия, которые он поставляет в СССР.

Помимо этой фирмы, в окрестностях Зальцбурга имеется ряд других предприятий, активно сотрудничающих с Советским Союзом. Фирма «Аэротранс», например, поставляет технику для пневматической связи. Следует сказать, что вообще экономические отношения между Австрией и Советским Союзом развиваются плодотворно и в интересах обеих стран. Можно перечислить десятки крупных и мелких промышленных предприятий и фирм, которые имеют долговременные и прочные торгово-экономические связи не только с Советским Союзом, но и с другими социалистическими странами. Это, безусловно, дает Австрии значительные преимущества по сравнению с другими капиталистическими странами, и сейчас, в век экономических неурядиц, переживаемых Западом, такие связи гарантируют Австрии и большую занятость населения и экономическую стабильность. Как отмечал председатель Компартии Австрии Франц Мури, не будь налаженных связей с миром социализма, обеспечивающих занятость тысячам австрийцев, в Австрии усугубилась бы безработица.

Основой австрийской внешней политики является политика постоянного нейтралитета, официально принятая австрийским парламентом 26 октября 1955 года. Этот курс принес Австрии целый ряд конкретных выгод и создал предпосылки для повышения ее роли на мировой арене. Австрия поддержала политику разрядки, идею Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе и другие акты, направленные на укрепление мира на земле. Канцлер Бруно Крайский в своем недавнем заявлении резко отмежевался от последних акций президента США против СССР и народной Польши, назвав очередной экономический бойкот бессмысленным. Конечно, кое-кому и за рубежом и в самой Австрии не по душе такая политика, как и вообще укрепление и развитие советско-австрийских отношений. Но после путешествия по этой стране, после встреч и бесед со множеством людей могу сказать, что таких ничтожное меньшинство.

Когда я проходил по одной из улочек Вены позади собора святого Стефана, я обратил внимание на угол старинного дома, где слегка облупилась штукатурка. И в этом месте различил несколько русских букв. Каюсь — я начал отковыривать штукатурку дальше и вскоре прочитал надпись на русском языке: «Квартал проверен». Кто-то замазал эти слова, напоминающие о годах второй мировой войны, о тяжелых боях, которые вели здесь советские воины против фашистов. Но Вена не забывает о подвиге советского солдата.

Отношения дружбы и сотрудничества связывают Австрию с Советским Союзом уже с самых первых дней освобождения страны от фашизма. В апрельские дни 1945 года австрийский народ был освобожден от коричневой чумы.

Когда открывался монумент советским воинам в августе 1945 года на площади Шварценберг, глава временного правительства страны К. Реннер произнес слова: «Здесь, у этого священного надгробия, мы благодарим русское государство... за освобождение и великодушную помощь, которая спасла нас во времена тяжелой нужды, и клянемся от своего имени и грядущих поколений: как прочен гранит этого памятника, так же прочны и наше доверие и наша незабываемая благодарность Красной Армии».

У подножия постамента, где стоит советский воин с автоматом на груди, всегда свежие цветы.

В Зальцбурге около дома Моцарта * Скульптура прежде и теперь * В ожидании зеленого света * Башня собора святого Стефана * Вот такие сапоги поставляет фирма «Хегль» в СССР * Уличный ресторанчик * Шарманщик * Для собачек специальная поилка * «Такие лыжи мы делаем сейчас», — говорит сотрудник фирмы «Фишер».

Геннадий **МАКАРОВ**

— Ну, дело сделано,— с довольным видом произнес, почти пропел Семен Митрофанович,— теперь и культурно отдохнуть можно...

Семен Митрофанович — мой сосед по номеру в гостинице. Мы познакомились с ним сегодня утром на вокзале. Внушительного роста мужчина, лет сорока, довольно громко расспрашивал окружающих о том, как доехать до «Туриста».

— Место в гостинице должны были забронировать,— объяснил он мне по дороге.— А вот попросить о том, чтобы встретили, я както постеснялся.

Из дальнейшего разговора я узнал, что мой попутчик — бригадир на далекой сибирской стройке и в этот южный приморский город приехал за металлом.

— Скоро уже месяц без конструкций стоим. Ребята сказали: поезжай и с голыми руками не возвращайся. Тебя должны послушать: награду имеешь! Кроме того, у нас с поставщиками договор о рабочем содружестве заключен.

Детальнее в круг своих забот ввел меня бригадир уже вечером. Тут я со всеми подробностями узнал, в каких кабинетах побывал Митрофаныч за день, с кем встречался, кто ему обещал оказать содействие. Словом, сибиряк оказался мужиком общительным.

— Ну, дело сделано,— заключил он свой рассказ,— теперь и культурно отдохнуть можно. Имеем полное право!

Признаться, предложение строителя не вызвало во мне ответного энтузиазма. Дело, которое заставило меня приехать в этот город, было непростым. И сегодняшний вечер я собирался провести за документами, которыми меня обильно снабдили обе упорно конфликтующие стороны. Однако Митрофаныч моего отказа не принял.

— Да ты не беспокойся.— Бригадир дружески хлопнул меня по плечу.— В смысле финансов все в порядке. Мне как раз перед командировкой премию выдали. Так что считай, что я тебя приглашаю отметить это событие.

Простодушная прямота сибиряка поставила меня в довольно неловкое положение. И Митрофаныч, очевидно, сразу же это уловил.

— А я там уже попросил и столик для нас попридержать,— добавил он извиняющимся тоном.

Чувствовалось, что сосед искренне огорчен моей несговорчивостью. Для него посещение ресторана действительно могло казаться событием. И он от души желал поделиться со мной этим не столь уж часто в жизни строителя случающимся удовольствием.

Я быстро убрал разложенные на столе бумаги в папку.

— Но уговор,— сказал я, вставая,— все затраты пополам.

Ресторанный зал встретил нас оглушающе гремевшей музыкой.

— А вот и наши антрекоты движутся,— с радостно возбужденным видом проговорил Митрофаныч, указывая глазами на официантку, направляющуюся к нашему столику с подносом в руках.

Однако ликование бригадира длилось совсем недолго. Разложенное по тарелкам мясо оказалось абсолютно несъедобным. Его нельзя было разделить на куски даже ножом. Плачевную картину дополнял гарнир, состоящий из смеси подгоревшей, к тому же успевшей остыть картошки и еще какого-то варева, представлявшего собой, судя по острому запаху, тушеную капусту.

Бригадир, бросив на меня смущенный взгляд, попробовал было сострить насчет того, что вот, мол, пролетел самолетом чуть ли не через всю страну, сменил несколько часовых поясов, оказался совсем в другом климате, а блюда здесь, выходит, ни в жисть не отличишь от тех, которые подаются у них в рабочей столовке.

— Похоже, их один повар готовит...

Да, с культурным отдыхом нам сегодня определенно не везло. И это ощущалось с особенной досадой, потому что клонившийся к закату день был у сибиряка, судя по всему, на редкость удачным. Посудите сами: в гостиницу без волынки поселили, металл обещали отгрузить, даже столик в ресторане оставили. Словом, все дела, за которые он сегодня брался, непременно удавались. Обычно в такие дни появляется в душе острое желание обнять первого встречного, одарить чемлибо, на худой конец угостить, что называется, на славу. И вот финал. Некто взял и напакостил нам, так что от недавнего благодушного, подетски радужного настроения не осталось и следа.

«А почему, собственно, некто?— рассерженно подумал я.— Почему беззащитность? Разве мы пришли в какое-то филантропическое заведение за дармовой миской супа? Нет! Ресторан — заведение государственное. И пришли мы не с пустыми руками, а с трудовой, честно заработанной копейкой. Так откуда же эта беспомощность? Почему мы не можем потребовать, чтобы нас здесь как следует обслужили за наши же деньги? Поданный нам ужин — самое настоящее оскорбление действием. За такое угощение по закону положено отвечать!»

В общем, я решил действовать.

В ответ на мое требование принести жалобную книгу официантка гордо, сверху вниз, окинула меня презрительным взглядом и, передернув плечами, удалилась. Семен Митрофанович смущенно тыкал вилкой в холодный, подгорелый картофель на тарелке и молчал. Я тоже хранил безмолвие, сосредоточенно подбирая в уме слова, которыми намеревался заклеймить хамское отношение к нам работников ресторана.

Официантка с жалобной книгой в руках, однако, не появлялась. Ожидание становилось все напряженнее. Аппетит, еще недавно явственно дававший о себе знать, куда-то исчез. Все ощущения поглотило гипертрофически разрастающееся раздражение. Я чувствовал себя на последнем пределе. Мои пальцы непроизвольно выстукивали по столу какую-то сумасшедшую дробь.

Видимо, она и заставила повернуться в нашу сторону мужчину, сидевшего за соседним столиком.

— Может быть, я вмешиваюсь не в свое дело,— произнес интеллигентного вида незнакомец.— Но получилось так, что я оказался невольным свидетелем вашего разговора с официанткой. И должен заметить: вы абсолютно не правы!

Мужчина, которому на вид было не больше тридцати, твердо посмотрел мне в лицо. Я ответил ему откровенно неприветливым взглядом, давая понять, что вовсе не намерен сейчас выслушивать нравоучения от кого бы то ни было. Впрочем, незнакомец вовсе не походил на скандалиста, готового затеять свару ради собственного развлечения. Выражение лица у него было хоть и самоуверенное, но одновременно и вежливое. Даже где-то благожелательное. Митрофаныч, надо полагать, так и понял обращение к нам этого человека. Оно ему показалось выражением сочувствия. Во всяком случае, в ответ на слова незнакомца он живо повернулся к нему и с обидой в голосе произнес:

— А вы только посмотрите, какие жесткие подошвы нам подали.

Мужчина в ответ досадливо поморщился.

— Я не о том,— перебил он бригадира.— Мне интересно знать, с какой целью вы пришли в этот ресторан... Да! Да!— продолжал незнакомец, строгим взглядом окидывая наши вытянувшиеся, недоумевающие лица.— Мне нужен лишь ответ на вопрос,— холодно повторил он,— что привело вас сюда? Желание покушать или стремление бороться за качественное приготовление блюд на местной кухне?

Семен Митрофанович и я в полной растерянности посмотрели друг на друга. Наконец бригадир неуверенно произнес:

— Как же! Хотели отобедать...

Мужчина с серьезным видом выслушал несвязный лепет моего напарника.

— Отлично,— бодро произнес он.— Ваше признание меняет дело.

С этими словами незнакомец встал и неторопливой, размеренной походкой прошел через зал к двери, на которой виднелась табличка: «Посторонним вход воспрещен». Через несколько минут все с тем же солидным и значительным видом он вышел из служебного помещения и направился к нашему столику. Следом за ним семенила официантка. На подносе у нее были тарелки, искусно украшенные петрушкой и еще какой-то зеленью.

— А вы, случайно, не директор этого заведения?— с простецким видом спросил Митрофаныч нашего «благодетеля» и быстренько подставил ему стул, приглашая присаживаться. Тот не заставил себя долго упрашивать.

— Что вы,— скромно, но с достоинством проговорил он.— Я такой же посетитель, как и вы.

— Тогда как же понять?..— с детским изумлением спросил мой компаньон и тут же налил в бокал незнакомца вино из нашей бутылки.

— Благодарю,— вежливо отозвался наш гость и, не чванясь, пригубил подношение.— Что касается этого,— мужчина царственно повел рукой в сторону наших быстро опустевших тарелок,— то здесь вы видите лишь результат моей жизненной философии, из которой, заметьте, не делаю никакого секрета. Ее суть в том, что я принципиально никогда и ни с кем не борюсь. Не имею, так сказать, привычки видеть в окружающих каких-то врагов. Напротив, в каждом человеке стремлюсь разглядеть прежде всего одно только хорошее. И за мое добро они мне...

Незнакомец допил вино из бокала.

Во мне почему-то все сильнее разгоралась неприязнь к этому человеку, ничего плохого нам вроде бы и не сделавшему. Скорее напротив! И все-таки я никак не мог побороть в себе нарастающее раздражение. Меня бесила не только сама «философия» незнакомца, но и то, каким тоном он ее излагал. В его словах и жестах виделась мне самоуверенная наглость человека, привыкшего ко вседозволенности. Терпеть эту вельможную самоуверенность было для меня невыносимо. Хотелось разом поставить на место разоткровенничавшегося «философа». Однако Митрофаныч с огромным аппетитом доедал антрекот, и я решил не портить ему удовольствия.

— Могу поделиться опытом,— продолжал тем временем незнакомец, поставив пустой бокал на стол.— Возьмем для наглядности официантку Зиночку, ту самую, которая принесла вам только что угощение.

Мужчина закинул ногу на ногу и продолжал говорить, мерно покачивая узким носком сапога, подкованным, как диктует мода, спереди.

— Только что вы,— насмешливый взгляд в мою сторону,— зачислили ее в свои смертельные враги. А ведь, если разобраться, она милейшее существо. И душа у нее отзывчивая и благородная...

— Вот уж не сказал бы,— буркнул я себе под нос.

— И напрасно,— живо возразил мужчина.— Можете тут же, как говорится, не отходя от кассы, проверить справедливость моих слов. Купите сейчас в буфете шоколадку и подарите ее Зиночке. Уверяю, завтра она вас здесь встретит уже как своих самых желанных гостей.

Развязный тон новоявленного наставника

«ДОБРЫЙ ЧЕЛОВЕ

становился все более и более вызывающим. Молчать дальше становилось невмоготу. И я спросил с нарочитой вежливостью:

— Выходит, мы ваши должники. Сколько же с нас причитается за шоколадку?

— Э-э-э, нет!— пренебрежительно сморщился тот.— Я так мелко не работаю. У меня здесь прямой выход на шеф-повара, Сергея Васильевича.

— Тоже прекрасный человек?— с вызовом спросил я.

— Представьте, угадали.— Наш «благодетель», кажется, только и ждал моего выпада.— Желаете объяснений?— Он лениво поднял бокал и посмотрел сквозь вино на свет.— Я готов их дать. Вот для начала самая простая задачка. С мясокомбината привезли вырезку. Скажем, на сорок порций. А в зале сидит восемьдесят человек. И каждый заказал себе по куску мяса. Как, по-вашему, следует поступить?..

— Если на всех не хватает,— неожиданно вмешался в разговор примолкший было Митрофаныч,— то, значит, никому!

— Почему вы так категорически решили, что «значит»?— мягко возразил наш «просветитель». Из нас двоих он явно благоволил к Митрофанычу и обращался к нему подчеркнуто дружески.— Не забывайте о ревизорах,— продолжал он.— Они же сразу вас засекут. Скажут: вырезку с базы получал? Получал! А с кухни в зал ни одного антрекота подано не было. Вопрос: куда девалось мясо?..

Строитель наморщил лоб, раздумывая над ответом. Мне стало обидно за бригадира, которому беззастенчиво морочили голову. Поэтому я поспешил ему на помощь.

— О чем тут думать?— небрежно сказал я.— Вырезкой в первую очередь надо накормить ревизоров. Остаток мяса взять себе. Но чтобы все было шито-крыто, в зал можно подать и жареные подошвы.

— А вы знаете какое-то другое решение?— быстро осведомился незнакомец.— Тогда поделитесь! Поведайте миру, каким образом можно пятью хлебами накормить пять тысяч человек? Сочините еще одну сказку на эту доисторическую тему. Только учтите,— мужчина вновь подставил свой бокал Митрофанычу,— сегодня в такие бредни мало кто верит. Сейчас в моде трезвый расчет, потому что каждый знает: много званых, да мало избранных...

— Постой, постой,— перебил говоруна строитель.— Ведь это что-то из церковных писаний?.. Помню, бабка у меня все любила такие слова повторять.— Бригадир, дурашливо вытаращив глаза, уставился на собеседника.— А может быть, вы из этих самых?

Мужчина сдержанно улыбнулся.

— Не волнуйтесь! И не надо гадать. Если вас интересует моя профессия, то я вам охотно представлюсь.— Наш гость поправил галстук и, приподнявшись со стула, галантно раскланялся: — Актер местного драматического театра Роберт Иванович. Кстати,— артист сел и небрежно кивнул в мою сторону,— на сцене я играю исключительно таких вот борцов за повышение качества и рост производительности. Но там, на сцене,—глаза Роберта Ивановича наполнились едкой иронией,— за изображение пафоса борьбы деньги платят. А в жизни — брр! Нет, в жизни такое меня не греет.

— А ресторанный шеф-повар?— в тон актеру сказал я.— Он, надо полагать, тоже так думает?

— Да, мы с ним единомышленники!— гордо вскинул голову служитель Мельпомены.—Сергей Васильевич, как и я, антиборец. Да, он охотно кормит ревизоров мясом из вырезки. А те в ответ позволяют ему жить. А как же: живешь сам — жить давай другим! Если не подмажешь, то и не поедешь. Вырезка для ресторана выделяется тоже не бесплатно. За такое одолжение обязательно платить надо. Иначе вообще ничего не получишь. Так что все взаимосвязано. Все живут в меру своих возможностей. Но для того, чтобы это было так,— наш оратор, начавший заметно пьянеть, сделал многозначительную паузу,— нужно, чтобы все любили друг друга. Мой добрый знакомый, Сергей Васильевич, только что показал вам пример таких человеческих отношений. Я рад за него! Больше того, я горжусь им и восхищаюсь!.. А вы,—актер уперся в меня немигающим взглядом,— и такие, как вы, готовы сеять кругом вражду и ненависть. Но какой прок? Какая польза от жалобы, которую вы только что грозились написать? Может быть, вы думаете, что она увеличит на кухне число антрекотов? Нет? Не думаете! Значит, сорок порций, по-вашему, останутся все теми же сорока порциями. Тогда скажите: какой смысл в вашем высокопринципиальном поступке? Чего вы собирались им добиться? Испортить настроение повару и тем самым увеличить количество зла, существующего в жизни? Но зачем? Разве не лучше проявить уважение к, прямо скажу, нелегкой работе тех, кто стоит у плиты, и в ответ получить две великолепные порции мяса?..

Роберт Иванович обвел нас с бригадиром торжествующим взглядом. Мы выжидающе молчали.

— А ведь могло бы случиться иначе.— Актер многозначительно поднял брови.— Только представьте на миг, что Сергей Васильевич в ответ на вашу угрозу встал, что называется, в позу! А он мог бы, поверьте, очень даже мог бы это сделать. И тогда не ему, а вам пришлось бы доказывать, что свою жалобу вы писали в трезвом, а, скажем, не в пьяном состоянии. Наверное, знаете, до чего просто это делается. Пара свидетелей. Письмо по месту работы. И потом доказывайте, что вы не верблюд... Но нет! — оратор помахал в воздухе указательным пальцем.— Мой друг не встал на эту тропу войны каждого с каждым. Он не попытался умножить зло. Нет! Он остался верен добру. И уже только за одно это мой друг достоин самого высокого уважения!

Роберт Иванович поднял бокал и с пьяной торжественностью провозгласил:

— За Сергея Васильевича!..

Мы своих бокалов не взяли. Я видел, что лицо Митрофаныча, до сих пор пьяно-благодушное, с каждой минутой становится все трезвее и жестче.

— Значит , шеф-повар ресторана,— прищурившись, спросил он, подождав, когда актер выпьет,— кушают с ревизорами антрекоты из вырезки? А остальным? — Бригадир неопределенно мотнул головой куда-то в сторону.— Им, что же, остается молча жевать пережаренные подошвы?..

Роберт Иванович недоуменно уставился на строителя. Он, видимо, меньше всего ожидал получить отпор с его стороны. Однако отступать актеру было уже некуда. Он до предела набрал скорость, и теперь его тащило дальше, что называется, юзом.

— Шеф-повар,— по-прежнему назидательно проговорил он,— всего лишь шеф-повар! Но отнюдь не господь бог! Из сорока порций вырезки сделать вдвое больше ему не под силу.

— Тогда,—упрямо объявил бригадир,—пусть готовит котлеты! И чтобы на всех! По справедливости!

— Нет, отчего же,— высокомерно поджал губы наш «благодетель».— Я тоже люблю поговорить о справедливости. Особенно после того, как хорошо пообедал. На сытый желудок они, конечно, очень даже полезны, такие разговоры. Помогают пищеварению...

Лишь на миг над нашим столиком повисла напряженная тишина. Я еще не успел решить, как мне поступить в ответ на очевидную наглость актера, а шум в зале уже перекрыл могучий бас бригадира.

— Ах ты, гад! — закричал Митрофаныч, поднимаясь во весь свой могучий рост и хватая «философа» за лацканы модного кожаного пиджака.— Так вот она куда ведет, твоя хваленая доброта!

...Из милиции нас выпустили часа через два. Оказавшись вдвоем на пустынной ночной улице, мы с Митрофанычем неожиданно дружно и весело расхохотались:

— Культурно отдохнули, нечего сказать!

— А я ведь с самого начала понял,— сотрясаясь от смеха, сообщил мне приятель,— что никакой он вовсе не актер и не Роберт Иванович, а самый обыкновенный мошенник. Мелкий доставала! Я — тебе, ты — мне!

— Тогда зачем же все время подливал ему вино в бокал?..

— А я для интересу,— объявил Митрофаныч.— Уж очень он складно врал. Хотелось узнать, чем же все это кончится.

Лично у меня, по правде сказать, сложилось несколько иное впечатление. Мне казалось, что вначале лжеартист произвел на бригадира неплохое впечатление. Эдакий пробивной малый. Пошел на кухню с пустыми руками, а вернулся со съедобными антрекотами. Лишь потом, уже в заключение нашей трапезы, строитель окончательно разобрался в том, что́ здесь почем и какого цвета. Впрочем, высказывать свои соображения Митрофанычу я не стал. Вместо этого спросил:

— Ну, теперь доволен?

— Еще бы!— Мой напарник сокрушенно покачал головой. Наши шаги гулко раздавались на безлюдной улице.

— Все-таки правильно!— с вызовом произнес вдруг бригадир.— Правильно, что нас в милиции оштрафовали.

— Да, за такой скандал могли бы и...

— При чем тут скандал? — перебил меня Митрофаныч.— Разве же нас за него наказали? Это только предлог. А если по справедливости, то наказали нас за то, что мы с тобой предатели. Предали мы ее, правду-то!

— Какую еще правду?— не понял я.

— Самую настоящую,— непреклонно объявил Митрофаныч.— Мы же вначале что с тобой решили?— Он остановился и в упор посмотрел на меня.— А решили мы написать в книге жалоб свое мнение о шеф-поваре.

— Да,— согласился я.— Но, по совести сказать, псевдоактер прав. От этих записей антрекоты в ресторане лучше бы не стали.

— Так не в том же дело! — возмущенно загудел бригадир.— Главное в записи: шеф-повар — жулик!

— И что из того?

— А то, что это и есть правда! Понял! И от нее нельзя отступать! Согласен? Тогда о чем еще говорить! — Митрофаныч махнул рукой.— Купил он нас, аферист тот несчастный. За два антрекота! Как детей! Вот в этом наше предательство и состоит.

Строитель вздохнул и широко зашагал по мостовой.

— Считаешь, за это предательство нас с тобой и оштрафовали?— стараясь не улыбнуться, спросил я.

Бригадир молча кивнул головой.

— Ну, это ты, брат, преувеличиваешь,— попытался возразить я.— Если бы правда умела за себя мстить тем, кто ее продает, то она в первую очередь наказала бы шеф-повара, а потом уже нас.

— Нет!— уперся пальцем мне в грудь бригадир.— Как раз напротив! Всякие там ловчилы потому и не боятся правды, что мы с тобой ее нередко продаем. Сунут нам в рот по куску мяса, мы и молчим, довольные! А чем, собственно! Что мы с тобой — никогда раньше антрекотов не видели? Видели! Тогда почему же промолчали? Почему не сказали шеф-повару, что́ мы о нем думаем?.. Не знаешь! Вот и я о том же!

Поеживаясь от ночной сырости, мы заспешили в гостиницу.

— А что касается того, что на всех не хватит,— заговорил вдруг Митрофаныч,— так это ерунда. Каждому достанется, если все работать будем как следует и чтобы не хапать сверх меры! По совести надо жить. В этом дело!— Митрофаныч остановился и зашевелил пальцами в воздухе, будто пытаясь в нем что-то нащупать: — Чтобы всегда правду... И когда про себя думаешь! И когда вслух говоришь! Тогда...— Бригадир покрутил головой, видимо, мучительно пытаясь отыскать нужные слова.— Тогда и штрафовать будут всегда тех, кто действительно заслуживает. Это я тебе точно говорю...

Впереди замаячил освещенный подъезд «Туриста». Я шел позади торопливо шагающего бригадира, смотрел на его широкую спину и непонятно почему чувствовал, что давно знаю и искренне люблю этого донельзя простодушного, вчера еще вовсе не знакомого мне человека.

«А ведь он теперь уже никогда больше не согласится выполнять роль «толкача»! — внезапно пронеслось у меня в голове.— Кто бы его ни уговаривал, не согласится! Потому что и металл всем нужен, а не только одной знаменитой бригаде».

К»ИЗ РЕСТОРАНА

Д. Н. ЖУРАВЛЕВ,
народный артист СССР,
лауреат Государственной
премии СССР

ПРИЗВАНИЕ

Моя творческая жизнь началась в театре. Сначала в Симферополе, потом в 3-й студии МХТ — молодом Театре имени Евг. Вахтангова, где я учился и проработал 18 лет. Нередко меня спрашивают, не жалею ли я, что оставил театр? Отвечаю, что жалею, что не сделал этого раньше. Спрашивают: почему так? «Неужели вы не любите театр? Или разлюбили?» Отвечаю: «Как любил, так и люблю». Допытываются: «Значит, не сложилась в театре ваша судьба? Не давали ролей?» Говорю: «Сложилась. Роли давали». «Что же вас тогда увело из театра?» Отвечаю: «Призвание».

Я родился артистом. Но не актером. Вспоминаю себя мальчиком, читающим слушателям рылеевскую думу о Сусанине. Помню отчетливо, что у меня не было желания наклеить бороду, парик, взять в руки посох. Нет! Для этого во мне уже тогда не хватало наивности, непосредственно того качества, которое делает людей актерами. Мне страстно хотелось рассказывать о Сусанине стихами Рылеева, будто я сам видел со стороны сумрачный лес, засыпанный снегом, и поляков, и самого Ивана.

Однако актером я стал. Но это была лишь ступень к призванию. Позднее, расставшись с театром, я не оторвался от него духовно. Сильнейшими впечатлениями моей творческой юности была игра Михаила Чехова, Щукина, Басова и спектакли тогдашнего Художественного театра. И по сей день я хожу в театр по возможности часто, стараюсь не пропустить событий нашей театральной жизни, бываю счастлив, видя в нем прекрасное, и переживаю его неудачи как свои собственные. Вижу, как время, которое меняет все, меняет и театр.

Я противник чисто режиссерского театра, но не вместе с тем не сомневаюсь, что уровень театра в наше время определяют прежде всего его руководитель — режиссер. Я стою в стороне от методических споров, полемики, которая всегда есть и должна быть в мире искусства, в частности театрального. Потому, может быть, мне иногда легче увидеть, как зрителю, результат.

Что ожидает наш театр завтра? Наверняка новые победы, имена, сенсации. Будут и поражения, не без этого. Как увеличить число первых и свести до малого последние? Прежде всего, наверное, как следует заботиться о подготовке режиссерской смены. Что это значит? Помогать приходить в театральные институты одаренным людям, тем, кого зовет в режиссуру подлинное призвание. Затем наилучшим образом раскрывать эти дарования, вооружать их на всю жизнь настоящей школой, методикой, хорошей учебной литературой.

От недостатка режиссерской грамотности случается немало бед. Неестественный режиссерский рисунок, ритмический беспорядок, неверно раскрытый актер, хаос в массовой сцене — все это довольно частые ошибки молодой режиссуры. Потому-то я упомянул об учебниках.

Недавно я познакомился с одной книжкой, которая, как мне показалось, заслуживает в этом отношении внимания. Это сочинение Юрия Мочалова «Композиция сценического пространства. Поэтика мизансцены» (второе название мне больше нравится), вышедшее в Москве в прошлом году. Предисловие к книге написал В. Н. Плучек.

Эта книга специальная, посвященная техническим тайнам режиссуры. Она поможет молодому режиссеру и профессионального и любительского театра воспитать в себе профессионализм, требовательность, вкус и другие качества подлинного художника.

Кое-что, однако, в этой книге, я думаю, будет интересно не только режиссерам. Ведь все творческие процессы — работа писателя, актера, критика, музыканта, живописца — имеют между собой немало общего.

Среди того, что мне особенно близко в этой книге,— постоянно повторяющийся призыв автора бороться с иллюстративностью: «Нельзя не обмолвиться здесь об одной распространенной ошибке малоопытных постановщиков — применении иллюстративного приема.

Хвост сзади, спереди какой-то
чудный выем,
Рассудку вопреки, наперекор
стихиям;
Движенья связаны и не краса
лицу,
Смешные, бритые, седые
подбородки...
Как платье, волосы, так и умы
коротки!

Вряд ли исполнитель украсит этот монолог, если, описывая моды, обозначит у себя за спиной шлейф, обрисует декольте, проиллюстрирует, как нехороши связанные движения, потом укажет на подбородок, на костюм и голову. Так же и режиссер, если точно на текст выведет двух-трех дам шлейфами на зрителя, затем продемонстрирует их декольте, смешные движения, а на фразу «на мой же счет поднялся смех» даст взрыв смеха,— вряд ли это будет раскрытием смысла монолога».

И Мочалов делает такой вывод: «Иллюстративность плоха в принципе. Она лишает зрителя игры воображения, убивает рождающиеся в нем образы и ассоциации».

К сожалению, мы не так редко встречаемся с подобными ошибками. «Осень» Пушкина сопровождается порой «Осенней песней» Чайковского, стихи Есенина о березке иллюстрируются фотографией березы, когда звучит романс «Колокольчики мои», нам показывают крупным планом колокольчики. Кстати говоря, это повод коснуться еще одного серьезного вопроса. Художественная проза сегодня мощной волной хлынула на экраны и сцены. Убежден, что единственный путь переведения литературы на язык других искусств — это создание на их основе полноценных драматургических произведений. Уязвимость же примитивных экранизаций и инсценировок прежде всего в их иллюстративности. То, что совершенно выражено в большой литературе, получает лишь приблизительное, бледное отражение на экране или сцене.

Иллюстративность плоха как в большом, так и в малом. Она преследует нас и в сценической жестикуляции. Порой чтец, произнося строку Блока «Чуть золотится крендель булочной», норовит нарисовать в воздухе крендель, на словах Маршака: «Картину, корзину, картонку и маленькую собачонку» — лепит руками в воздухе эти предметы и показывает, какую именно собачонку.

Мы должны воспитывать в зрителе, и прежде всего в молодежи, настоящий художественный вкус. Это начинается с борьбы, с такого рода приемами, как пишет Мочалов, «уничтожающими зрительскую мечту». В его книге есть даже специальные упражнения, которые помогут студенту определить, какой жест считать механическим, какой — описательным, то есть иллюстративным, а какой психологическим, ценным для нас; где жест может опережать слово, а где — сопутствовать или следовать ему. В нашем кинематографе в отличие от иллюстрации существует прием контрмонтажа, то есть параллельного словесного и зримого повествования, построенного на более сложном принципе ассоциаций. Как мне представляется, это прием емкий, истинно художественный, потому что помогает полнее рассказать об изображаемом и при этом будоражит мысль зрителя.

К вопросу об иллюстративности сценического решения прямо примыкает еще один — об отношении режиссера и актера к авторской ремарке. Я сторонник предельной бережности к произносимому на сцене тексту, но не люблю подробных описательных ремарок. Это литература, привнесенная в драматургию, которую уважающий себя режиссер должен понимать иносказательно, а то и преодолевать, чтобы не впасть в ту же иллюстративность. Не случайно, мне кажется, у великих драматургов — Шекспира, Пушкина, Островского, Чехова — ремарки кратки. «Входит». «Уходит». Для настоящего режиссера этим сказано очень много. Когда же драматург к слову «Входит» добавляет еще «играя тросточкой», он проявляет недоверие к режиссеру, берет на себя его функции. Режиссер же, слепо следуя такого рода указаниям, снижает свою роль до помощника автора по режиссерской части, и ситуация в каком-то смысле становится комической. В главе «Вопрос об авторстве» в несколько ироническом стиле изображается пример «ремарочной режиссуры» — слепой верности авторским указаниям.

Легкость в художественном результате — цель всякого искусства. Мочалов высказывается по этому поводу так: «...Результативная легкость есть задача всякого искусства. Если итог работы тяжеловесен, значит остановились на полдороге».

Блистательна, полувоздушна,
Смычку волшебному послушна,
Толпою нимф окружена, стоит
Истомина; она,
Одной ногой касаясь пола,
Другою медленно кружит,
И вдруг прыжок, и вдруг летит,
Летит, как пух от уст Эола...

Эти строчки известны всем. Но только профессионал-танцовщик знает, чего стоит и как достигается эта легкость, которая и есть самое трудное в искусстве.

С 1928 года я начал трудиться над «Медным всадником». В 1962 году впервые попробовал записать эту работу на магнитофон. Я услышал в своем чтении недостаток этой самой легкости исполнения, и это дало мне понять, что я все еще нахожусь у подножия «Медного всадника». Ровно пятьдесят лет я посвятил звучащему слову. И только в лучшие минуты, может быть, лишь на нескольких концертах в моей жизни я чувствовал ту благодатную легкость, ту послушность своего выразительного аппарата, которую хотел бы ощущать всегда, которую Станиславский называл творческим состоянием, при котором все как бы происходит само, независимо от тебя, когда «пальцы просятся к перу, перо к бумаге, минута — и стихи свободно потекут».

Что касается слова графического, то я встречался с ним лишь время от времени в работе над отдельными статьями. Всерьез я соприкоснулся с ним только теперь. Мне хочется написать книгу о своем творческом пути, о многолетних поисках, о радости общения с удивительными людьми. И о встречах с произведениями большой литературы. Многие из них я завоевывал десятилетиями, брал изнурительной осадой, иногда приступом. Но не помню в своем труде легких побед. Как сказал один большой режиссер, короткие пути не приводят никуда в этом мире.

Возвращаясь к «Поэтике мизансцены», которая вызвала эти размышления и воспоминания, замечу, что и она написана не в одночасье. В конце книги стоят годы написания ее — 1970—1980, но я уверен, что Юрий Мочалов шел к ней не десять лет, а гораздо дольше. Практический режиссерский опыт автора, очевидно, копился для этой книги, написание которой и было для Юрия Мочалова его призванием.

ДЕКАДА

Лев РУДНИЦКИЙ

ПОВЕСТЬ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА

В соборе Святого Доминика по пятницам устраивались концерты органной музыки. Здесь был установлен прекрасный инструмент. В конце прошлого века богатый скотопромышленник купил за баснословную цену орган одной из старинных роттердамских церквей и перевез через океан. Здесь меценат преподнес его собору Святого Доминика, который только начинали строить. Так уникальный инструмент, простоявший на земле Европы более трех столетий, попал в Америку и обрел здесь вторую жизнь.

Сначала все шло пристойно. Прихожане слушали строгие хоралы и фуги. Хоры мальчиков с чистыми и звонкими голосами, в чистеньких воскресных костюмчиках исполняли божественную «Аве Мария», и строгий настоятель благословлял и наставлял богобоязненную паству.

Но промчались годы второй мировой войны, унеся миллионы жизней, ожесточив людей, примирив их со смертью. С новыми критериями добра и зла вернулись из-за океана вчерашние солдаты. Им едва перевалило за двадцать лет, но они прошли сквозь огонь войны и уцелели. Это укрепляло их веру в себя и давало право ниспровергать догмы и авторитеты. Самые сильные вступили в борьбу за социальную справедливость и мир, ради которых они жертвовали жизнью и ради которых остались лежать в земле Европы и Азии их товарищи.

Иные, сняв мундиры, начали новую войну — за лучший кусок, за прибыльное место, за право делать деньги любыми способами. Эта война была очень похожа на ту, за океаном.

Третьи просто поплыли по воле волн, радуясь, что смерть не висит над ними ежесекундно, и стараясь не думать ни о чем другом, кроме хлеба насущного.

Но всех их объединяло скептическое отношение к государственным и общественным институтам, допустившим кровавую бойню.

Юнцы, чуткие ко всему новому и старавшиеся подражать вчерашним солдатам, переняли это неверие. Нигилизм они довели до цинизма, а догмы церкви, продолжавшей в мире убийства, грабежей и разврата бессильно бубнить «Не убий!», «Не укради!», «Не возлюби жены ближнего своего!», попросту втоптали в грязь.

Вот тогда-то и вынуждены были святые отцы обратиться к джазу. Под сводами собора Святого Доминика зазвучала джазовая музыка. Сначала один, потом два, а потом и три раза в неделю. Под звуки саксофонов, банджо, скрипок и органа юнцы распевали псалмы и танцевали. Танцевали рок-н-ролл, твист...

И лишь один день в неделю плыли под высокими готическими сводами чистые звуки органа.

На эти концерты собирались люди солидные, зачастую пожилые. И лишь на задних скамейках сидела ставшая не по годам серьезной молодежь и будто впитывала неповторимые звучания.

Еще до войны Андрюша Костров вместе со своим другом и одноклассником Петькой Кондаковым бегал в Большой зал консерватории. Здесь они слушали мессу Баха в исполнении Гедике. Потом, пораженные и притихшие, шли вверх по улице Герцена. Медленно опускались крупные снежинки. Снег скрадывал шум проносившихся мимо автомобилей и троллейбусов. А в ушах все еще плыли органные аккорды...

С той далекой поры Андрей стал постоянным слушателем органных концертов. Он брал билет на одно и то же место и старался уйти в мир звуков, отключиться от того, что волновало его. И если такое удавалось — а удавалось это чаще всего на концертах Баха,— он уходил из консерватории помолодевшим, очистившимся, полным новых сил.

Вот и в этом огромном городе, где он бывал уже не раз, Костров увидел как-то скромную афишу — никаких виньеток, только черные буквы на белой бумаге: «Собор Святого Доминика. Каждую пятницу в семь часов пополудни концерт органной музыки». И сверху маленький католический крест.

Однажды на концерте Андрей сел рядом со стариком в черном костюме. У него были седые волосы, и над серыми спокойными глазами почти сходились тоже седые брови. Высокий лоб, прямой нос, слегка выдвинутый вперед подбородок придавали его лицу волевое, мужественное выражение.

Так Костров впервые увидел, а затем и познакомился со старым учителем Здиславом Пшебыльским, ветераном войны, одним из руководителей городской организации борцов за мир и большим любителем органной музыки.

И сегодня, дождавшись пятницы, Костров решил совместить полезное с приятным. Он рассчитывал на встречу с учителем и хотел услышать еще раз свои любимые фуги до-диез мажор и фа-диез мажор.

Костров немного опоздал и сел у самого входа. Слушая музыку, он внимательно осмотрел полупустые ряды кресел и на той стороне прохода увидел профиль Пшебыльского.

Во время краткого антракта Андрей подошел к нему. Учитель был еще весь во власти музыки. Он смотрел вдаль невидящим взглядом глубоко задумавшегося человека.

— Добрый вечер, господин Пшебыльский,— обратился к нему Костров по-английски. Учитель слегка вздрогнул, повернул голову и спокойно, словно они только вчера расстались, ответил по-французски:

— Добрый вечер, господин Костров. Вы снова в этой стране со своими фильмами?

— Да, и как человек деловой хотел бы поговорить с вами о деле.

— Я весь внимание.

— Господин Пшебыльский, я узнал, что вскоре вы должны выступить по телевидению от имени организаций борцов за мир и ветеранов войны.

— Да, это так,— подтвердил старый учитель.

— После этого вы намерены показать отрывки из антивоенных фильмов.

— Мы подобрали несколько фрагментов, которые заставят зрителей понять, что несет с собой война. К сожалению, таких лент сохранилось уже немного. А реставрация старых фильмов — дело дорогое и доступно лишь коммерческому прокату. Но коммерсантам это ни к чему...

Приятное чувство охватило и окрылило Кострова. В такие секунды он мгновенно анализировал обстановку и находил точные решения. Это было знакомое с фронтовых лет предчувствие победного рывка.

Костров поглядел в глаза Пшебыльскому и сказал:

— У меня есть такие фильмы.

— Ну что же, очень интересно. Могу ли я их посмотреть? И когда, где?

— Я сообщу вам об этом или завтра во второй половине, или послезавтра до полудня.

Ровно в девять вечера Фред Браун подъехал к дому Мэри Фергюссон. Еще до захода солнца он побывал в ночном баре на шестьдесят четвертом этаже того самого небоскреба, где помещался его «стоматологический» кабинет, и выбрал столик у окна. «Вечером отсюда будет прекрасный вид»,— подумал он.

Браун приехал на такси. Он старался избегать конфликтов с полицией и боялся напиться. Какая-то услужливая и враждебная сила не позволяла ему остановиться на второй или третьей рюмке, после которой чувство меры окончательно покидало его и возвращение в мир реальности наступало лишь утром, вместе с тяжелым похмельем. «Вся жизнь моя — тяжелое похмелье»,— думал в такие утренние часы Браун и клял себя за то, что напился и опять просадил больше полусотни долларов.

Мэри вышла минут через пять. Браун нервно поглядывал на счетчик и ерзал на сиденье. Брюки прилипали к потным ногам, спина под смокингом взмокла.

Когда появилась Мэри, он восхищенно уставился на нее, забыв выйти из машины и помочь ей сесть. Шофер удивленно поглядел на него через зеркало и чуть не расхохотался. Глаза Брауна были прищурены и глядели жадно, короткие белесые ресницы мелко вздрагивали, рот был полуоткрыт, что придавало его лицу нелепое выражение.

— Могли бы помочь мне, шеф, — сказала она, уверенно открыв дверцу и усаживаясь на место, с которого только что отодвинулся Браун.

— Извините, я не заметил, как вы вышли...

Ее ноги и спина ощутили тепло согретого им сиденья. Это было неприятно, и Мэри передвинулась ближе к нему.

«Ого! Для начала недурно!» — подумал Браун.

Ехали молча. Первые его попытки начать беседу не удались. «Да». «Нет...» — односложно отвечала она, и он отказался от этой затеи.

Лишь в баре, глядя на миллионы рассыпавшихся внизу цветных огней, на реку святого Лаврентия, в которой отражались сполохи мчащейся, прыгающей, вертящейся и вспыхивающей рекламы, Мэри немного оживилась.

Подошел официант.

— Что вы будете есть? — спросил Браун, передавая ей меню.

— Выбирайте сами,— ответила Мэри. Потом, подумав, добавила: — Пожалуй, я съела бы цыпленка...

Он заказал ей цыпленка. Себе жареный окорок. Кроме того, гусиный паштет по-французски и салат из фруктов.

— А выпьем что?

— Возьмите чего-нибудь крепкого,— сказала Мэри.

— Бренди, виски, водку? — предложил официант.

— Одно виски, но без содовой. Со льдом. А потом бренди. На десерт кусочек бисквита со старой мадерой и к фруктам шампанское... И, кстати, до цыпленка я бы съела лангуста или омара.— Она вопросительно поглядела на Брауна. Веселый смех переполнил ее и едва не выплеснулся наружу.

— Я что-нибудь не так сказала? — сконфуженно и будто виновато спросила она у Брауна.

На лице его отразились растерянность, испуг.

— Что вы! Наоборот, все очень удачно!—

Продолжение. См. «Огонек» №№ 2—4.

ответил он тоном человека, которому нечего терять.

«Теперь-то уж надерусь обязательно!» — в ужасе подумал Браун.

Официант ушел.

— Как дела у Кострова? — спросил Браун.

— Я приглашена на деловое рандеву? — недовольно спросила Мэри.

— Да нет, что вы! Я просто думал, что вам удалось узнать что-нибудь еще.

— Удалось. Завтра утром Костров получит свой груз из таможни.

— Это невозможно. Вы же сами знаете...

— Именно потому, что знаю, я и говорю. На завтрашний полдень Костров поручил мне заказать грузовик с тентом. Это значит, что он повезет фильмы.

— Но ему не выдадут, не могут выдать их без аннотаций!

— Вероятно, у него есть дубликаты. Иначе он бы не воспринял известия об их утере так спокойно.

— Почему вы не доложили мне об этом раньше? — жестко, уже другим голосом сказал Браун. Теперь перед нею был не старый хрыч, ухаживания которого вызывают смех и презрение, а шеф, хозяин: жестокий, коварный, грязный. Он закурил сигарету и уставился в окно, не обращая на Мэри Фергюссон ни малейшего внимания.

Так сидел он минут пять, и самоуверенная Мэри не рискнула нарушить молчание. Не извинившись, он вдруг встал и, бросив: «Я быстро вернусь», — вышел в вестибюль...

— Скажите, чем интересен для вас этот русский? — спросила Мэри, когда Браун вновь уселся в кресло за столиком.

— Он приехал, чтобы вести коммунистическую пропаганду, направленную на свержение существующего в Канаде государственного строя. Его фильмы — большевистская пропаганда!

— Неправда. То, что известно вам, наверняка знало бы и правительство. Кострова бы просто не пустили в нашу страну, и дело с концом.

— Вы не знаете коммунистов, — неопределенно сказал Браун. Он извинился и вновь ушел, предварительно поглядев на часы. Его не было минут пятнадцать.

Тем временем Мэри вспоминала содержание привезенных Костровым фильмов. Ведь она прочла все «утерянные» на таможне аннотации. Ничего, направленного против Канады или существующего в ней строя, там не было.

Браун вернулся. После первой рюмки он повеселел, а после второй мускулы лица его размякли, оно расплылось в непонятной гримасе, глаза заблестели, язык стал менее послушен, явно выдавая иностранный акцент. «Он русский, — утвердительно подумала Мэри Фергюссон. — У них какие-то свои счеты. Это, конечно, политика». Под действием бренди у нее появилась озорная мысль заговорить с Брауном по-русски. Но она тут же одернула себя. Опыт подсказывал ей: с такими нужно быть настороже! Они не любят и боятся людей, которые знают о них больше, чем следует.

Потом желание трезво размышлять покинуло Мэри, а вскоре исчезла и способность к этому.

Когда официант принес счет, Браун уставился на него бессмысленным взглядом. Ничего не поняв, он беспомощно икнул, вынул стодолларовую бумажку и бросил на поднос. Официант удивленно поглядел — здесь редко расплачивались наличными.

— Сдачи не надо, — буркнул Браун.

«Русский!» — еще раз подумала Мэри.

По дороге домой Браун пытался обнять Мэри, тяжело сопел. Когда такси остановилось у ее подъезда, он спал, развалившись на сиденье.

Мэри проснулась ровно в семь часов, опередив будильник на какие-то доли секунды. Она нажала запорную кнопку звонка. Несколько минут приходила в себя. От выпитого накануне кружилась голова. Не вставая с постели, Мэри достала из бутылочки две таблетки и развела в стакане воды. Потом она с четверть часа простояла под душем. Обнаженная, подошла к гардеробу и стала обдумывать, что бы надеть. «Ведь должен же когда-то в Кострове проснуться мужчина?» — ревниво подумала она. Передвигая висящие на вешалках туалеты, Мэри поглядывала в зеркало, занимавшее почти всю стену ее небольшой спальни.

Перед ней стояла стройная молодая женщина. На неширокие округлые плечи падала тень пышных волос. Талия была узка, подчеркивая ширину бедер, переходивших в длинные, идеальной формы ноги.

Она с грустью подумала о том, что в свои тридцать лет никого еще не любила. Единственный раз, когда ей показалось, что это чувство вот-вот придет, оно принесло беду. Военный атташе посольства Канады в одной из европейских стран был умен и красив. Она не знала собеседника интереснее его. Но когда его жена, дочь очень влиятельного и богатого человека, заметила, что красивая сотрудница отнимает у ее мужа несколько больше времени, чем следовало бы, Мэри Фергюссон пришлось перелететь через океан, домой. Она оказалась без работы, а сбереженный ею капитал быстро таял. Однако военный атташе побеспокоился о ней. Он написал рекомендательное письмо к своему приятелю. Но тот явно знал о Мэри больше, чем было написано в письме. Он принял горячее участие в ее судьбе. Мэри стала заниматься выуживанием коммерческих тайн у фирм-конкурентов. Приятель военного атташе стал ее шефом. Он давал ей не слишком опасные поручения. Эта работа хорошо оплачивалась, тем более, что новая сотрудница вскоре стала любовницей шефа. Около месяца тому назад он предложил ей временный и очень выгодный контракт:

— Будешь работать в кино, крошка. На фирме «Розз энд Розз» против фирмы «Розз энд Розз».

Ровно без пятнадцати девять темно-синий «шевроле» Андрея остановился у того самого подъезда, где всего несколько часов назад Мэри рассталась с Фредом Брауном.

Андрей увидел Мэри издалека и в который раз отметил про себя, что красота ее привлекает внимание прохожих. Костров почти сразу понял, что она ведет двойную игру. Но он решил не подавать виду о своей догадке и продолжал работать с ней, так как предпочитал знать, откуда может грозить опасность. Ведь откажись Андрей от мисс Фергюссон, «Розз энд Розз» предложит ему другого сотрудника. По условиям соглашения это было обязанностью фирмы. Кострова тревожило другое. «Майклу нет необходимости устанавливать слежку. Все финансовые операции проходят через его бухгалтерские книги, и он может уточнить их в любой момент. Полиция за многие мои приезды в страну убедилась, что я не представляю для нее никакого интереса. Остаются либо коммерческие конкуренты «Розз энд Розз», либо различные правые, профашистского толка и эмигрантское националистическое отребье — военные преступники, изменники и прочая шваль. Скорее всего Мэри Фергюссон — их человек. Однако как она попала к Майклу?» Андрей как-то поинтересовался этим. Но старший брат усмехнулся и многозначительно сказал: «Спроси лучше у Эйба...»

Костров затормозил и, наклонившись, открыл дверцу. Мэри, от которой веяло свежестью и здоровьем, села рядом с ним и улыбнулась.

— Доброе утро!

Красота ее и приветливость подкупали, располагали к себе. Андрей тоже улыбнулся в ответ, но сделал это несколько теплее, чем сам того хотел, и остался недоволен собой. Мэри уловила эту приязнь, и что-то ласковое шевельнулось в груди, поднялось к горлу и вынудило отвернуться, чтобы он не заметил ее смущения.

«Шевроле» мчался по хайвэю — так звалась здесь скоростная трасса — к деловому центру города.

— Я должен заскочить на секунду в банк, — сказал Костров. — Вам придется подождать меня в машине.

Идущие впереди автомобили стали притормаживать. Андрей, отвлекшись разговором, с опозданием заметил это и резко нажал на педаль. Мэри бросило вперед, и она уперлась вытянутой рукой в мягкий борт безопасности панели приборов.

Андрей извинился. Сзади он услышал неприятный визг тормозов и в зеркало увидел, что черный «мерседес» едва не врезался в них. На мгновение его взгляд встретился со взглядом водителя «мерседеса» — тот смотрел недобро. «Он прав», — подумал Андрей. Они ехали по хайвэю еще минут десять. Парень, сидевший за рулем «мерседеса», наверно, был пьян. Он раза два обгонял «шевроле» Кострова и вновь отставал. Испуганная Мэри не сводила глаз с «мерседеса».

Возле здания банка, над подъездом которого по полированному черному мрамору золотыми буквами было написано «Роял банк», Андрей, пропустив машины, въехал на бесплатную стоянку для клиентов. Вместо платы сторожу предъявлялась чековая книжка «Роял банк». Андрей ловко развернулся на крохотном пятачке, подал назад и заглушил мотор. Машина стояла недалеко от арки легких ворот прямо против подъезда.

Костров раскрыл жесткий портфель. Мэри увидела, что он вынул какие-то бумаги. Она узнала их. Это были аннотации.

Как только Костров скрылся за дверью, Мэри вновь услышала неприятный визг тормозов. Черный «мерседес» остановился у въезда на парковку, перекрыв его. Трое рослых мужчин быстро выскочили из машины и бросились на стоянку, разместившуюся на пустыре, между двумя огромными домами.

Двое побежали к темно-синему «шевроле», а третий, заперев снаружи дверь стеклянной будки сторожа, просунул руку в окошко, схватил телефонную трубку и с силой дернул ее. Шнур оборвался.

— Не шуметь, — пригрозил он парковщику и бросился на помощь дружкам. Один из них открыл дверцу и, крепко взяв Мэри за локоть, торопливо сказал:

— Выметайся.

При этом он так рванул ее на себя, что она мгновенно оказалась на ногах возле машины. Грабитель, видно, главный, открыл портфель и выругался. Потом все трое бросились внутрь машины. Они лихорадочно обшарили перчатницу, заглянули под переднее сиденье, сорвали заднее. Потом главный бросился к багажнику, крышка взлетела вверх, скрыв бандита от посторонних взглядов.

В этот самый момент Костров вышел из подъезда. Вначале он не узнал своего «шевроле». Окрытые дверцы напоминали беспомощно обвисшие крылья подбитой птицы.

Он тут же все понял и бросился к машине. Но и бандиты увидели его.

— Ходу! — крикнул какой-то из них, и двое побежали к черному «мерседесу». Они резко рванули с места и умчались по улице так быстро, что Андрей не успел заметить номер.

Когда главарь, хлопнув крышкой багажника, вновь выругался и, разогнувшись, увидел вместо своих дружков мчавшегося на него Кострова, он выхватил пистолет, кинулся навстречу Андрею, держа оружие в вытянутой руке и целясь ему в лицо.

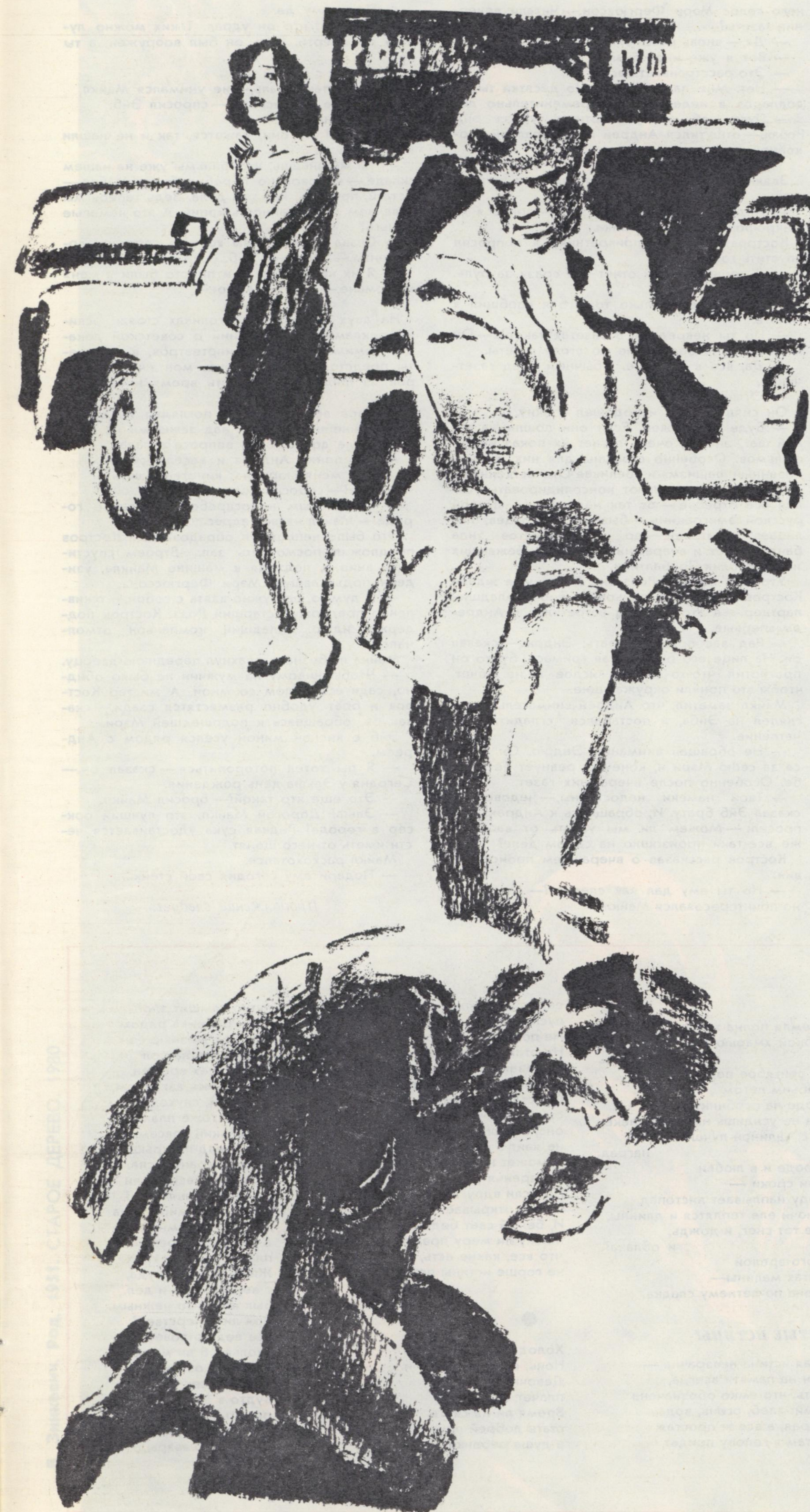
Андрей увидел характерный срез вставного ствола.

«Наверно, газовый», — пронеслось в голове. Ребром раскрытой ладони правой руки он рубанул по запястью бандита и в тот же миг резко ударил его в низ живота коленом правой ноги. Тот охнул и согнулся. Андрей схватил пистолет за ствол и рванул на себя, одновременно выкручивая его из пальцев бандита. Ощутив тяжесть оружия в своей руке, он с размаху опустил рукоятку на ключицу противника. Тот, не то всхлипнув, не то всхрапнув, стал оседать на землю.

— Полицию, живее! — крикнул Костров сторожу.

Но тот, все еще закрытый в своей будке, показал Андрею оторванную телефонную трубку.

Костров бросился открывать запертую снаружи дверь. Тем временем бандит пришел в себя и, пригнувшись, кинулся на улицу. Когда Костров заметил это и побежал вдогонку, того уже и след простыл. Рядом была станция метро с несколькими выходами, а под землей здесь пересекались и расходились в разные стороны три линии. «Зря я побоялся выстрелить, — подумал Андрей. — Пистолет и в самом деле газовый».

Он вернулся к машине. Мэри стояла рядом, облокотившись о стойку.

— Что они вам сделали?— спросил, тяжело переводя дыхание, Костров.

Мэри не отвечала, не сводя с него испуганно-восхищенного взгляда.

Он повторил свой вопрос.

Вместо ответа она сказала:

— Такое я видела только в кино!

...Противно завыла сирена. Во двор въехал «форд» с государственными гербами на дверцах. Вместе с двумя рослыми полицейскими в черной форме из машины выскочили три репортера. Сверкнули блицы, посыпались вопросы.

Костров воспрянул духом. На такую рекламу он и не рассчитывал. Старший полицейский бесцеремонно перебил газетчиков:

— Уймитесь-ка, джентльмены. Сначала дело.

И он стал задавать вопросы, занося ответы в протокол. Костров помнил, что газетчики следят за его словами, и поэтому старался говорить ясно и точно.

Он назвал себя и рассказал, откуда и зачем приехал.

— Я привез на декаду тридцать два фильма о моей стране. Они рассказывают, как живут сегодня советские люди, а также о том, как четверть века тому назад вместе с канадскими солдатами и другими союзниками советские солдаты разгромили фашизм и завоевали право на мирную жизнь.

— Это ваша жена?— спросил один из репортеров.

— Нет, сотрудница.

Репортеры недоверчиво заулыбались. Вновь защелкали затворы камер, вспыхнули блицы, заскользили по блокнотам шарики ручек.

— Как вы думаете, что искали преступники?

— Пока не знаю. Давайте посмотрим вместе,— ответил Андрей.

Лишь теперь он заметил распахнутый пустой портфель и понял, что привлекло налетчиков. Костров уже собрался сказать, что они искали аннотации, но передумал.

Мэри Фергюссон тронула его за локоть и спросила по-русски:

— Бумаги целы?

Он пристально глянул ей в глаза и, не ответив, повернулся к полицейским:

— Я не знаю, за чем они охотились.

Костров подписал протокол. «Форд», взвыв сиреной, вырвался на улицу и помчался в потоке машин.

Андрей спрятал в карман карточку с номерами телефонов полицейского участка и сел за руль. Он осторожно вывел «шевроле» на улицу и остановился, взглянув на Мэри.

— Вы едете со мной дальше?

— Да, в аэропорт,— сказала она.

Стояла жара. Прозрачная кофточка Мэри была разорвана на груди. Андрей увидел матовую кожу и отвернулся.

— Вам досталось из-за меня. Не знаю, как искупить вину.

— Никакой вины нет.— И, помолчав, вдруг добавила: — Я очень испугалась...

— Понимаю,— сказал Андрей.

Начальник таможни был растерян. Положение сложилось щекотливое. В грузовых документах указаны аннотации ко всем фильмам. Значит, они имелись в момент отправки груза. А у него в таможне их нет...

— Могу я наконец получить груз?— спросил у него Андрей.

— Да, сэр. Кроме фильмов. Ведь я не могу нарушить закон. А аннотаций все еще нет,— ответил чиновник.

— Закон нарушать нельзя,— согласился Костров.— А аннотации — вот они. Так что давайте фильмы.

— Так быстро?— удивился таможенник. Но увидев, что русский настроен миролюбиво, осмелел.

— Хорошо, мистер...— он поглядел в визитную карточку Кострова,— мистер Костров. Оставьте аннотации и позвоните завтра.

— Нет.— В голосе Кострова появился металл. — Фильмы нужны мне сейчас, в двенадцать часов. И потом, я не могу допустить, чтобы вы вновь потеряли документы. Я бы не хотел отнимать время у сотрудников вашего министерства иностранных дел...

В половине первого погрузка закончилась.

Фильмы, реклама и аппаратура были отправлены на склад фирмы «Розз энд Розз».

Стрелки часов показывали десять часов вечера. Андрей сидел у стола и просматривал вечерние выпуски газет. Наконец он нашел то, что искал, и начал читать. В шапке шестнадцатой полосы, где обычно помещаются сообщения о происшествиях и скандальная хроника, было броско набрано самым крупным кеглем. «У «Роял банк» русский кинопродюсер избивает трех вооруженных грабителей, напавших на него». В заметке говорилось: «Владелец тридцати двух советских фильмов, известный в нашей стране московский кинопродюсер Андрей Костров сегодня к девяти утра приехал в «Роял банк», чтобы проверить поступления на свои, как говорят, весьма солидные счета. Когда мистер Костров вошел в здание банка, трое неизвестных совершили нападение на его автомобиль, оставленный на стоянке. Грабители выволокли из машины красавицу — русскую спутницу Кострова — и жестоко избили ее. Несмотря на это, характерное для русских упрямство дало ей силы сохранить мужество. Неожиданно вышедший из банка Костров легко расправился с преступниками. Он отнял у них пистолеты и избил так, что те едва унесли ноги. Когда мы заглянули в машину, там лежал раскрытый и пустой портфель Кострова. Даже если предположить, что в портфеле находились только десятидолларовые банкноты, то в нем было минимум пятьдесят тысяч долларов. Очевидно, для русского это незначительная сумма. Во всяком случае, он не проявил беспокойства и заявил полицейским, что у него вообще ничего не пропало.

Спутница Кострова очень красива. В нашей стране такая женщина, если она жена, может стоить мужу тысячи долларов в неделю, если любовница — десятки тысяч. Костров заявил, что она является его сотрудницей. Таким образом, он сам подтвердил, что это не его жена...»

И все сто строк в таком же духе. На фото на переднем плане был изображен Андрей, а чуть сзади — Мэри возле машины с распахнутыми дверцами. Репортер сфотографировал его как-то снизу, поэтому Костров был непомерно высок на фоне своего «шевроле».

Андрей хохотал от души. Он отложил в сторону газету, отметив фломастером статью. «Надо будет вырезать и повеселить друзей в Москве»,— подумал он. В газетах посоладнее сообщения были более сдержанными. Но во всех его называли «владельцем тридцати двух фильмов», и все сообщали о его загадочной «русской» спутнице.

Затрещал телефон, и Костров снял трубку.

— Вы не спите, мистер Эндрю?— донесся до него голос Мэри Фергюссон.— Читали вечерние газеты?

— Да,— вновь рассмеялся Андрей.

— Вот я уже и русская и ваша любовница.

— Это расстраивает вас?

— Нет. Мне даже лестно. Но десятки тысяч долларов в неделю! Не обременительно ли?

— Пусть об этом заботится «Розз энд Розз»,— отшутился Андрей и пожелал ей спокойной ночи.

Звякнул колокольчик переговорного устройства.

— Андрей, ты дома? Я к тебе,—донесся из микрофона голос советника.

Костров позвонил привратнику и попросил впустить гостя.

— Я прочитал твой отчет — и сразу за руль. Что произошло?

— В основном только то, что я сообщил в отчете.

— Но ты невредим? В газетах такое!..— Он кивнул на разбросанные по столу газеты.

— Да, все в порядке. Обычный бред газетчиков.

— Отлично.

Он снял пиджак и подошел к окну.

— Будь осторожен. Если они пошли на такой шаг, значит, очень пугает их показ наших фильмов. Особенно страшны для них «Обыкновенный фашизм» и «Великая Отечественная». Эти фильмы заставляют консолидировать усилия все отребье — от так называемой «Новой русской эмиграции» — бывших власовцев, полицаев, карателей — до националистов типа бандеровцев и вчерашних бандитов, бежавших из республик Прибалтики.

Утром в офисе «Розз энд Розз» уже ждали Кострова оба компаньона. Эйб — младший партнер — в этот приезд встретился с Андреем впервые.

— Рад вас приветствовать, Эндрю,— сказал он. На лице его была такая гримаса, будто он проглотил что-то очень кислое и не хочет, чтобы это поняли окружающие.

Майкл заметил, что Андрей внимательно поглядел на Эйба, и постарался сгладить впечатление.

— Не обращай внимания, Эндрю. Он боится за свою Мэри и, конечно, ревнует ее к тебе. Особенно после вчерашних газет.

— Твои намеки недостойны,— недовольно сказал Эйб брату. И, обращаясь к Андрею, попросил:— Можем ли мы узнать от вас, что же все-таки произошло на самом деле?

Костров рассказал о вчерашнем происшествии.

— Но ты ему дал как следует?— озабоченно поинтересовался Майкл.

— По-моему, да.

— Обидно, что он удрал. Таких можно лупить до смерти. Ведь он был вооружен, а ты нет.

— Хватит с него и так.

— А все-таки жаль,— не унимался Майкл.

— Что же они искали?— спросил Эйб.

— Аннотации.

— Ах, да! Но они, кажется, так и не нашли их?— спросил Эйб.

— Ты же знаешь, что фильмы уже на нашем складе,— недовольно перебил брата Майкл.— Кстати, проверь, как там дела. Ведь теперь мы отвечаем за сохранность копий. А это немалые деньги!

— Слава богу, что вы хорошо спрятали документы,— вздохнул Эйб.

— Я их не прятал. Они просто были у меня в кармане,— ответил Андрей.

На двух журнальных столиках стояли эскизы рекламных объявлений о советской декаде. Помимо названий кинотеатров, в планшеты предстояло еще вклеить монтаж фотокадров из фильмов и указать время начала сеансов.

Костров вопросительно поглядел на братьев. Дальнейшая работа над эскизами не имела смысла до решения вопроса о залах.

Майкл понял Андрея и весело сказал:

— А у меня сюрприз: кинотеатр есть.

— Где?— спросил Костров.

— Под новым небоскребом, в центре города.— Майкл назвал адрес.

Это было неплохо, и обрадованный Костров предложил посмотреть зал. Втроем спустились вниз и, подходя к машине Майкла, увидели подъехавшую Мэри Фергюссон...

— Я думаю, ее нужно взять с собой,— оживленно предложил старший Розз. Костров поддержал идею. Младший компаньон отмолчался.

Майкл любезно распахнул переднюю дверцу.

— Чтобы никому из мужчин не было обидно, садитесь рядом со мной. А мистер Костров и брат удобно разместятся сзади,— сказал он, обращаясь к подошедшей Мэри.

Эйб с кислой миной уселся рядом с Андреем.

— Я бы хотел поторопиться,— сказал он.— Сегодня у Эльфа день рождения.

— Это еще кто такой?— бросил Майкл.

— Эльф? Дорогой Майкл, это лучший боксер в городе! Редкая сука удостаивается чести иметь от него щенят.

Майкл расхохотался.

— Подари ему сегодня свой стейк...

Продолжение следует.

Сроки

Александр МОСКВИТИН

•

Еще земля полна теплом и светом,
а знобкой хмарью веет стылый
пруд...
Есть в сентябре пора,
что бабьим летом
в народе на особинку зовут.
С утра не усидишь на солнцепеке,
и чай с малиной лучше всех
наград.
В природе и в любви
настали сроки —
повсюду напылвает листопад.
Хоть ночи еле теплятся и длинны,
но где тот снег, и дождь,
и облака?..
Немного зрелой
на кустах малины—
была она по-летнему сладка.

ПРОСТЫЕ ИСТИНЫ

Простая истина невзрачна —
пусть и на памяти всегда,
как суть, что емко обозначена
словами: хлеб, огонь, вода.
И мудрая, а все ж простая.
Кому там в голову придет
ее, привычным смыслом хвастая,
пускать охотно в обиход?
Не подсобит благополучию.
Не отличит в бегущем дне.
В слезах рожденная по случаю—
честна и буднична вполне.
Простая истина безмолвна:
стыдясь кричащей новизны,
она, с беспечностью напомнена,
не явит в спешке глубины.
И может не задаться часа
прозренья дремлющей души.
Но если вдруг беда случается —
смысл открывается в тиши.
И, белый свет бедою застя,
пойму ли меру правды той,
что все, какие есть, несчастья
не горше истины простой?

•

Холод. Морось. Ветер.
Ночь, как год, длиной.
Девочка о чем-то
плачет за стеной.
Время ли на свете
стать добрей пришло,
а душа ребенка
чутко слышит зло?
Плач ребенка рядом
спутал с жизнью сон,
опрокинув на пол
слезы всех времен.
Обращаюсь взглядом,
сердцем, слухом всем:
я ведь тоже плакал
маленький совсем.
Эхо звезд по крышам
бьет за гранью сна.
Если глух, всегда ли
вникнешь, чья вина?
Жаль, да в мире чуда
нет, но — помня всех—
о былом, о прежнем
плакать смех и грех.
Жизнь идет покуда,
с верхом дум и дел.
Был когда-то нежным.
Зря ли зачерствел?
Все ведь отзовется,
сколько б ни молчал,
и в тиши означит
корень всех начал.
Будто в зев колодца,
память вглубь глядит...
Не душа ли плачет
девочкой навзрыд?

В. Зинкевич. Род. 1951. СТАРОЕ ДЕРЕВО. 1980

И. Сандырев. Род. 1932. СЕВЕРНАЯ ПЕСНЯ. 1980

ЖИВОПИСЕЦ ИЗ ЗАГОРСКА

В России среди небольших старинных городов Загорск — известнейший. В первую очередь, несомненно, привлекает всех Троице-Сергиева лавра, историко-архитектурный комплекс мирового значения. В музее здесь богатейшая коллекция древнерусской живописи, народного искусства, художественного шитья, ювелирного искусства. Традиционен для Загорска и промысел деревянной резной и расписной игрушки. Знаменитые матрешки буквально покорили планету.

Стоя на соборной площади перед лаврой, особенно в ясную солнечную погоду, ощущаешь невольный восторг: от золота куполов в лазури небес, от пряничнo-сказочной мажорности знаменитой трапезной, от яркой белизны древних церквей. А с площади, с вершины холма, открывается вид на старинные посады, красующиеся то там, то здесь колокольни, на дорогу, по которой тянется нескончаемый поток машин.

Но не только лавра влечет к себе туристов и художников. Уютные улочки древнего Загорска, живописные уголки городского парка милы и притягательны. В любое время года — ослепительной ли зимой, янтарной ли осенью — увидишь здесь людей разных возрастов с этюдниками, планшетами, альбомами, и подчас кажется, что нет другого города, где профессия художника была бы так распространенна, популярна, как в Загорске. Живописцы со времен великого Рублева (в Троице-Сергиевой обители им написана гениальная «Троица») тут в особом почете.

...Большая, просторная мастерская с верхним северным светом, льющимся в широкие окна. Два мольберта, большой и малый, всегда «заряжены» холстами. Каждый художник видит Загорск по-своему. Посвоему видит родной город и Иван Тарасович Сандырев.

Вот он стоит посреди мастерской, плотный, коренастый, пятидесятилетний, румянец здоровья во всю щеку, открытый взгляд голубых глаз. Биография его без затей, но выразительна: сын рабочего, окончил Московский художественный институт имени В. И. Сурикова, учился у выдающегося советского живописца, корифея монументальной живописи Дейнеки. Пережил увлечение искусством Петрова-Водкина. В полной мере постиг пластически совершенные, психологически утонченные образы Венецианова. Обогатил себя преданной любовью к древнерусской живописи.

В том, что в Загорске вырос и возмужал такой самобытный художник, как Иван Сандырев, нет ничего удивительного: семя таланта попало в плодородную почву. Шесть веков отечественной истории и искусства коренятся здесь, постоянно питают дух, хранят чувство прекрасного. И поэзия старинного русского быта постоянно с художником.

Традиционные, столетиями кристаллизовавшиеся формы Сандырев воспринял не столько из книг и почтительного знакомства с музейными коллекциями, сколько в живом общении с мастерами — искусными продолжателями местных старинных народных промыслов.

Взять хотя бы издавна знакомую посадским мастерам «выжигу». Это шкатулки, стаканы для карандашей и кистей, с прочерченными раскаленной проволокой силуэтами лаврских архитектурных шедевров и поверх прорисей украшенные темперной росписью. Сандырев посвоему применяет эту технологию. У него масштаб монументалиста.

Раскаленным электродом выжигает он рисунок на деревянных щитах, а затем темперными красками прокладывает цвет, «лепит» образы. На этом этапе художник испытывает наибольшие трудности. Тонкое темперное письмо неизбежно вступает в противоречие с резкими черными угольными линиями выжиги. Однако мастер извлекает из этого впечатляющий эффект: обобщенный, почти знаковый рисунок и тонкие, исполненные лирического чувства живописные нюансировки в разработке цвета. Контраст, дарящий новое эстетическое качество.

Первая большая работа в новой технике была осуществлена Сандыревым во Дворце спорта уральского города Асбест.

Весенний луг в цветах, сад, озеро, и на озерной глади серп луны... Девушки, русские красавицы, павами плывут в хороводе, молодые женщины собирают краснощекие яблоки... Декоративно-монументальные росписи И. Сандырева украшают один из интерьеров международного аэропорта Шереметьево, ресторан «Золотое кольцо» в Загорске...

Сандырев чрезвычайно взыскательно относится к своей работе. Пишет много, упорно, истово. Его картины сложны по построению, многоплановы. Все, что он делает, когда-то пережито, прочувствовано, обдумано и теперь увидено мысленным взором. Явления нашей действительности, народная жизнь, вековые обычаи, дорогие сердцу русские люди — вот что привлекает внимание художника.

В работах мастера нет обыденности. Привычное, повседневное в них приподнято, романтизировано. Пластически совершенно написаны фигуры трех девушек в картине «Выходной день». Сферична и оттого особенно наполненна композиция полотна: три фигуры, взятые в сложном ракурсе, круглый столик с букетом, корпуса птицеграда за окном, вдали, образуют содержательную пространственную систему. Красноречив, полнозвучен колорит картины.

Исполненная задушевности, лирики картина «Северная песня» заключает в себе глубинное понимание и самобытное выражение русского декоративизма. Музыкальность, ритм композиции, цветовая полифоничность «Северной песни» основаны на глубине освоения национального живописно-пластического наследия.

Наше время требует от художника значительных мыслей, самосовершенствования, требует искусства высокого стиля. В связи с этим нельзя не вспомнить такое выразительное произведение И. Сандырева, как «Золотая свадьба». Не бытовые детали, не костюмы, не нюансы чувств, испытываемых собравшимися, а идея большой сплоченной русской семьи в первую очередь занимала мастера. Золотой осенний колорит картины символизирует здесь полувековой юбилей, драгоценность человеческой верности. Зрителю предоставлена возможность видеть как бы идею протяженности жизни, любви: дети, внуки, правнуки, невестки, зятья вместе, в семье, тесно сплочены вокруг почтенных стариков, сидящих по обычаю во главе стола.

Метафоричность мышления — органическое свойство всего искусства заслуженного художника РСФСР Ивана Тарасовича Сандырева. Его пафос, герои его картин создаются темпераментно и с точной мерой обобщения, призванного кристаллизовать типичные характеры и яркую фактуру, нравственный и физический идеал, сродство людей и природы, помогают в полной мере насладиться духовной статью, своеобычной красотой и недюжинной силой человека.

Евг. БЫЧКОВА

ЗРЯ СТАРАЕТЕСЬ, СЕРЖАНТ!

Действие происходит в Соединенных Штатах Америки. Деревенский парень Уилл Стокдейл решительно не желает, чтобы его завербовали в армию, и вместе с отцом организует что-то вроде вооруженной круговой обороны на своей маленькой ферме от беспардонных вербовщиков. Но... обстоятельства складываются так, что Уилл все же становится рядовым военно-воздушных сил. «Простачка» пытается обломать нагловатый сержант Кинг, и новобранцу пришлось бы туго, не будь он от природы смекалистым, находчивым парнем. Даже из авиационной катастрофы ему удается выйти с медалью, которую скрепя сердце вручает Уиллу генерал: а что еще остается делать генералу, надо же как-то «замазать» собственные грехи и промахи!

Этот несколько необычный сюжет для новой музыкальной комедии «Трудно быть сержантом» драматурги Дм. Иванов и Вл. Трифонов нашли в сатирической повести американского писателя М. Химена. Либретто отнюдь не претендует на политическую многозначность памфлета, но по ходу действия между шутками, мистификациями и комедийными ситуациями со сцены вдруг проглядывает страшноватый лик американской военщины. И уже нельзя не подумать о том, что руки таких вот генералов тянутся к роковым кнопкам, что парни в форме ВВС США, бездумно подчиняясь приказу, направят куда угодно свои начиненные бомбами самолеты, лишь бы получить потом заветную награду.

Перед Ленинградским театром музыкальной комедии, взявшимся за эту постановку, задача стояла довольно сложная. Балансируя на грани шутливости и серьезности, точно дозируя гротеск, иронию и условность, творческий коллектив под руководством заслуженного деятеля искусств РСФСР В. Воробьева сумел создать динамичный, веселый и запоминающийся спектакль. Спектакль, конечно же, музыкален: умело подобранные мелодии американской эстрады выглядят на сцене не вставными номерами, а естественной связующей нитью всего театрального действа. Нарочитое подражание исполнителей популярным западным певцам выглядит не попытками «петь под Демиса Русоса или Барбару Стрейзанд», а шутливым, с известным чувством меры, пародированием «идолов» молодежи. Пожалуй, таким же чувством меры отмечено мастерство вокально-инструментального ансамбля «Ботфорты», активно участвующего в постановке.

Надо сказать, что постановка по своему характеру выходит за рамки оперетты с ее привычными канонами. Но главное не в названии жанра, а в том, что молодые ленинградские артисты чувствуют себя легко и свободно в атмосфере этого очень современного, насыщенного острыми ритмами спектакля. Заслуженный артист РСФСР Виктор Костецкий (запомнившийся зрителю, например, по телевизионному спектаклю «Свадьба Кречинского») привнес в центральную роль Уилла Стокдейла что-то от бравого солдата Швейка: и своей добродушной хитрецой, и подчеркнуто простецким поведением, и ярко выраженной антивоенной настроенностью. И вообще каждому актеру, занятому в комедии, дана возможность как бы импровизировать в рамках своей темы, занимая на сцене свое, отнюдь не второстепенное место.

Пересказывать музыкальную комедию — трудное дело.

Два часа юмора и сатиры, хорошей музыки, отличного настроения... И убежденности в том, что шутка, сказанная к месту, способна так же метко разить зло, как и самые серьезные слова.

Б. СМИРНОВ

Сцена из спектакля.

Виктор ПРОНИН

ЯНТАРНЫХ ДЕЛ МАСТЕРА

Наверно, каждому из нас знакомо чувство чего-то недостижимого, почти невероятного, когда мы рассматриваем картины, скульптуры, произведения прикладного искусства в собраниях Эрмитажа, Оружейной палаты да и менее знаменитых музеев. Кажется, к созданию этих вещей причастна какая-то неведомая сила, будто возникли они силою колдовства.

И вдруг оказывается, что и в наши дни работают умельцы, нисколько не уступающие в своем искусстве мастерам прошлого, более того, готовые посостязаться с ними. Речь в данном случае идет о группе ленинградских камнерезов, которыми руководит Виталий Петрович Ерцев. Впрочем, и по возрасту и по характеру его сподручнее называть Виталием Ерцевым.

Вот уже несколько лет эти мастера выполняют заказы самых известных музеев. Их работы по янтарю можно увидеть в Меншиковском дворце Ленинграда, в Калининградском музее янтаря, их хорошо знают в Эрмитаже и Оружейной палате. Об их искусности можно судить по такой интересной детали. Когда Виталию Ерцеву и его товарищам поручается, к примеру, изготовление копии царской шкатулки из янтаря, сработанной несколько веков назад, то при этом особо оговаривается, что она должна несколько отличаться от оригинала по размеру, обязательно должна быть крупнее или меньше.

Казалось бы, зачем? Уж если копия, то пусть она будет точной, верно? Оказывается, мастерство камнерезов таково, что даже специалистам весьма затруднительно отличить копию от оригинала, если размеры их будут совпадать. Да, группа Виталия Ерцева, работающая при Ленинградском комбинате декоративно-прикладного искусства, создает не просто некое подобие, не просто добивается похожести, нет, ленинградские камнерезы освоили манеру работы старых немецких мастеров, их художественные принципы, приемы обработки янтаря заново открыли тайны изменения его цвета. Ведь натуральный янтарь — цвета квашеной капусты, как говорят резчики, то есть серовато-желтый, белесо-желтый. Мастера, работающие под руководством Виталия Ерцева, едва ли не единственные в мире умеют окрашивать янтарь в цвета от золотистого до темно-вишневого.

Наиболее интересные, значительные экспонаты музея янтаря в Калининграде — это восстановленные группой Виталия Ерцева предметы царского обихода, дары, которыми обменивались монархи несколько веков назад. Причем поступали они в мастерскую в самом невзрачном виде — ссыпанные в кулек мутноватые кусочки, словно собрали их в разрытом кургане.

Кто же эти мастера? Прежде всего организатор, душа всей группы Виталий Ерцев, в обязанности которого входит и общее художественное руководство, его брат Геннадий Ерцев, жена Мария, Альберт Ванин, Александр Крылов, Александр Колчин, Александр Журавлев.

Недавно мастера-камнерезы выполнили невероятной сложности работу — реконструировали зеркало, подаренное Фридрихом I Петру I в самом начале восемнадцатого века, а также ларец из собрания Эрмитажа. Работа стала важным этапом в подготовке к воссозданию знаменитой Янтарной комнаты из Екатерининского дворца, похищенной фашистами во время Великой Отечественной войны. Именно поэтому научные работники, искусствоведы, историки с таким пристрастием знакомились с восстановленными произведениями. Члены приемочной комиссии признали, что работа выполнена в манере мастеров, создавших в свое время Янтарную комнату, в той же технике.

А вот мнение директора Эрмитажа академика Б. Б. Пиотровского: «Мастерам бригады удалось разработать методику и технологию реставрации сложнейших янтарных изделий, в том числе успешно решить задачи укрепления и консервации набора, тонировки и полировки. Весь рассыпавшийся набор янтарного ларца находился в стадии разложения. Мастерам удалось сделать невозможное — возродить памятник».

Ныне авторитет мастеров таков, что музей янтаря в Калининграде поручил им работу, за которую до сих пор не брался никто,— восстановить янтарный ларец, подаренный малолетнему Петру в 1688 году.

Он сгорел во время пожара в Кремле в 1737 году. Остался лишь небольшой штриховой рисунок. И вот по этому рисунку мастера взялись изготовить ларец.

Недавно состоялось специальное заседание сектора прикладного искусства Государственного Эрмитажа, где была дана самая восторженная оценка работе, проделанной группой Виталия Ерцева. Научные сотрудники полностью одобрили методику обработки и консервации поверхностей янтаря, технологию его окраски — то есть именно те операции, секрет которых долгое время считался безвозвратно утерянным.

На этом заседании многих поразило высокое качество, полнота научных исследований, которые проводит группа мастеров по каждому восстанавливаемому памятнику культуры. Тогда же было решено издать научный отчет о разработанной Виталием Ерцевым и его товарищами методике реставрации янтарных изделий — методике, которая станет неоценимым вкладом в воссоздание Янтарной комнаты. Воссоздание ее поручено ленинградскому объединению «Реставратор». Генеральный директор объединения Борис Алексеевич Малиновский прекрасно понимает значение предстоящей работы и намерен привлечь к ней лучшие силы.

— Конечно же, мы будем отталкиваться от той основы, которую дали мастера из комбината декоративно-прикладного искусства. Выполненные группой Ерцева детали Янтарной комнаты для Калининградского музея янтаря послужат отправной точкой в нашей работе. Нам выделены достаточные средства — это обязывает приступать к воссозданию Янтарной комнаты немедленно. Работы рассчитаны на десять лет. Ежегодно мы должны будем осваивать около шестисот тысяч рублей.

История Янтарной комнаты на протяжении веков была полна загадок. Необъяснимые вещи сопровождают даже саму идею ее воссоздания. Мне приходилось встречаться с весьма любопытным человеком из Риги, который во всеуслышание объявил, что решил создать Янтарную комнату заново... в свободное от работы время, в кругу семьи.

Приходилось сталкиваться с другим очень уверенным в себе товарищем, который тоже оповестил ближние и дальние окрестности о своем намерении повторить чудо из солнечного камня. Раскрашивая увеличенные фотографии Янтарной комнаты, он вполне серьезно уверял всех, что тем самым приступил к ее созданию. И этому верили. Даже деньги платили. Неплохие, между прочим.

Весьма энергично выразилась заместитель начальника управления культуры Ленсовета Ольга Ивановна Селезнева, когда зашел разговор об этих начинаниях:

— Наконец-то мы избавились от людей малограмотных, не всегда чистоплотных, которые, попросту говоря, морочили людям головы. Теперь мы имеем дело с надежной научной и художественной базой, с испытанной на практике методикой, у нас есть достоверные образцы, от которых можно отталкиваться в этой ответственной работе.

Да, работа действительно ответственная — брошен вызов одному из величайших достижений прикладного искусства. И в мастерской Виталия Ерцева и его товарищей сразу проникаешься серьезным подходом к делу. Собственно, мастерская и создавалась с таким расчетом, чтобы здесь можно было начать работы по воссозданию Янтарной комнаты,— есть площадь, все необходимые инструменты, подготовленный коллектив. На стенах развешаны стенды с сотнями янтарных срезов, позволяющих разработать цветовую гамму, здесь же библиотека, картотека, насчитывающая более тысячи самых различных источников, сведений о янтарных изделиях, способах обработки камня.

В мастерской можно увидеть и фрагмент Янтарной комнаты, изготовленный для Калининградского музея янтаря. Сейчас мастера заканчивают сложнейший орнамент, по которому можно будет судить о том, какой предстанет комната через десять лет.

— А насколько обоснован этот орнамент? — спрашиваю я у Виталия Ерцева.— Кроме самой формы, важно знать его глубину, характер резьбы...

— Все обосновано! — Виталий, кажется, даже обрадовался вопросу.— Комната простояла в Екатерининском дворце достаточно долго, и время от времени отдельные кусочки орнамента отваливались от панелей. Смотрители подбирали их и сдавали в хранилище. Нам удалось найти осколок орнамента и место на фотографии, где он был укреплен. Представляете? Кусочек орнамента размером с мизинец, а общая площадь янтарных панелей восемьдесят пять квадратных метров — поиск был не из легких. Так вот, по этому кусочку можно судить вполне обоснованно о характере резьбы, ее глубине, качестве полировки орнамента и так далее. Но,— Виталий развел руками,— опять неприятность. Осколок пропал. Кто-то украл. Зачем?

Откровенное вредительство. Ведь этот кусочек янтаря вид имел довольно невзрачный — мутный, поцарапанный, весь в бесформенных сколах. Он только для нас представлял большой интерес. Причем взял его человек, прекрасно понимающий его ценность. Вор знал, что этот осколок мог стать системой отсчета при воссоздании всей комнаты. Хорошо, что мы успели снять слепок с этого обломка.

— Виталий, долгое время идут разговоры о поисках Янтарной комнаты, увезенной фашистами. Что вы об этом думаете?

— Если комната найдется, будет, конечно, здорово. Но, думаю, многие разочаруются, увидев ее, это будет не Янтарная комната, а то, что от нее осталось.

И тут же Виталий берет из картотеки два снимка. Один из них сделан в Янтарной комнате, когда та стояла в Екатерининском дворце, на втором — та же панель, но сфотографированная уже после похищения, в Кенигсбергском замке. При сопоставлении снимков становится жутковато. Панель, похищенная фашистскими мародерами, выглядит попросту ободранной. Нет частей орнамента, нет янтарной гирлянды цветов, женской фигурки, далее вообще идет белое пятно деревянного основания.

— Поэтому, прежде чем сесть за рабочие столы, прежде чем взять в руки резцы, мы вынуждены были проводить самые настоящие поиски — научные, художественные, исторические,— говорит Ерцев.

Насколько тщательными были эти поиски, можно судить по такой, вроде бы незначительной детали. Один из самодеятельных янтарщиков с превеликой гордостью показывал мне, как хорошо состыковал он отдельные кусочки янтаря на фоне изготовленного им королевского вензеля, даже заставил провести пальцем по янтарной поверхности. В самом деле, швы не ощущались, панель была идеально гладкой.

— Словно у гардероба, да?— горько усмехнулся Виталий, когда я рассказал ему об этом.— Как легко и охотно готов кое-кто признать собственное превосходство перед мастерами прошлого! А до превосходства еще топать и топать. Дело в том, что фон, даже фон в Янтарной комнате не был пассивным, он работал. Для этого мастера сделали его как бы чешуйчатым. Каждый кусочек янтаря перед окончательной укладкой полировался отдельно. Поэтому, наложенные на одну плоскость, кусочки не совпадали по высоте, в результате возникала игра бликов. А добиться гардеробного блеска куда как просто — наклеивай янтарные плашки на одну доску, продраивай наждаком и полируй до зеркальности. И вся недолга. Но за этим, простите, безграмотность.

Главный архитектор Екатерининского дворца Александр Александрович Кедринский специально ездил в Калининград знакомиться с работами группы мастеров Виталия Ерцева. Его вывод: экспонаты музея янтаря выполнены на самом высоком профессиональном уровне. Посмотрев янтарную раму зеркала Петра Первого из Меншиковского дворца, он воскликнул:

— Вот прообраз Янтарной комнаты.

Несколько слов о самом Александре Александровиче Кедринском. Вот уже четверть века работает он над восстановлением Екатерининского дворца под Ленинградом. Считавшийся когда-то едва ли не красивейшим среди дворцовых сооружений Петербурга, вершина творчества Растрелли, этот дворец после ухода фашистов представлял собой обугленные стены. И его восстановлению Александр Александрович посвятил свою жизнь, совершив в полном смысле слова подвиг.

Недавно Александр Александрович утвержден главным художником воссоздаваемой Янтарной комнаты. Многие люди, с которыми мне приходилось говорить, считают, что одно лишь это обстоятельство внушает уверенность — Янтарная комната будет. Сейчас к ней готовится деревянная золоченая резьба, венчавшая когда-то янтарные панели, бронзовые украшения, уточняются детали интерьера. Что же касается самих янтарных панелей, то весьма полное представление об их будущем виде можно получить в мастерской камнерезов. Здесь в натуральную величину, правда, в гипсе, изготовлена одна панель со всеми украшениями, фигурками, орнаментами. Нижняя треть панели уже сделана в янтаре. Она производит настолько сильное впечатление, что даже сдержанные в восторгах научные сотрудники, с опаской поднимающиеся по крутым ступенькам в мастерскую, не скрывают восхищения. Вот их вывод:

«Для воссоздания фрагмента Янтарной комнаты с большим художественным вкусом использованы природные особенности и рисунок прожилок камня. Решена сложная задача воспроизведения части декоративной отделки в янтаре. Работу отличает высокое профессиональное мастерство. Пластическое решение объемов и рисунка резьбы полностью соответствует сохранившимся документам. Фрагмент выполнен в характере и манере подлинных произведений из янтаря начала восемнадцатого века».

— Видите ли,— говорит Ерцев,— важно организовать коллективный труд, чтобы исключить различия в стиле и технике каждого мастера, уравнять их профессиональные достоинства. Только в этом случае вся Янтарная комната будет выполнена на одном художественном уровне. Причем этот уровень необходимо задать с самой первой детали, иначе может получиться разнобой, панель, изготовленная в этом году, будет отличаться от той, которую сделают через пять лет.

— Виталий, есть ли мастера, которых уже сейчас можно привлекать к работе над Янтарной комнатой?

— Мастера есть, но проблема существует. Сложность в том, что нужно с самого начала создавать долговременный коллектив, чтобы и начали и закончили работу одни и те же мастера. Согласитесь, такой коллектив можно организовать только на основе доброжелательных, откровенных, уважительных отношений, на основе искренней преданности делу. У каждого, кто готов приступить к этой работе, должно быть нечто от самоотверженности. С холодным, равнодушным исполнительством в таком деле далеко не уедешь.

Оставалось только согласиться с Виталием Ерцевым. И он и его товарищи прекрасно понимают всю сложность поставленной перед ними задачи. Созданная три века назад Янтарная комната стала высшим достижением прикладного искусства, и повторить это достижение — дело не только почетное, но и невероятно трудное. Подобная работа не просто значительна сама по себе, она неизбежно приведет к общему подъему камнерезного искусства в стране. Приступая к делу, надо помнить и об этой сверхзадаче.

БЛИЗКОЕ

Трудно составить нечто цельное из разрозненных и написанных в разные годы статей, свод которых читался бы на одном дыхании, главами законченного сюжета. Тут, очевидно, сам автор должен обладать цельностью основной мысли, которая проступает независимо, сама собою, постоянной мерой нравственной оценки деяний и явлений, как бы далеко они ни отстояли во времени и с какими бы именами ни были связаны. Такой независимостью суждения, а стало быть, и его оригинальностью, отмечена книга «Далекое и близкое» доктора филологических наук Н. Н. Скатова.

Говоря об Анне Ахматовой как о замечательном русском художнике, как о звезде первой величины на небосводе отечественной и мировой поэзии начала XX века, об ее идейном сродстве, единстве с Блоком и в связи с этим упоминая статью его «Без божества, без вдохновенья», направленную против акмеистов, Скатов указывает, что Блок назвал Ахматову исключением не из-за высшей талантливости, но оттого, что в ее творчестве в отличие от других было и «вдохновенье» и «божество». Здесь, пожалуй, мы и найдем скрытую тему книги — о духовности как главном критерии в искусстве; тему, продиктовавшую отбор героев: Пушкин, Кольцов, эстетика декабристов, Лев Толстой, А. Н. Островский, Фет, Андрей Белый, Ахматова, Твардовский...

«Далекое и близкое» не литературные портреты, хотя в каждом из очерков через сам материал так или иначе проступает облик избранного художника. Это емкий анализ отечественной словесности в целом, характеристика ее курса, на котором недосягаемым, но определяющим световодным маяком стоял, стоит и будет стоять Пушкин, поскольку «почти все наши великие писатели не только Пушкиным начинают, но, пройдя путями разными и сложными, так или иначе снова выходят к Пушкину: поздний Достоевский и поздний Некрасов, поздний Блок и зрелый Маяковский, и Есенин, и Твардовский. И каждый раз это не возвращение назад, не движение по кругу, ибо каждый раз, на каждом новом этапе Пушкин — впереди. Движение от Пушкина оказывается движением к Пушкину».

Очерк о великом поэте едва ли не центральный в книге Скатова. Из феномена высшей «нормальности» и одновременно высшей его артистичности выводит автор образ характера и воли, позволивших чуть не с младенчества, с легкостью и широтой овладеть законченным, доведенным до совершенства стилем, наполнить его неожиданно новым и единственно для России возможным содержанием, так что стиль сам перешел радикально в иное качество, став нормой нашего языка.

Очерк о Пушкине — взгляд на его развитие под особым, авторским углом зрения. Так «Руслан и Людмила» становится всечеловеческим единством «западного (романного) и русского (сказового) элементов»; так прочтение «Бориса Годунова» оборачивается «своей» расшифровкой контекста трагедии: «Всесилие и бессилие народа. Бессилие и всесилие власти. Народ и власть в их неизбежном противостоянии и необходимом единстве». Тут Онегин угадан «мужским» началом русской жизни вообще, ее центробежной силою, «ее неприкаянностью и неуспокоенностью, ее скитальчеством», тут Татьяна и капитанская дочка — ее начало «женское», то есть сила центростремительная, устойчивая и верная.

От Пушкина и к Пушкину движутся герои Скатова. В диалектической взаимосвязи и в ткани всей русской культуры увидим мы деяния Льва Толстого и мыслителя Николая Федорова, творения драматурга Островского и лирику поэта, умевшего «забираться в сокровеннейшие тайники души человеческой»,— Фета.

Особое место занимает Некрасов. Через личность его, идеи и стиль исследователь пытается проникнуть в психологию творчества не только Твардовского и Исаковского, но и такого изысканного и противоречивого, многоликого и «летучего» поэта, как Андрей Белый. «Однако есть книги,— пишет автор,— в которых Белый, так сказать, закреплен, и среди них лучшая, по почти единодушному признанию критики,— «Пепел». И критик расщепляет структуру этой лучшей книги Белого и подчиняет нас ходу своей мысли, постигая «Пепел» как подлинно художественное открытие и движение к России одного из сложнейших ее художников.

«Далекое и близкое» — книга разгадок, книга обращения за главными ответами жизни к старинной русской литературе и частично к литературе современной, к далекому и близкому того трепетного, что зовется нашей культурой.

А. БАСМАНОВ

———

Скатов Н. Н. Далекое и близкое. Литературно-критические очерки, М., Современник, 1981, 351 с.

ученые отвечают читателям

РЕЛИКВИЯ

В Ленинграде в Литературно-мемориальном музее Ф. М. Достоевского собрано много реликвий. Среди них более тысячи — переданные музею Марией Владимировной Савостьяновой, внучатой племянницей писателя. Недавно она прислала в «Огонек» письмо, в котором просит рассказать историю создания документального скульптурного портрета матери Достоевского — Марии Федоровны.

Работа была выполнена известным антропологом М. М. Герасимовым и хранится сейчас в его семье. Вдова Михаила Михайловича Тамара Сергеевна и их дочь Маргарита Михайловна (она коллега своего отца, тоже антрополог, кандидат наук) разрешили сделать фотоснимок с портрета и рассказали историю его создания.

Документальный скульптурный портрет Марии Федоровны был сделан еще в 1937 году. Хотя метод восстановления облика человека по черепу в целом уже был разработан в то время, он требовал еще многократного подтверждения. И вот Михаил Михайлович пришел в Институт антропологии АН СССР и попросил дать ему для работы слепок черепа любого исторического лица, но не говорить, какого именно. Просьбу его выполнили и при этом сказали, что для проверки имеется живописный портрет, выполненный, впрочем, в несколько условной манере, но схожий с оригиналом.

Герасимов внимательно рассмотрел слепок черепа и сразу определил, что это была женщина, описал лицо: овал, лоб, нос, форму глаз, подбородка... Антропологи поразились: все совпадало с известным портретом.

— Придя домой, — говорит Тамара Сергеевна, — муж принялся за работу. Он всегда работал так — если взялся за что-то, то уж не отвлекался на другое. Через несколько дней окончил портрет и отнес его в Институт антропологии. Вернувшись, рассказал мне, что, оказывается, он восстановил облик Марии Федоровны — матери Федора Михайловича Достоевского.

АНТИБИОТИКИ — ПОЛЬЗА ИЛИ ВРЕД!

«В последнее время как бы пошатнулось доверие к антибиотикам. Они и побочные явления оказывают и различные аллергические заболевания вызывают. Даже такое впечатление, что медицина как бы раскололась на два лагеря. В одном ученые за антибиотики, в другом — против.

Все это несколько странно. Ведь тысячам, а может быть, миллионам людей антибиотики спасли жизнь... И еще хотелось бы узнать, продолжаются ли поиски новых антибиотиков или это дело потихоньку «свертывают»!» — спрашивает Мария Ивановна Киреева из Кисловодска.

Письмо Киреевой мы попросили прокомментировать крупного специалиста в этой области директора Всесоюзного научно-исследовательского института антибиотиков, члена-корреспондента АМН С. М. Навашина.

— Оценивая огромное положительное значение антибиотиков в современной медицине,— говорит Навашин, — следует отметить, что побочных явлений от их применения, наблюдаемых у небольшого процента больных, не больше, чем от других лекарств. А ведь антибиотики сегодня принадлежат к наиболее часто используемым средствам лечения. Прогресс медицины и, в частности, таких ее областей, как хирургия, лечение болезней детей, инфекционных болезней, немыслим без антибиотиков.

Теперь поговорим о так называемом привыкании к ним. Сразу заметим, что «привыкает» к лекарствам не человеческий организм, а возбудители болезни. Они рождают новые поколения бактерий, устойчивых к данному антибиотику. Поэтому происходит определенная «смена поколений» и лекарств. Новые антибиотические вещества, внедренные в практику, высокоэффективны в отношении заболеваний, вызванных устойчивыми формами микроорганизмов. Сегодня в медицине применяется более 50 таких препаратов и множество лекарственных форм, созданных на их основе. Особое значение при этом приобретают так называемые полусинтетические антибиотики. Эти препараты получают путем химических превращений молекул природных антибиотиков.

Таким образом, удается «по заказу» медицины создавать новые высокоактивные вещества и снизить до минимума их неблагоприятное побочное действие. Опыт применения полусинтетических пенициллинов в нашей стране показал их высокую эффективность и безвредность. Решения XXVI съезда КПСС предусматривают дальнейшее развитие производства этих лекарств.

Значение антибиотиков не исчерпывается борьбой с болезнями, вызываемыми микроорганизмами. Они занимают все большее место в лечении некоторых форм злокачественных новообразований. Таким образом, наука и практика здравоохранения отвечают на вопрос однозначно: эра антибиотиков в медицине продолжается.

БИОГРАФИЯ ЗДАНИЯ

«Я часто брожу по моему любимому городу и делаю зарисовки старинных зданий,— пишет нам московский художник Борис Иванович Рябиков.— При этом всегда стараюсь узнать что-то об истории домов. Меня завораживает строгая торжественность архитектурных форм здания Моссовета. Знаю, что ему 200 лет. Расскажите, пожалуйста, его историю и о том, насколько изменился его облик».

— «Тверской казенный дом» — так называлось это здание до революции, — рассказывает заместитель начальника Главного архитектурно-планировочного управления Вениамин Александрович Нестеров. — Главный корпус был уже в 1782 году. В некоторых книгах автором проекта называют выдающегося архитектора, одного из основоположников классицизма в русской архитектуре — Матвея Казакова. Эти предположения не лишены оснований. Фасад здания выходит на площадь (первое ее название — Тверская, впоследствии — Скобелевская, а после революции — Советская), которая тоже была распланирована Казаковым. Известно также из документов, что под его непосредственным руководством производились ремонтные работы в 1786—1789 годах. Построен был дом для графа Чернышева, ставшего в 1782 году московским генерал-губернатором. Спустя два года здание передано в казну и вскоре приобретено Казенной палатой. Вплоть до Октябрьской революции «Тверской казенный дом» служил резиденцией московских генерал-губернаторов.

— Значит, здесь в 1812 году губернатор «Ростопчин писал свои афишки», как говорит Толстой в романе «Война и мир»?

— Да. Во время пожара в занятой французами Москве это здание в числе немногих уцелело,— говорит Вениамин Александрович.

В октябре 1917 года в губернаторском доме находился Военно-революционный комитет. Работа Моссовета неразрывно связана с именем Владимира Ильича Ленина. Ежегодно трудящиеся столицы избирали его своим первым депутатом в Московский Совет. С балкона здания Владимир Ильич выступал перед участниками митингов и демонстраций, перед солдатами и рабочими, отправлявшимися на фронты гражданской войны.

После Октябрьской революции изменяется не только социальное предназначение здания, но и его архитектурный облик. В 1930 году со стороны двора по проекту архитектора И. А. Фомина к зданию был пристроен корпус, включивший в себя нижние этажи флигелей. В 1935 году Тверская, на которой стоял дом, получила новое название — улица Горького. А вскоре началась реконструкция всей улицы. Ее выпрямили, сделали шире, появились новые крупные многоэтажные дома. И чтобы сохранить старинные здания, применили новый метод — передвижение домов. В 1939 году здание Моссовета передвинули на 13 метров 65 сантиметров в глубь квартала. И вот здесь есть одна особенность. Из всех передвигаемых зданий людей всегда эвакуировали — дело-то новое и не без риска. Но работники Моссовета решили не покидать своих рабочих мест и переезжали вместе со зданием. В помещении постоянно находился архитектор района Лев Яковлевич Талалай — отвечал, как говорится, собственной головой.

В 1941 году работы пришлось прервать: война. Но уже в 1943-м их возобновили. По проекту народного архитектора СССР Д. Н. Чечулина и при участии архитекторов М. В. Посохина, Н. Д. Молокова, М. Н. Боголепова и Г. М. Вульфсона трехэтажное здание Моссовета надстроили, высота его удвоилась, были переделаны фасады, а внутри установлены лифты. Здание приобрело еще большую торжественность, а его архитектурный стиль умело сохранен.

НАСЕКОМЫЕ НА СНЕГУ

«В прошлом году во время лыжной прогулки по лесу я видел насекомых на снегу. Правда, день был теплый и солнечный, но разве насекомые не замирают на холодное время года!»

Письмо Петра Новикова из города Владимира привело меня в Государственный биологический музей имени К. А. Тимирязева — один из интереснейших в Москве. Здесь собраны тысячи редких и занимательных экспонатов, проводятся экскурсии по темам: зоология, ботаника, биология, физиология человека. Некоторые экскурсии сопровождаются практическими занятиями и демонстрацией опытов. Здесь читаются различные лекции.

На вопрос нашего читателя отвечает научный сотрудник музея Андрей Владимирович Михеечев.

— Многие насекомые к зиме погибают,— рассказывает он,— другие зарываются в палую листву, мхи, прячутся в коре и дуплах деревьев, где и остаются неподвижными до весны. Дело в том, что у насекомых непостоянная температура тела, поэтому они активны только при температуре окружающей среды не ниже 5—10 градусов тепла. Но это, так сказать, правило, а есть и исключения.

В любой из зимних месяцев в ясные солнечные дни можно наблюдать в лесу удивительную картину: на сухих травинках видны комарики, по снегу снуют снежные паучки, а снег в иных местах словно покрыт сероватой пленкой — это мельчайшие снежные блошки, они ползают, а если потревожить, скачут в разные стороны. Все эти насекомые активны и зимой. Но бывают и нетипичные случаи появления насекомых на снегу.

В оттепели можно встретить «снежных червей» — это личинки жуков-мягкотелок. С виду они похожи на мокриц, живут в палых листьях — талая вода выгоняет их на поверхность. Та же причина объясняет появление зимой ногохвосток.

И, наконец, на снегу можно увидеть бабочек, таких, как дневной павлиний глаз, траурница. Они зимуют в дуплах деревьев, и в резкую оттепель солнце обманывает этих легковерных созданий и побуждает их покинуть теплое зимовье.

Беседы с учеными вел Ю. СУРХАЙХАНОВ.
Фото автора

ученые отвечают читателям

НА ВСЕ ВКУСЫ

Будем совершенно откровенны. Капризы женского нрава не просто выдумка писателей-юмористов. Думается, что О'Генри нисколько не преувеличивал, когда написал свой рассказ «Персики». Герой его Малыш Мак-Гарри буквально совершает подвиг, достав по просьбе своей молодой жены среди ночи персик в городе, еще скованном февральскими снегами. И что же он слышит в ответ: «Разве я просила персик? Я бы гораздо охотнее съела апельсин».

Да, понять женщину не всегда легко. У каждой свой вкус, свой стиль, свои привычки, свое представление о красоте и удобстве. Но тем не менее, наверное, все же возможно добиться взаимопонимания и постараться угодить вкусу каждой, сделать женщину красивой, элегантной, если это твой профессиональный долг?

С таким вопросом мы обратились к директору Московского Дома моделей на проспекте Вернадского Марии Павловне МОЛЧАНОВОЙ.

— За много лет работы в модной индустрии (иначе и не скажешь, ведь в нашем подчинении шестьсот предприятий, ателье, фабрик) я убедилась в том, как разнообразны могут быть вкусы женщин и как трудно ими управлять. А удовлетворить каждую из них, увидеть радость в глазах заказчика, получающего готовую вещь в наших ателье, — конечная и самая главная цель нашей работы. Московский Дом моделей — ведущая моделирующая организация для всех предприятий индивидуального пошива нашего города. Именно у нас, нашими художниками, конструкторами, технологами решается вопрос, что будут носить этой зимой москвичи. Конечно, наша направляющая коллекция, наши конкретные рекомендации для пошива в ателье создаются в соответствии с общим направлением моды, но с учетом особенностей индпошива. Мы должны владеть всеми видами самых сложных отделок, уметь работать с любым материалом, который принесет заказчик, с любыми возрастными группами. Так что угождать женщине — наш профессиональный долг.

— В последние годы наметилась тенденция покупать готовые вещи, и многие женщины отказались от индивидуального пошива. Хорошо ли это?

— Как известно, мода, ее законы зиждутся прежде всего на психологии человека. Одни хотят одеваться, как все, и для них выпускаются большие промышленные серии. Другие же, напротив, хотят выделиться чем-то, ярче подчеркнуть свою индивидуальность. И тут мы, наш Дом моделей и все наши предприятия — к услугам заказчика. Правда, сегодня женщина уже самостоятельно ориентируется в моде и хочет иметь не одно задуманное платье, а набор модных вещей: юбок, блузок, свитеров, брюк, жилетов... Комплектность в одежде современной моды позволяет каждой женщине из этого, казалось бы, стандартного набора вещей создать ансамбли, комплекты самого разного характера, самого разного стиля, подчеркнув, выделив свою индивидуальность. В мировой моде это популярный так называемый кижуальный стиль (набор). К сожалению, у нас еще нет специализированных ателье, чтобы полностью удовлетворить спрос на эти виды одежды.

Одной из тенденций современной моды является изменение ассортимента одежды. Можно сказать, что произошел бум в ассортименте, заставивший нас резко изменить все перспективные планы в моделировании.

Четко выделилась молодежная мода, потребовавшая новых форм, новых решений одежды из новых или обновленных тканей: плащевки, лаке, вельвета, велюра. Именно поэтому наблюдается спад на заказы традиционных мужских костюмов, пальто. Заказчик требует больше курток, облегченных, бесподкладочных и двусторонних блузонов. Молодежь старается уйти от пиджака и пальто. Нашим модельерам приходится потрудиться, придумывая разного рода стеганые полупальто, куртки на искусственном меху и другие вещи совершенно нового ассортимента.

— Как осуществляется связь между рядовым закройщиком ателье и специалистами Дома моделей?

— Связь у нас, как говорится, деловая, постоянная и двусторонняя. Каждый сезон наши художники знакомят с новинками моды, ее новыми направлениями, новыми объемами и пропорциями, со своими предложениями ведущих специалистов службы быта, начальников и главных инженеров экспериментальных цехов, специалистов всех профилей, художников, конструкторов, закройщиков ателье.

Для того, чтобы заказчики не отстали от моды, нашим художникам приходится готовить «сани летом, а телегу зимой». Другими словами, все семинары с показом направляющих коллекций проводятся за полгода до внедрения их на предприятия. На дворе зима, а коллекция к весенне-летнему сезону уже почти готова. Наши художники — частые гости на швейных фабриках, в ателье.

Сегодня заказчик может получить не только любую информацию по моде, но и конкретный совет от художника-консультанта по выбору фасона, ткани в зависимости от особенностей фигуры, возраста.

— В чем вы видите перспективы развития сети индпошива?

— Ателье у нас еще недостаточно. Очереди, большие сроки выполнения заказов, не всегда удовлетворительное качество работы, недостаточность ассортимента тканей на наших предприятиях и особенно нового прикладного материала, модной фурнитуры—все это известные и старые проблемы, требующие своего решения. Но главное, на мой взгляд, создать в каждом районе хотя бы по одному ателье для молодежи с остромодными предложениями новой моды. Повторясь, скажу еще раз: в последние годы наметилась четкая граница между молодежной модой, модой юниоров и одеждой для людей более старшего возраста. Молодежь требует совершенно нового ассортимента в одежде: им не нужны драповые пальто с тяжелыми воротниками, добротные костюмы, дорогие платья на выход, рассчитанные не на один год. Молодежь любит новинки, живо реагирует на любые самые смелые предложения моды, быстро их осваивает. В молодежных ателье должны изготовляться яркие стеганые куртки, брюки, юбки чисто молодежного кроя, гетры, гамаши, жилеты, жакеты из самых новых тканей.

— Еще несколько вопросов к главному художнику Московского Дома моделей Елене Александровне РЫБКИНОЙ. Что нового предлагает мода этой зимой?

— Зима — трудовой период в жизни большинства людей. Закончились летние отпуска, поездки на море. Поэтому и в одежде зимой нет большого разнообразия, все должно быть функционально, удобно, приятно для глаза. Формы мягкие, обтекаемые, не очень объемные. К прямому силуэту и силуэту «трапеция» прибавился новый модный силуэт, зауженный книзу. В зимней одежде наши художники предложили много вещей с прямыми и чуть расширенными плечами, для чего используются погоны или узкие прямые кокетки с горизонтальными складками, переходящие в рукава. Много и модных втачных рукавов, сильно зауженных книзу. Есть в нашей зимней коллекции модели с защипами на линии талии, перехваченные узкими длинными поясами. Очень модна клетка, полосатые ткани и комбинации из двух тканей разных цветов. Модна отделка из кожи контрастных с тканью цветов.

Надо сказать, что женственный, романтический стиль, появившийся ненадолго в моде прошлых лет, не оправдал себя. Выяснилось, что отказаться от спортивного стиля женщина уже не в силах. Но если раньше погончики, особого покроя кармашки решали этот спортивный стиль в одежде, то сегодня это прежде всего удобство, комфортность, раскованность, целесообразность, эстетическая законченность форм. Такая одежда должна быть удобной, но не скучной. И в повседневной будничной обстановке женщина хочет выглядеть изящной, женственной. Влияние спортивного стиля столь велико, что наши модельеры предлагают его и женщинам постарше. Этот стиль дает почувствовать себя более подтянутой, молодой. Хотя, конечно, есть среди наших предложений и вещи традиционно классического характера. Сегодня мода ничего не изобретает. Она просто пытается придать новое звучание известным мотивам. Модная сейчас объемная стежка в верхней одежде — это прежде всего способ утеплить пальто, куртку. А в платье, жилете этот прием помогает обогатить структуру материала, заставить его звучать более современно. Сейчас уже невозможно говорить о более модной длине или о том, что в этом сезоне модны брюки, а в прошлом юбки. Настало время, когда женщины практически не отказываются ни от одного завоевания моды и носят все, что удобно, красиво, к лицу.

— Кстати, о брюках и юбках. Кажется, сейчас именно модны юбки-брюки?

— Как известно, брюки пришли к нам из мужского костюма. Свою жизнь в женской моде они начали практически без изменений. Шились из тех же мужских тканей, конструкция их почти не менялась. Лишь время от времени они слегка расширялись или суживались книзу, носились с манжетами и без манжет.

Сейчас брюки обрели новую жизнь: от хлопчатобумажных, шелковых, атласных до шерстяных. Брюки-юбка — очень элегантный вид одежды. При всей женственности клешеной юбки они несут в себе одновременно удобство брюк. Но это не единственная новинка сегодняшней моды. Даже джинсы претерпели конструктивные изменения. Сейчас брюки могут быть разной длины: до колена, за колено, до щиколотки; разных форм, заимствованных из национальных костюмов — от украинских шаровар до вьетнамских узких брючек, формы «банан» и «галифе».

Комбинезон — своего рода измененный ассортимент платья и брюк, может быть рабочим, спортивным, вечерним, элегантным и слегка «хипповым». Все зависит от ткани, фасона, назначения.

В заключение хочется сказать, что современная женщина спортивна, подвижна, свободна в движении. Эти черты в ней и выявляет модная одежда.

Беседу вела В. МОРОЗОВА.

ГОТОВНОСТЬ К ТВОРЧЕСТВУ

К 80-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ А. Н. ГРИБОВА

Когда думаешь об Алексее Николаевиче Грибове, то первое определение, которое связывается в уме с его именем,— народность. Талант его поистине был народный, корни его в русской земле. Россия, ее природа, ее люди, ее культура питали творчество артиста. С именами гигантов русской литературы связаны лучшие его работы во МХАТе, единственном театре его жизни. А. Островский, Н. Гоголь, Ф. Достоевский, А. Чехов, А. Горький... И те, кого мы нынче называем классиками советской драматургии: Вс. Иванов, Н. Погодин, А. Корнейчук, Л. Леонов.

Грибов был артистом-тружеником, относящимся к своей профессии с желанием все постичь, усовершенствовать, открыть новое, чтобы потом это новое сделать достоянием коллег по цеху. Качества, отличающие русского мастерового человека. Может быть, в этом проявлялась та основа, что была заложена с юности, с тех самых пор, когда он, сын рабочего, сам в течение нескольких лет трудился на шелкоткацкой фабрике...

Высокое звание Героя Социалистического Труда Грибов носил с заслуженной честью не только потому, что был большим мастером своего актерского дела, но и потому, что относился к своему труду подвижнически строго, вдохновенно, требовательно.

За свою долгую творческую жизнь, длившуюся более полувека, Алексей Николаевич сыграл около шестидесяти ролей. И среди них не было тех, что принято считать «проходными». Даже эпизоды становились для артиста ролями, где воссоздавалась жизнь человеческого духа. И как большие роли воспринимали их и зрители и коллеги по искусству. Многие из тех, кто вместе с Грибовым начинал свой творческий путь, вспоминали, как сыграл он маленькую роль мужика в «Бронепоезде 14-69» Вс. Иванова, спектакле, где были заняты Н. Хмелев, В. Качалов, Н. Баталов, в спектакле, который, по словам самого Грибова, заставил актеров поверить в нового героя, породил стремление создавать на сцене живые, яркие, поистине народные характеры. В грибовском мужичонке, который приходил к Вершинину, партизанскому командиру, с докладом: «Один я уцелел» — и слышал ответное: «Уцелел ли?» — сложно сплетались и радость, и страх, и недоумение.

Творческим подвигом было создание Грибовым образа Ленина в «Кремлевских курантах» Н. Погодина, поставленных в Художественном театре в суровые военные дни 1942 года. Казалось, внешние данные артиста мало подходили для этой роли. Но тщательная вдумчивая работа под руководством Вл. И. Немировича-Данченко принесла и самому актеру и театру успех. Вера режиссера в человеческие качества Грибова, в его гражданское самосознание, идейность, в его талант оправдалась. В течение многих лет Алексей Николаевич Грибов был единственным исполнителем этой роли.

Как ни парадоксально, актер яркой театральной формы, Грибов был очень скуп в выборе сценических средств. Его персонажи отличала даже некая угрюмость, замкнутость. И при этом талант Грибова явно обладал таким качеством, как поэтичность. Поэтичность, лишенная пафосности, декларативности. Удивительно играл Грибов старого Глобу в «Русских людях» К. Симонова. Когда его Глоба уходил в тыл врага, на верную смерть, в горле вставал комок, и мы испытывали горечь и сердечную боль — это ведь из нашей жизни уходил спокойный хмурый человек со светлой и чистой душой.

Шедеврами сценического реализма считаем мы такие роли Грибова, как Хлынов в «Горячем сердце» Островского, Собакевич в «Мертвых душах» Гоголя, Чебутыкин в «Трех сестрах» Чехова, Фома Опискин в «Селе Степанчикове» Достоевского... Искренность, правда искусства Грибова предельны. Иногда казалось: еще чуть-чуть — и начнется как бы уничтожение артистизма. Но именно это знаменитое «чуть» и определяло высоту мастерства «стариков» прежнего МХАТа.

Как был безобразен его Фома Опискин... Виртуозный и вдохновенный лицемер, демагог и садист, унижающий всех в отместку за собственное прошлое, собственное унижение. И как торжествовала истинная театральность, как торжествовало эстетическое прекрасное чувство в передаче Грибовым этих «безобразий»!

Никогда русский театр не был местом пустого развлекательства. Всегда он был славен своим умением учить добру, бичевать зло, всегда он был трибуной общественной и моральной. И всегда классике — русской и зарубежной — принадлежало на этой кафедре первое место. А нынче, в наши дни, отношением к классике, чуткостью и глубиной постижения авторского стиля, духа произведения, строя его речи проверяется и степень культуры и гражданские качества художника. Сам Алексей Николаевич Грибов в одной из своих статей называл традиции в постижении классических произведений драматургии частью духовной культуры народа. И высказывался категорически против резкого тенденциозного «переиначивания» классического произведения, так как это «неизбежно приводит к искажению, нарушению живого мира, показанного драматургом».

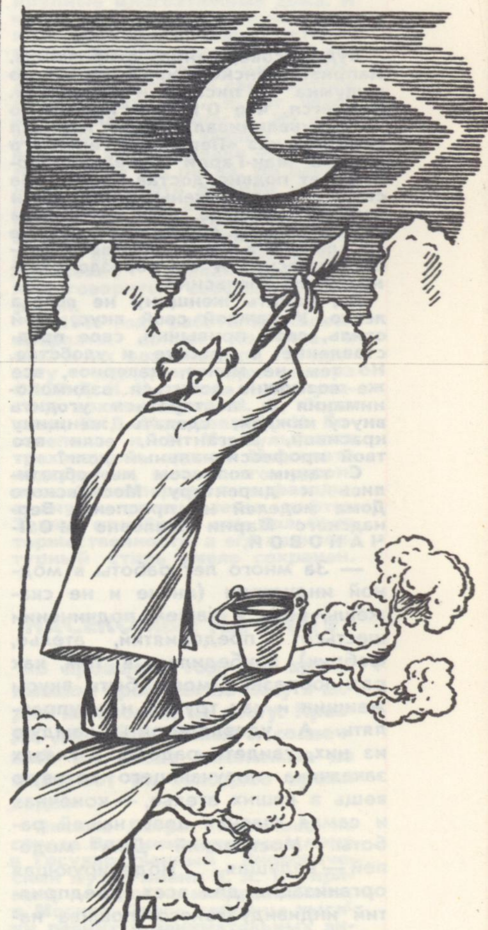
Алексей Николаевич Грибов был приглашен в Художественный театр К. С. Станиславским и Вл. И. Немировичем-Данченко, когда ему исполнилось 22 года. Все лучшее Грибов взял у искусства МХАТа — все лучшее, что принадлежало ему самому, отдал этой сцене. Когда Грибову задавали вопрос о его увлечениях, он отвечал, что в этом отношении он человек скучный. Единственное его увлечение — театр. Но в кино, на телевидении он снимался часто и охотно. Много работал и на радио. В этом проявлялось одно из самых замечательных качеств Грибова — его готовность к творчеству.

Последняя роль Алексея Николаевича в театре — роль старого часовщика Райснера в «Соло для часов с боем» О. Заградника. В этом спектакле были заняты блистательные «старики» Художественного театра: О. Андровская, М. Прудкин, Н. Станицын, М. Яншин и А. Грибов...

Роль Райснера для биографии Грибова символична. Не только потому, что она стала последней его ролью в театре. Но и потому, что образ старого чудака позволил актеру высказать свои тайные мысли, желания, владеющие им. Мотив преодоления старости, жажды созидания, явно окрашенный грустью — ведь время нельзя остановить,— звучал здесь гуманистически светло.

Да, это был артист!

Оксана КОРНЕВА

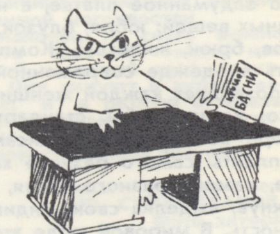

ЮМОР

САТИРИЧЕСКИЕ МИНИАТЮРЫ

Борис ГАЙКОВИЧ

В МИРЕ ЖИВОТНЫХ

ПОПРАВКА К И. А. КРЫЛОВУ

С печальным вздохом басню
отстранив,
Кот Васька выражает несогласие:
— Таскает повар, а стыдят меня.
Ох, надоела эта кОтавасия...

Рисунки А. Орехова

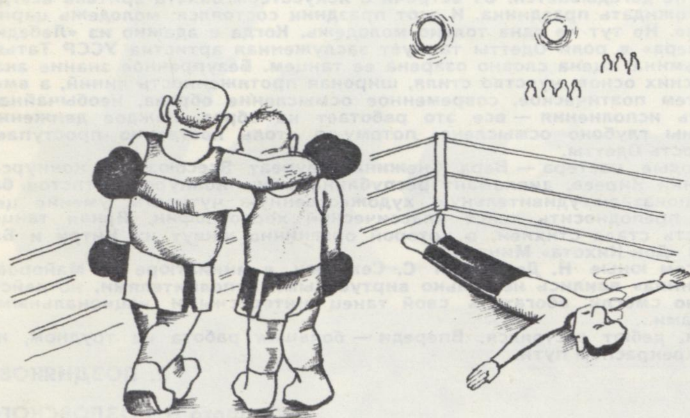
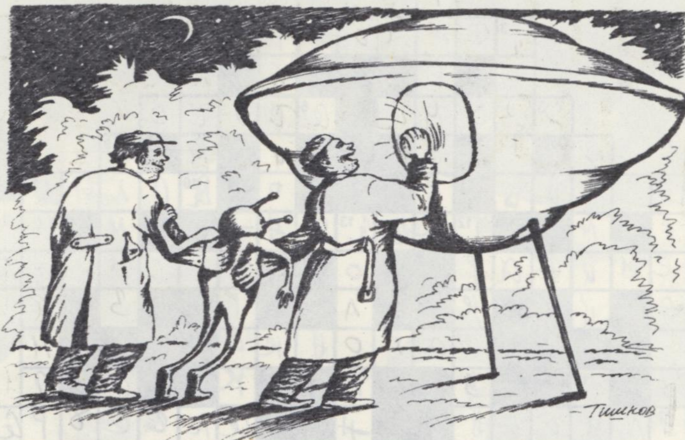
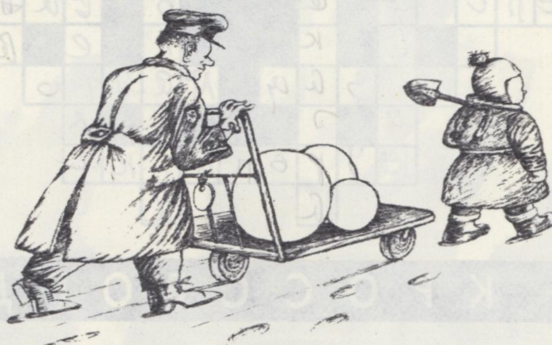

Рис. И. Горлова

— Заберите своего.

Рисунки Л. Тишкова

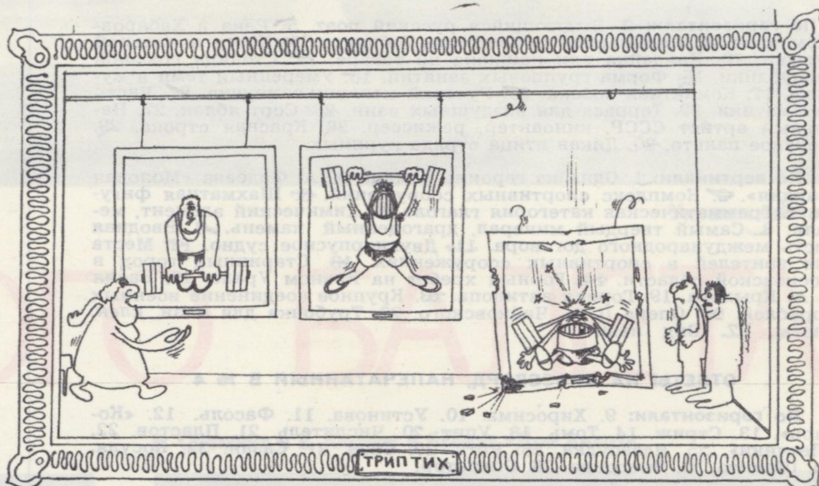

Рис. Л. Сторожука (Харьков)

РУКОВОДИМЫЙ УЖ

— Начальник обувной конторы
Уж?!
Откуда знать ему сапожную науку?
Он скользкий тип
И ног лишен к тому ж...
— Наверное, имеет где-то руку.

СПЛОШНЫЕ ХЛОПОТЫ

— Как жизнь, Болонка?
— Труд с утра до ночи:
На днях опять
Везу хозяйку в Сочи...

ВОРОНА-АНОНИМЩИК

От пасквиля старалась
откреститься:
Впервые вижу, мол, подобную
муру...
Не клюнуло.
Узнали, что за птица.
Установили точно. По перу.

ЦЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Молвит Лис:
— Дорогая супруга,
Надо больше ценить нам друг
друга.
— Это верно,— Лиса мимоходом.—
Дорожают меха с каждым годом.

ИСТОРИЯ ОДНОГО ВНЕДРЕНИЯ

НЕНАУЧНАЯ ФАНТАСТИКА

Сергей СОЛОДОВНИКОВ

Когда испытание аппарата, вызывающего искусственные осадки, завершилось полным успехом, плановик Балансов первым бросился поздравлять изобретателя, совхозного инженера Патентовского.

— Ползунов ты наш, — ликовал он, — теперь нам никакой план не страшен. Надо немедленно внедрять.

— Рановато еще,— отвечал смущенный лестью Патентовский.— Нужно усовершенствовать. Площадь охвата мала, всего сорок га.

— Достаточно, — возразил Балансов. — Как раз наше ячменное поле накроет. В процессе и усовершенствуешь.

— Над ячменным лить без толку, — вмешался в разговор агроном Севооборотов. — Посеяли не в срок, удобрений недовнесли, сколько ни лей — больше не вырастет.

— Кашу маслом не испортишь, — отпарировал Балансов. — Так что давай, Кулибин ты наш, внедряй...

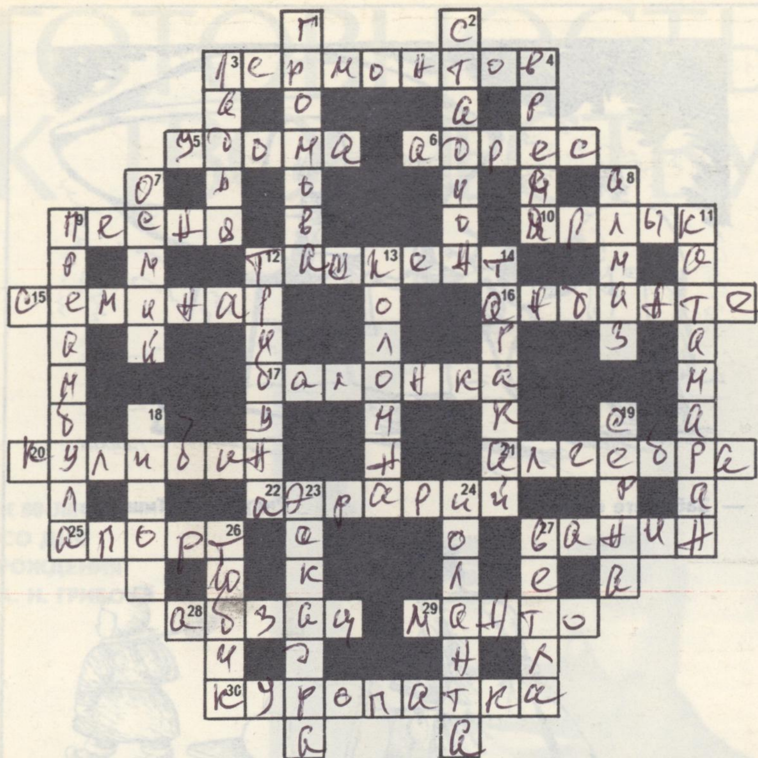
В конце сезона Балансов и Севооборотов вместе трудились над составлением отчета.

— С ячменем полный швах,— грустно заметил Севооборотов. — И половины плана не будет. Что будем писать?

— Как что? — удивился Балансов. — Как было, так и запишем: «В связи с неблагоприятными погодными условиями — проливными дождями...»

Он посмотрел на видневшееся за окном ячменное поле, над которым уже больше месяца внедрялось и совершенствовалось изобретение Патентовского, и мрачно добавил: — «...и частичными наводнениями...»

КРОССВОРД

По горизонтали: 3. Выдающийся русский поэт. 5. Река в Хабаровском крае. 6. Письменное приветствие юбиляру. 9. Жанр вокальной музыки. 10. Наклейка или нашивка на товаре. 12. Столица союзной республики. 15. Форма групповых занятий. 16. Умеренный темп в музыке. 17. Комнатная собака. 20. Русский механик-самоучка. 21. Часть математики. 22. Терраса для воздушных ванн. 25. Сорт яблок. 27. Народный артист СССР, киноактер, режиссер. 28. Красная строка. 29. Женское пальто. 30. Дикая птица отряда куриных.

По вертикали: 1. Одна из героинь романа А. А. Фадеева «Молодая гвардия». 2. Комплекс спортивных сооружений. 3. Шахматная фигура. 4. Грамматическая категория глагола. 7. Химический элемент, металл. 8. Самый твердый минерал, драгоценный камень. 9. Вводная часть международного договора. 11. Двухкорпусное судно. 12. Места для зрителей в спортивных сооружениях. 13. Старинный город в Московской области. 14. Горный хребет на Южном Урале. 18. Басня И. А. Крылова. 19. Горная антилопа. 23. Крупное соединение военных кораблей. 24. Опера П. И. Чайковского. 26. Трубочка для мази, клея, пасты. 27. Вид ивы.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 4

По горизонтали: 9. Хиросима. 10. Устинова. 11. Фасоль. 12. «Косарь». 13. Стриж. 14. Томь. 18. Упит. 20. Числитель. 21. Пластов. 22. «Летчики». 25. Незабудка. 26. Рота. 29. Свая. 31. Сазан. 32. Косуля. 34. Шапито. 35. Бистрица. 36. Оператор.

По вертикали: 1. «Динамо». 2. Король. 3. Миль. 4. Багатель. 5. «Бурмистр». 6. Уток. 7. Энеску. 8. Гварди. 15. Малахит. 16. «Кировец». 17. Клеенка. 19. Позитив. 23. Параграф. 24. «Турандот». 27. Оборин. 28. Алушта. 29. Сапсан. 30. Астров. 33. Яшин. 34. Шлем.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Владислав Третьяк и его семья — жена Таня и дети Дима и Ира. (См. в номере материал «Дом вратаря».)

Фото А. Бочинина.

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Модели Московского Дома моделей на проспекте Вернадского. (См. в номере материал «На все вкусы».)

Фото Э. Эттингера.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. А. ИВАНОВА, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, А. Г. ПАНЧЕНКО, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, ГСП, Бумажный проезд, 14.

Оформление А. А. КОВАЛЕВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Внутренней жизни — 250-56-88; Международный — 212-30-03; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 212-63-69; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 212-21-68; Юмора — 212-14-07; Спорта — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформления — 212-15-77; Писем — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13.

Сдано в набор 11.01.82. Подписано к печати 26.01.82. А 00311. Формат 70 × 108¹/₈. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 18,20. Тираж 1 800 000 экз. Изд. № 315. Заказ № 1779.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865. ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

ОЧАРОВАН

Дебют, дебют... Сколько очарования, сколько музыки в этом слове!

Молодые артисты Киевского ансамбля классического балета в больших трудах и непрестанных волнениях готовились к своему первому выходу — первому концерту в жизни своего коллектива. Волновались молодые танцовщики, совсем недавно получившие эту нелегкую профессию в стенах Киевского хореографического училища. Вместе с ними волновались и люди, их пестовавшие: Галина Березова, опытнейший педагог-репетитор, заслуженная артистка УССР, и, конечно же, художественный руководитель ансамбля народный артист СССР Вахтанг Вронский.

За свою долгую творческую жизнь Вахтанг Иванович успешно работал с известнейшими коллективами страны. Он возглавлял балетные труппы Одесского и Киевского театров оперы и балета, был одним из организаторов Государственного ансамбля УССР имени П. Вирского, руководил московским и киевским «Балетом на льду».

Большой опыт, умение видеть задатки каждого дарования — все это и сказалось так благодатно, оставив позади многие трудности становления, нелегкие порою поиски взаимопонимания. Но зритель теперь об этом и не догадывается! От встречи с искусством балета зритель всегда вправе ожидать праздника. И этот праздник состоялся, молодежь царит на сцене. Но тут не одна только молодежь. Когда в адажио из «Лебединого озера» в роли Одетты танцует заслуженная артистка УССР Татьяна Кузьмина, сцена словно озарена ее танцем. Безупречное знание академических основ, чувство стиля, широкая протяженность линий, а вместе с тем поэтическое, современное осмысление образа, необычайная легкость исполнения — все это работает на образ. Каждое движение балерины глубоко осмыслено, потому-то столь явственно проступает духовность Одетты.

Молодые мастера — Вера Снежина, лауреат Всесоюзного конкурса, и Евгений Киреев, дипломант республиканского конкурса артистов балета,— показали удивительную художественную чуткость, умение целостно преподносить текст классической хореографии. Яркая танцевальность стала стихией, в которой органично живут их Китри и Базиль из «Дон Кихота» Минкуса.

Совсем юные Н. Деркач и С. Семенюк в миниатюре Г. Майорова «Стремнина» явились не только виртуозными исполнителями, но действительно смогли обогатить свой танец интересными национальными приметами...

Итак, дебют состоялся. Впереди — большая работа на трудном, но таком прекрасном пути.

Е. ПОЗДНЯКОВА

Фото Н. КОЗЛОВСКОГО

Киев.

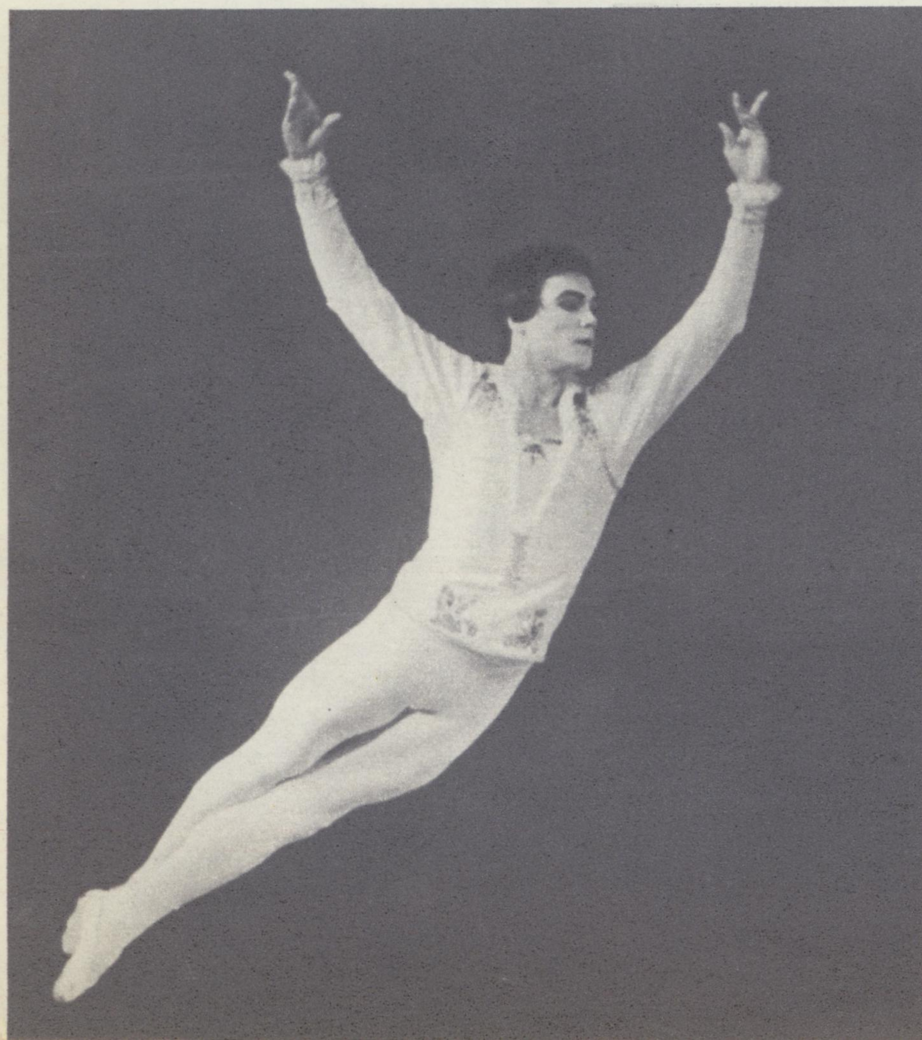
«Лебединое озеро». Танцует И. Высочиненко.

Украинский танец.

ИЕ МОЛОДОГО БАЛЕТА

В. Абашев в роли Принца.

В. Снежина и Е. Киреев в балете «Дон Кихот».

ISSN 0131—0097
Цена номера 40 коп.
Индекс 70663